

СОЛДАТЫ В БЕССМЕРТЬЕ ИДУТ...

*Коллективный сборник произведений
тамбовских писателей
о Великой Отечественной войне*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ

АРХАНГЕЛЬСКИЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1916 – 2005)

Писатель-драматург, врач. Автор рассказов, пьес. Член Союза писателей СССР.

Родился 05 января 1917 года в селе Колюбакино Рузского района Московской области. В 1940 году окончил Воронежский медицинский институт, работал в сельской больнице, откуда ушёл на войну. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями.

Демобилизовавшись, военный хирург приехал в Тамбов и около полувека проработал здесь в железнодорожной больнице. Одновременно занимался литературным творчеством: писал пьесы и рассказы.

Старожилы-театралы помнят, что в 1950-е годы на сцене Тамбовского областного драматического театра имени А.В. Луначарского с большим успехом шли спектакли по пьесам Николая Архангельского «Печать доверия» и «Упорные сердца». Его рассказы в разное время появлялись на страницах областных и районных газет, в коллективных сборниках, звучали по радио. Многие из них, посвящённые в основном медикам, вошли в книги «Возвращение» (2000), «Право на жизнь» (2001). Несколько лет Николай Васильевич Архангельский возглавлял Тамбовское отделение Литературного фонда России.

Писатель скончался 19 октября 2005 года в Тамбове, оставив заметный след в медицине и в литературе.

Сочинения:

Архангельский Н. Упорные сердца. Печать доверия. Зрелость: Пьесы. – Тамбов, 1960.

Архангельский Н. Мачеха: Рассказы. – Тамбов: Книжная лавка писателя, 1994 (Рассказ-газета, № 2).

Архангельский Н. Возвращение: Рассказы. – Тамбов, 2000.

Архангельский Н. Право на жизнь: Рассказы. – Тамбов, 2001.

Литература:

Дорожкина В. Тёплые дороги Николая Архангельского // Архангельский Н. Право на жизнь (Вступ. статья). – Тамбов, 2001. – С. 3 – 8.

Башканков В. Старейший писатель Тамбовщины // Рассказ-газета литературная. – 2002. – № 1 – 4.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 51 – 52.

Лейтенант Пётр *рассказ*

Это страшно, когда война. Да когда ты в самом пекле её. В тылу вот... А что в тылу? В тылу... сутками перед глазами искалеченные этой войной. Раны, кровь... Видишь день, два, недели, месяцы... Стоны, проклятия!.. Да, это страшно, когда война. Только страшнее её – человеческая память. Страшнее своей беспредельностью, свежестью душевной боли.

...В начале сорок третьего я работал в Иркутском военном госпитале. Стояла голодная, притихшая зима, старавшаяся не мешать людям делать своё великое дело.

У заводов и огромной ТЭЦ выходных дней не было. В топках их не успевал сгорать медлительный черемховый уголь. Трубы дымили густо, тревожно. Дым не уносило далеко. Пропитанный им туман, поднимавшийся от реки, окутывал город. Улицы, заваленные серым снегом, казались безлюдными. Редкие воробьи, чёрные от копоти, безнадежно искали что-то в сугробах. В замасленных, безразмерных телогрейках по утрам, ранним и сумрачным, спешили на работу фигурки худеньких подростков.

Неподалёку от дороги на станцию, на длинном открытом прилавке продавали замороженное молоко. Разложенные на чистых полотенцах, будто только что покинувшие свои миски, с горкой застывших маслянистых пенек вокруг свежих щепок-держалок, молочные кругляши неожиданно являли собой святую чистоту и свежесть. Да шла ли война? Шла! Жестокая, страшная...

За прилавком стояли женщины с осунувшимися, потемневшими лицами, печальными взглядами встречавшие прохожих. А те не торопились к прилавку. Искоса поглядывая на кругляши, проходили мимо. Молоко ли это? Может, частицы замороженного, совсем недалёкого прошлого? Проходили, вздыхали... Вернётся ли оно?

...Ночью на станцию прибыл санитарный поезд. Раненых было много. Все они уже побывали в руках хирургов медсанбатов, полевых и эвакогоспиталей. Такие раненые – сложные люди. За время мытарства по лечебным учреждениям у них порой складывались очень тяжёлые характеры. Это были люди, тяжело переносившие своё моральное и физическое увечье. Люди без угадываемого для них самого ближайшего будущего.

...Сотрудники госпиталя были подняты по тревоге. Пришла даже Вера, библиотечарша, жившая с матерью неподалёку от госпиталя. Хрупкая, миловидная девушка лет девятнадцати.

...Очерёдность доставки раненых в госпиталь медики санпоезда установили ещё в пути. Это значительно сократило время перевозки людей.

К утру раненые были размещены по отделениям. Но не всё обошлось спокойно. Особенно буйствовал молодой человек со сплошь забинтованным лицом. Он требовал ответа: по какому праву, не посоветовавшись с ним, его привезли в Иркутск? Сквернословил, размахивал руками, никого не подпуская к себе. В отделение идти категорически отказался. Веру, подошедшую к нему и положившую руку на его плечо, не успевшую и слова сказать, он ударил так, что она, опрокинув стул, упала на пол.

Услышав шум и грохот, раненый притих. Узнав, что он ударил девушку, да ещё не медицинского работника, спросил:

– Как её зовут? Зовут её как? – спрашивал он, уводимый из приёмного отделения самим начальником госпиталя..

...Перевязывали его на следующий день.

То, что я увидел, когда сняли бинты, было страшным: осколок снаряда лишил его глаз, бровей, щёк, носа, части верхней губы. Чудом уцелели слёзные железы. Они сочили слезу, разъедавшую раны.

В перевязочной стало тихо.

Он попросил закурить. Табачный дым медленно выползал из треугольных провалов – это всё, что осталось от носа. При дыхании на дне провалов колыхались обрывки окровавленных тканей. Отбросив в сторону окурков, раненый вдруг спокойно сказал:

– Попросите прийти сюда Веру.

Кто сказал ему, что девушку, которую он ударил, зовут Верой, мы так и не смогли узнать.

Ему попытались объяснить, что Вера – не медицинский работник, что она никогда не видела открытых ран, с ней может случиться непредвиденное... Не помогло.

– Я очень прошу... пусть сюда придёт Вера.

Вере передали просьбу раненого. Она на секунду растерялась, потом спросила:

– Где он?

– В перевязочной.

Она поднялась со стула.

– Идёмте.

Увидев лицо раненого, она сильно побледнела. Подошла к нему и, положив руку на его кисть, спокойно сказала:

– Говорите. Я – Вера.

Из ран выползали остатки табачного дыма. На дне глазниц нервно дёргались плёнки.

– Вы видите, Вера? – спросил её раненый, стараясь сдержать волнение.

– Да.

– Страшно?

Помедлив с ответом, сказала:

– Не очень.

– Это я вас ударил.

– Я что-то не помню.

– Ударил... Я... лейтенант... Пётр... Не сдержался... Простите, пожалуйста.

– Плохо, лейтенант.

– Не повторится, Вера.

– Я не сержусь, Пётр.

И, повернувшись к нам, сказала:

– Перевязывайте.

И ушла.

...Шло время. Я работал над статьёй для журнала по военно-полевой хирургии, часто приходилось бывать в библиотеке.

Вера встречала меня приветливо, быстро находила необходимые книги.

Однажды, проходя по коридору, я увидел Петра, которого няня провожала в библиотеку. Потом Пётр в библиотеку стал приходить каждый день.

Статью я закончил. Как-то вечером, собрав журналы, книги, я понёс их в библиотеку. Вера не вышла мне навстречу. Забеспокоился: не случилось ли чего? Прошёл в зал и услышал: Вера читала что-то вслух. Потом непринуждённо вела разговор с Петром. Я хотел окликнуть её, но, подумав, удержался. А когда услышал их дружный заразительный смех, положил журналы на стол и тихо прикрыл за собой дверь.

В конце месяца прибавилось работы в отделении, ходить в библиотеку не хватало времени. Веру я как-то встретил в коридоре. Я был рад встрече, её улыбке и сказал ей об этом.

– Я тоже, – ответила она, зябко кутаясь в шерстяной платок.

Вера с трудом подавила появившийся вдруг кашель.

– Я... отложила для вас... интересную книгу... Приходите.

– Завтра, Верочка, обязательно приду. Спасибо!

Мы попрощались. А назавтра Веры в библиотеке не оказалось: с высокой температурой её положили в городскую больницу.

...Ключ от библиотеки я брал у дежурного по госпиталю. Однажды, открывая дверь в библиотеку, я вдруг почувствовал прикосновение чьей-то руки. Обернулся. Пётр!

– Вера в больнице? – с тревогой спросил он.

– Да.

– Очень тяжело ей?

– Тяжело, Пётр.

– Поправится?

– Непременно! Завтра я хочу проведать её. Что передать?

– Скажите: Петру очень плохо без неё.

– Скажу, Пётр.

Я крепко пожал ему руку.

– Провожу?

– Нет.

Когда я вышел из библиотеки, Петра в коридоре не было...

Вера встретила меня широкой улыбкой. Она лежала в постели, укрытая одеялом. Большие, жаркие глаза её ловили каждое движение, каждый мой жест. Они чуть-чуть успокоились, когда Вера поняла, что приход мой – приход к ней наш с Петром. Вера задыхалась в кашле, облизывая сухие, в корках губы.

Я вытащил из сумки завернутое в полотенце молоко.

– Молоко?! Замороженное?! – по-детски удивилась она. – Вот здорово! Спасибо вам! Горяченького попою – помягчает здесь.

Вера положила руку на грудь.

– Может, стихнет кашель...

Минуту подумав, сказала:

– Знаете... отнесите молоко маме. Ей совсем нечего есть...

– А я и маме купил.

– Правда?!

Я показал ей вторую кругляшку. Она непонимающе смотрела то на меня, то на молоко. Глаза наполнились слезой...

– А... – как-то поспешно произнесла Вера.

– А Пётр просил передать, что ему очень плохо без вас, Вера...

– Спасибо... – тихо-тихо произнесла она. – У вас найдётся листочек бумаги и карандаш?

Я передал ей свою записную книжку и ручку.

Пока Вера писала, вошла сестра с уколом. Я попросил её растопить молоко и напоить Веру. Задыхаясь и кашляя, Вера протянула мне записную книжку и ручку.

– Петру... передайте.

Говорить ей из-за кашля стало совсем невозможно. Я поцеловал её в лоб, пожал руку, беспомощно лежавшую на одеяле, и ушёл.

В коридоре я встретил лечащего врача.

– Тяжёлая Вера, – сказал я.

– А что вы хотите? Открытая форма туберкулёза, тяжелейшая интоксикация...

...Пётр караулил меня в коридоре. Я достал записную книжку, осторожно вырвал страницу и протянул её Петру, совсем забыв, что у него нет глаз.

Пётр тщательно ощупал листок.

– Что это?

– Записка от Веры.

– Да? Прочтите.

Я прочитал: «Будь мужественным, Пётр. Твоя Вера».

Постояв, будто прислушиваясь к прочитанным мною словам, Пётр стал уходить.

– Я провожу тебя, Пётр!

– Спасибо! Теперь я знаю дорогу!

Около недели я не видел Петра. Я был в ординаторской, когда позвонили из городской больницы. Поражённый сообщением, я опустился на стул и не услышал, как вошёл Пётр.

– Извините. Я хотел узнать: как дела у Веры? Вы были у неё ещё раз?

Я не знал, что ответить ему. Сказать неправду я не мог. А что тогда?

– Почему вы молчите? Говорите же!

– Сегодня утром, Пётр, умерла Вера...

Пётр ничем не выдал своего состояния. Только на бинтах – в тех местах, где глаза, появились два больших влажных пятна...

...В конце недели мне вручили приказ о переводе меня в полевой передвижной госпиталь в Забайкальском военном округе. Я попрощался с товарищами по работе, с Петром. Навестил мать Веры, оставив ей продукты

и деньги. Побывал на могиле Веры. На ней ещё лежали цветы, положенные Петром...

В воскресенье я шагал по улицам города, ставшим для меня каким-то своим, близким. Шагал мимо серых сугробов с чёрными комочками воробьёв на них...

На мосту через Ангару я задержался. В том году Ангара здесь не замёрзла. Она бесшумно катила свои быстрые воды. Говорили, торопится на встречу с Енисеем. Вода была настолько прозрачной, что на пятнадцатиметровой глубине были видны отшлифованные ею камни, большая, с крупными звеньями цепь, обронённая кем-то давно-давно... Вдруг мне показалось, что я вижу лицо Веры. Она улыбалась. Улыбка была чистой, искренней. Пётр душой чувствовал её. Это так... Я посмотрел на город. На мосту стоял Пётр с влажными кругами на бинтах... Я поторопился на вокзал...

Потом был другой госпиталь, а ещё потом – война с Японией, перевод в Воронеж, переписка с бывшим политруком того полевого госпиталя.

Письма из Иркутска я храню: в них есть слова и о лейтенанте Петре.

Довольно удачно ему были сделаны пластические операции на лице. За тёмными очками и не узнать – совсем ли незрячий? Умел Пётр слышать и видеть людей. Он закончил Иркутский пединститут, работал в школе одного из сибирских городов. Живёт с ним мать Веры, ставшая Петру другом, помощником и матерью. Два раза в году они посещают могилку Веры в Иркутске. Возвратившись домой, Пётр надолго остаётся молчаливым. Тогда голос, очень похожий на голос Веры, настойчиво зовёт его:

– Пётр!

– Иду, мама!

БАРАНОВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ (1924-2004)

Писатель-документалист, профессор, краевед, заслуженный работник культуры РФ. Автор романов, повестей, краеведческих и научных работ.

Родился 09 июня 1924 года в селе Верхнеспаское Рассказовского района Тамбовской области в крестьянской семье. После окончания Тамбовского государственного педагогического института (ныне – ТГУ имени Г.Р. Державина) работал учителем истории и географии, директором школы, несколько лет отдал партийной работе. Одновременно занимался краеведением и научно-исследовательской работой, связанной с проблемами культурной жизни Тамбовской области.

В 1967–1994 годах В.П. Баранов был директором Тамбовского филиала Московского института культуры, а затем, когда институт стал самостоятельным, – его ректором. Им написано и издано несколько книг, посвящённых военной теме. В 2001 году в Тамбове увидела свет книга «Эхо войны», в которой автор рассказывает о поездках по местам сражений, о бывших воинах, ставших впоследствии университетскими профессорами, отдавшими много лет воспитанию студенчества; об известном писателе Юрии Бондареве, воевавшем в составе 2-й Гвардейской армии, формировавшейся на Тамбовской земле.

До последних дней жизни Валентин Петрович Баранов оставался в строю как активный писатель и гражданин. Он скончался 6 декабря 2004 года в Тамбове, оставив грядущим поколениям книги, в основе которых – любовь к Родине, к человеку.

Сочинения:

Баранов В. Трудные вёрсты: Док. повесть. – Воронеж, 1985.

Баранов В. Страницы истории родного края. – Тамбов, 1989.

Баранов В. Дороги: Повести. – Тамбов, 1992.

Баранов В. В дни грозные: Док. повесть. – Тамбов, 1999.

Баранов В. Люди и память: Повесть, рассказы, очерки. – Тамбов, 2001.

Баранов В. Эхо войны: Док. рассказы и очерки. – Тамбов, 2001.

Литература:

Андреев В. Литераторы на Тамбовской земле. – Мичуринск, 1998. – Ч. 1. – С. 27.

Тамбовские даты-1994: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 2003. – С. 30 – 31.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 53 – 54.

В дни грозные *фрагмент повести*

В село всё чаще стали приходиться похоронки, возвращались раненые красноармейцы. Случалось, что в двух соседних домах одни горестно плакали по убиенному, в другом, не скрывая радости, за праздничным столом отмечали возвращение в родной дом тяжелораненого солдата. Вместе с тем продолжались проводы новобранцев, фронт требовал пополнения взамен выбывших.

Молодёжная бригада заметно поредела. Бригадир всё чаще стал наведываться на участок молодых косарей. Он был вполне доволен их работой, но сокрушенно качал головой, поглядывая на оставшееся неубранным поле.

– Если так и дальше пойдёт, позаберут всех и работать будет некому... пропадёт хлебушек, а он ведь всему голова... – вздыхал он.

Валентин собирался хоть несколько дней отдохнуть перед уходом в армию и хотел уж попросить об этом бригадира, но, услышав его слова, передумал, счёл невозможным отдыхать в такое горячее время. Бригада косарей теперь насчитывала десять человек, за последние дни в армию ушли ещё шесть человек, в том числе и наиболее ловкий и проворный косарь Мишка Евтюхин.

В обеденный перерыв отдыхающие косари обычно устраивались около копны, торопливо обедали и ложились на часок отдохнуть, но редко кто за это время мог уснуть, всё больше времени уходило на разговоры или на анекдоты. Почти всегда «возмутителем спокойствия» был говорливый Николай Сёмин.

Но на этот раз он «философствовал» серьёзно. Оглядев убранное и уставленное копнами поле, он рассуждал:

– А неплохо, ребята, мы поработали! Посмотрите: всё поле копнами заполнили. Это сколько же тут снопов, если посчитать? Мой дед говорит, что в крестец кладут 17 снопов, а в копну – три крестца, выходит, в копну кладут 51 сноп. Полученное количество копен умножить на 51 сноп, и у нас получится ответ – сколько всего снопов мы скосили.

Он взялся считать копны, несколько раз сбивался со счёта, начинал снова, наконец, сказал:

– Громадный скирд получится. Дед говорил, что в скирд полагается класть пять тысяч снопов, сто копен то есть, а тут их куда больше!..

Настала очередь выслушивать шутки товарищей и Николаю Сёмину.

– Да, скирд действительно будет высоким, с него можно будет наблюдать, что делается на Советской улице Рассказова, – заметил Фёдор. Ребята дружно рассмеялись.

За последнее время Валентин и Фёдор стали чаще уединяться от других ребят, делились своими впечатлениями о встречах с девушками, строили планы о будущей учёбе в военных училищах, в которые изо дня в день оба ждали вызова. Вечерами они редко встречались, после свидания с девушками возвращались поздно. Возможность поговорить о своих делах появлялась только тогда, когда они возвращались с работы.

В середине августа неожиданно на несколько дней на побывку прибыл отец Валентина. Когда он вернулся с поля, отец сидел за столом и, видимо, поджидал его. Увидев сына, он резко встал и двинулся навстречу, но, видно, почувствовал слабость, на середине комнаты остановился. Они крепко обнялись и сели за стол, на котором мать расставляла тарелки с ужином. Отец похудел, постарел и выглядел усталым. Но уже через несколько минут оживился и стал расспрашивать о новостях села, о родственниках и знакомых. Затем стал рассказывать о себе. Вернулся он из госпиталя, куда попал после тяжёлых боёв на Воронежском направлении. Теперь его часть

формируется в Мичуринске, куда он и должен явиться через пять дней. Часть оснащается новыми видами оружия, танками, пополняется людьми.

– Приходят, в основном молодые, ещё необученные солдаты, примерно твоего возраста. Хотя немцу и дали по зубам, особенно под Москвой, но он всё ещё силён и теснит наши части. У него ещё много танков, самолётов и другой техники. Прав был в своё время Михаил Николаевич Тухачевский, когда говорил, что будущая война будет войной моторов... Далеко видел полководец. Его военного таланта так сейчас не хватает... – заключил отец.

По случаю приезда отца мать раздобыла где-то четвертиночку настоящей довоенной водки. Отец заметил, что сын не пьёт, лишь для вида подносит к губам рюмку и тут же её ставит.

– Что, совсем не употребляешь?.. – спросил отец и тут же похвалил: – Молодец, такое в наши дни среди молодёжи редко бывает.

Увидев, как мать загадочно улыбнулась, спросил:

– Что, причина какая-нибудь есть?

– Да тут есть одна... – замялась мать, – не ходит он на встречу под хмельком, девушка появилась у него, да уж больно хорошая, как люди говорят.

– Это хорошо, – одобрительно отозвался отец, – великое дело для солдата иметь любимую девушку, которой письмо можно написать и посоветоваться в трудную минуту.

И тут он вспомнил свою юность, первые встречи со своей первой и последней любовью. Эту историю Валентин слышал впервые и потому слушал с большим вниманием. Отец служил в то время в Красной Армии и после окончания Киевских курсов красных командиров появился в Верхнеспасском. Тут он и подсмотрел девушку. Это была дочка из многодетной семьи Михаила Зоткина, у него было пять сыновей и три дочери. Младшей дочери Алёне понравился стройный, подтянутый командир, и они стали часто встречаться. Отец, однако, с первых дней воспротивился их встречам. Наступила пора молодому командиру возвращаться в свою часть, но отец Алёны так и не дал согласия на брак. Тогда молодые люди решили использовать последнюю возможность – бежать из села вместе. Товарищ жениха на паре добрых лошадей доставил их до железнодорожной станции Платоновка, откуда поездом они добрались до воинской части. Позже они выслали родителям письмо и фотографическую карточку. Ответа на письмо они так и не получили, а фотокарточку, как рассказал им позже один из братьев, отец положил на порог и изрубил на мелкие кусочки, при этом в горячке не заметил, как изрубил в щепки и порог.

– Вот что может натворить любовь! – как бы в назидание сказал отец, и все трое громко рассмеялись.

Заметив, с каким нетерпением сын посматривает на часы, отец понимающе сказал:

– Ну, иди, поди заждалась теперь...

Дусю Валентин увидел сидящей на том же самом крылечке, на котором они познакомились. Похоже, она действительно долго ждала его. Он рассказал ей о встрече с отцом и даже повторил его рассказ, как он «украл» невесту. Искренне посмеялись над проделками своих родителей в далёкую пору их юности.

В этот вечер они долго гуляли по лугу за околицей села.

Как Валентин ни ждал повестки, всё же она пришла неожиданно и как раз в тот день, когда он в доме оставался один: мать уехала с отцом в Мичуринск, а сестрёнка гостила в соседней деревне. Он беспомощно ходил по комнате, не зная, с чего начать сборы. В это время в дом зашла старшая сестра матери – тётя Анисья. Узнав, что Валентин получил повестку с уведомлением явиться завтра в райвоенкомат, она запричитала и заохала, а потом они стали вместе собирать необходимые вещи в дорогу.

Валентин узнал, что такую же повестку получил и Фёдор. Когда Валентин забежал к нему, увидел трогательную картину: вместе с его сестрой в дорогу его собирала Зина, с которой он встречался последнее время.

Валентин попросил двоюродного братишку Васю добраться до Аула, разыскать Дусю и передать ей записку. Она явилась тотчас же, лицо её было озабочено, она никак не ожидала, что их счастливые встречи так быстро оборвутся.

Вечером состоялось небольшое застолье, собралось несколько друзей и знакомых Валентина. Когда все разошлись, Валентин и Дуся ещё долго сидели, вспоминая дни счастливых встреч.

А рано утром собравшиеся друзья вместе с новобранцами двинулись в город. Провожавших было немного, в основном молодые девушки. Через несколько минут раздались первые, неуверенные голоса певцов. Песни чередовались с залихватскими частушками Николая Сёмина, он пока ещё не получил повестки и шёл в качестве провожатого. На полдороге в город решили сойти с большака на тропинку по берегу реки. У высокого крутояра остановились. Отсюда всегда открывался красивый вид на Заречье, и редко кто из пешеходов не останавливался, чтобы полюбоваться красотой природы.

Стояла тёплая погода, ещё не угасли краски полевых цветов, и разноцветные платья девушек создавали особый колорит многоцветья. Валентин обратил внимание на остановившуюся у обрыва Дусю. Она была в лёгком платье, вокруг шеи был повязан газовый, малиновый шарфик, концы которого шевелились от лёгкого дуновения ветерка. Как поётся в песне: «выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой...», – глядя на неё, подумал Валентин. На душе было приятно от того, что рядом была любимая, красивая девушка, с которой, как он надеялся, ни одна сила их не разъединит. Как будто подслушав мысли Валентина, Дуся подошла к нему, и они, взявшись за руки, продолжили путь. Неожиданно навстречу им с криком

бросилась женщина. Валентин не сразу понял, что это была его мать. Случайно с дороги она увидела толпу провожающих и решила проверить – нет ли среди них и её сына. Она не ошиблась и теперь сокрушалась, что же было бы с ней, если бы она случайно не встретила своего дорогого сыночка. Слезы матери несколько снизили радостное настроение Валентина, но уже через несколько минут мать успокоилась и стала рассказывать о своей поездке с отцом в Мичуринск, где формировалась готовящаяся к выезду на фронт воинская часть.

– Отец просил побыть с ним ещё денёк, но, видно, сердце подсказывало торопиться, а то на прощание и не увиделись бы... – перестав плакать, приговаривала мать.

Во дворе военкомата новобранцев построили по группам и поставили на железнодорожную станцию.

Валентин и Дуся, уединившись в уголке вокзала, продолжили начатый разговор о возможности будущих встреч. Подошедший поезд прервал их беседу, началась погрузка, и Валентин, простившись с матерью и Дусей, вошёл в тамбур вагона. Поезд тотчас тронулся, и он долго прощально махал рукой, пока провожавшие не скрылись с глаз.

Валентин и Фёдор, устроившись у самой двери, внимательно рассматривали сидящих в вагоне, надеясь увидеть хоть одного знакомого, но знакомых не оказалось.

С тамбовского вокзала их отправили на пересыльный пункт, который находился в восточной части города. На большой территории, окружённой забором, скопилось много новобранцев, среди них со списками в руках ходили молодые лейтенанты. Время от времени подавалась команда строиться, и отряды один за другим уходили с пересыльного пункта.

Лишь к вечеру Валентин и Фёдор с новой группой новобранцев в сопровождении лейтенанта вышли за ворота. Они пересекли по улицам весь город до западной окраины и остановились перед высокими металлическими воротами. А вскоре ворота широко открылись, и услужливый дежурный красноармеец с загадочной улыбкой шутливо произнёс:

– Сюда дорога широкая, а отсюда боком не пролезешь...

Это была территория бывшего кавалерийского училища, которое не так давно было расформировано. В одной из казарм и были размещены новобранцы.

На следующий день всё прояснилось: оказывается, на территории бывшего кавалерийского училища формировалось пулемётное училище, в котором с сентября должны начинаться занятия с курсантами.

Валентин и Фёдор были зачислены во второй взвод девятнадцатой роты пятого батальона. Об этом им сообщили утром, когда новобранцев построили для утренней проверки.

Всё ожидал Валентин, но представить себе, что он будет учиться не в авиационном училище, а в пулемётном, он не мог. Все его помыслы стать лётчиком-истребителем, теперь неожиданно рушились. Вся его горячая натура протестовала, он не мог согласиться с таким решением вопроса и обратился к командиру роты, но тот довольно жёстко сказал:

– В наше время военные профессии не выбирают, а приказы выполняют!

Тогда Валентин решил обратиться к комбату. Командир батальона, немолодой человек, видать, хватил фронтового лиха, был ранен, так как опирался на костыль. Он внимательно выслушал парня, а потом ответил:

– Ты хотел быть лётчиком – будешь пулемётчиком! Не всё ли равно: откуда разить врага, с воздуха или с суши?

Такая постановка вопроса озадачила Валентина, он понял, что после сказанного комбатом возражать было бесполезно, однако пытался сказать, что в авиации принёс бы больше пользы, так как к службе в ней он готовился давно. Комбат был, видимо, терпеливым человеком, он выслушал Валентина до конца, а затем добавил:

– В юности я мечтал стать врачом, не получилось, Родина позвала защищать её, да так вот и остался в армии. Не огорчайтесь, молодой человек, здесь по ускоренной программе из вас подготовят хорошего командира, и вы будете иметь честь защищать свою Родину. В жизни у молодых людей бывают такие повороты, тем более в такое тяжёлое время для нашей страны...

Валентин понял, что с мечтой о службе в авиации ему временно придётся проститься...

Новобранцы прибыли в училище в основном из областей Центрального Черноземья. Все они в недавнем прошлом закончили обучение в средних школах, у них ещё сохранились традиции школьной жизни, некоторые из них захватили с собой гитары, и теперь около них собирались любители музыки и пения, зазвучали первые песни, завязывались первые знакомства.

Фёдор подвёл к Валентину одного из новобранцев и спросил, узнаёт ли он его. В худеньком, стриженном наголо молодом человеке нелегко было узнать бывшего семиклассника Верхнеспасской школы Лёньку Попова, с которым Валентин не встречался более пяти лет. Значит, теперь их было трое земляков, стало повеселее, как говорится, «двое-трое – не как один».

– Запомните, что с этого часа вы – курсанты военного училища. Вам дали форму, каждую минуту надо помнить о дисциплине, поблажки за нарушения никакой не ждите!..

По дороге в казарму старшина приказал петь песню. Нашлись запевалы, постепенно распелись, и уже в расположении училища песня звучала более уверенно.

Ужинали в просторной столовой. Непривычно было есть из солдатского котелка и пить чай из больших алюминиевых кружек. По этому

поводу сидящий рядом за столом Фёдор недовольно острил:

– В этот котелок лезешь ложкой, как в колодец, пока донесёшь до рта, в ложке ничего не остаётся... Так и хочется взять в руки котелок и съесть всё без ложки через край...

После ужина было объявлено «свободное время». Не сразу курсанты поняли, что это значит, а когда поняли, заулыбались: кому же не хотелось из них «свободно» отдохнуть. Часть курсантов тут же стала писать письма, другие, разместившись в укромных местечках, пробовали играть на гитарах и петь негромко песни, третьи знакомились с обильными правилами и инструкциями на многочисленных стендах, развешанных на стенах казармы.

Валентин обратил внимание на длинный ряд двухъярусных нар, добротно сколоченных из крепких плах. Нары тянулись во всю длину помещения от стены до стены. Валентин без труда насчитал сто двадцать пять спальных мест, видимо, как раз столько, сколько нужно, чтобы разместить весь личный состав роты.

Перед отбоем роту снова построили на поверку. Снова появился проворный старшина. Невысокого роста, с короткими кривыми ногами, одетый в комсоставскую форму, опоясанный широким ремнём с португеей, он легко катился перед строем. Курсанты обратили внимание на странную форму произношения отдельных слов команды. Когда он произносил слово «смирно», вместо этого слова слышалось раскатистое «хир-ра».

С лёгкой подачи остролова – курсанта второго взвода Пачина – с этого вечера за старшиной закрепилась кличка «Хирра». Слово это напоминало что-то восточное, кстати, лицо старшины было явно нерусское, скорее всего, он был выходцем из национальных окраин.

В двадцать три часа прозвучал сигнал отбоя, и курсанты согласно приказу старшины стали укладываться спать: первый ряд строя – на нижних нарах, второй – на верхних.

Валентину, Фёдору и новому знакомому, новобранцу из Токарёвки Владимиру Рачкову, достались места рядом, на втором ярусе. Долго не могли уснуть, тихо разговаривали между собой.

Нелёгкой оказалась служба в пулемётном училище. Изнурительные походы с утра до вечера, отсутствие необходимых бытовых условий тяжело сказывались на общем состоянии курсантов.

В училище предусматривалась ускоренная подготовка курсантов по сокращённой программе. Основными учебными дисциплинами являлись: тактика, материальная часть оружия и огневая подготовка. Много времени отводилось практическим занятиям непосредственно на местности.

Излюбленным местом для таких занятий был Татарский Вал, построенный руками далёких предков как оборонительный рубеж для защиты от набегов непрошенных гостей с ногайской стороны. Недалеко от вала находился тир, в котором отрабатывалось мастерство стрельбы из всех видов стрелкового оружия.

Валентин и Федор показывали неплохие результаты стрельбы из

винтовки. Но вот наступили стрельбы из пулемёта, и результаты у них оказались хуже, особенно у Валентина. В начале стреляли одиночными патронами и вроде бы получалось нормально, но когда стали стрелять небольшими очередями, результаты снизились. После каждого выполнения задачи старшина лично проверял мишени, и уже по выражению лица его можно было определить результаты. Когда он возвращался обратно, лицо его буквально расплывалось от ехидной улыбки: он как будто демонстрировал своё особое почтение к стрелкам-неудачникам. Пули, не задевшие мишень, он считал «посланными за молоком», а стрелка «любителем молока». Может быть, он тем самым добивался необходимого результата? Оскорблённые такими характеристиками курсанты-неудачники старались целиться лучше, и результаты не заставляли себя ждать.

Между старшиной и курсантами постепенно складывались странные взаимоотношения: с одной стороны, он казался мстительным, злым, с другой – порядочным, заботливым. В соответствии с настроением менялось и выражение его лица. Утром, когда наступал час подъёма, слышался его вкрадчивый голос:

– «Подъёмчик, подъём!». Разумеется, лишь у отдельных курсантов эти кажущиеся ласковыми слова вызвали нужную реакцию, остальные продолжали спать. Постепенно голос старшины набирал темп и громкость, в конце он уже довольно громко заканчивал:

– «Подъём, чёрт побери!». Как по мановению волшебной палочки, почти синхронно взлетали на постелях одеяла и простыни, курсанты мгновенно оказывались на полу и лихорадочно надевали одежду. Вполне довольный такой реакцией курсантов, старшина улыбался. На занятиях по строевой подготовке он был словесно просто неудержим, команда следовала за командой. При этом рождались какие-то странные словообразования, так, например, команду «На плечо!» он произносил: «На плечо-п!», команду «К ноге!» – «К ноге-п». Эти новые словоизобретения, доселе не слыханные, рождали у курсантов улыбки, на которые, впрочем, старшина не реагировал. Лишь однажды в перерыве он объяснил курсантам, что окончания с буквой «п» делают команду более короткой и окончательной. При этом он привёл для примера слово «сто-п», стой, значит, остановись вовремя!

Командиры от комвзвода до комбата были в меру строги, отличались особой военной выправкой, были немногословны.

Особой любовью и уважением курсантов пользовался командир взвода молодой лейтенант Журавлёв. Утром бросались в глаза его до блеска начищенные сапоги, безукоризненно отглаженные брюки и гимнастёрка. Передвигался он стремительно, постоянно с озабоченным выражением на лице.

Командир роты старший лейтенант Мигель был, напротив, нетороплив, обстоятелен, с бесстрастным лицом, казалось, что его ничто не волновало. Однако это только казалось. Однажды, проверяя пирамиду с оружием курсантов роты, он подозвал к себе дежурного и попросил найти

хозяина винтовки, которую он держал в руках. Хозяин нашёлся и, соблюдая уставные правила, подошёл к командиру роты.

– Сколько весит эта винтовка? – неожиданно спросил его комроты.

Курсант без запинки ответил:

– «Это винтовка Мосина образца 1891–1930 годов. Вес её со штыком – четыре с половиной килограмма, без штыка – четыре».

– «Отставить», – прервал его комроты, – «Эта винтовка весит пять килограммов, в ней полкило грязи. Возьмите и приведите её в состояние, когда масса её будет соответствовать четырём с половиной килограммам вместе со штыком!..».

Не говоря больше ни слова, комроты покинул помещение. Его крылатые слова долго ещё передавались из уст в уста.

Командир батальона майор Аладьев в девятнадцатой роте появлялся редко, но когда приходил, любил побеседовать с отдельными группами курсантов, интересуясь главным образом их отношением к событиям на фронте, сам знакомил с последними известиями.

Занятия в училище шли своим чередом, свободного времени у курсантов почти не оставалось. Валентин несколько раз пытался написать письмо Дусе, но это удалось сделать не сразу, днём из-за насыщенности занятий. А вечером, когда наступало свободное время, получалось так, что все места за столом были заняты. У него появилось много знакомых. Среди них Лев Пучков, Александр Безгин, Василий Каретников, Владимир Рачков и другие, но больше всего Валентина связывала дружба с Фёдором Барановым и Владимиром Рачковым. На всех внеучебных мероприятиях они были всегда вместе.

Валентин и Фёдор частенько вспоминали весёлое времяпрепровождение в родном селе, своих девчат, с которыми дружили в последнее время перед отправкой в армию. Теперь оставалась только одна радость: ждать писем от любимых...

ЖАРИКОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (1921-2005)

Прозаик. Автор романов, повестей, рассказов, в том числе для детей и подростков. Член Союза писателей России.

Родился 07 ноября 1921 года в селе Татаново Тамбовской губернии. Детство прошло в Хмелинском лесничестве и в Сосновке. После окончания школы поступил в Тамбовское артиллерийское училище.

В первые дни войны Андрей Жариков попал на Ленинградский фронт. Участник многих сражений, доблестный защитник Ленинграда, он позже воссоздаст трагические события в книге «На Ладожском берегу».

После войны Андрей Жариков окончил две военные академии, служил в Генеральном штабе. В 1950-е годы возглавлял научную группу на испытательном атомном полигоне в районе Семипалатинска. За выполнение одного из заданий получил орден Мужества. Среди писателей России он стал первым кавалером этого ордена.

У Андрея Жарикова немало книг о детях и для детей. Созданные в разные годы произведения – «Повесть о маленьком сержанте», «Мальчишки были на войне», «Смелые ребята», «Максимкин орден» и другие – это картина военного детства, которую нельзя просто созерцать.

Статьи Андрея Жарикова о трёх полководцах – Жукове, Малиновском, Тимошенко – вошли в многотомное издание «Солдаты XX века» (Москва, 2000). Об одном из них у писателя есть отдельная книга – «Жуков – маршал Победы» (Москва, 1995). В первом варианте книга о Жукове имела другое название – «Солдатское сердце». За это произведение писатель удостоен звания лауреата премии имени А. Фадеева.

Андрей Жариков много лет жил и работал в Москве, но связь его с малой родиной никогда не прерывалась: он часто бывал здесь и каждую свою книгу, где бы она ни выходила, присылал в Тамбов. Несколько изданий с автографом Жарикова находятся в экспозиции областной детской библиотеки «Тамбовский автограф».

Писатель скончался 24 октября 2005 года в Москве.

Сочинения:

Жариков А. Подвиги юных: Рассказы и очерки. – М., 1965.

Жариков А. Мальчишки были на войне: Док. повести. – М., 1970.

Жариков А. Невидимка: Док. повесть. – М., 1973.

Жариков А. В землянках не гасли светильники: Повесть. – М., 1982.

Жариков А. Солдатское сердце: Повесть о Г. К. Жукове. – М., 1983.

Жариков А. Белый голубь: Повесть. – М., 1990.

Литература:

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: справочник. – Тамбов, 2006. – С. 77 – 78.

Дорожкина В. Андрей Жариков и в литературе – на переднем крае // Дорога жизни: повести, рассказы, очерки. – Тамбов, 2009. – С. 511 – 513.

«Дочь генерала»

рассказ

Пушистые хлопья снега лениво опускались на землю и застилали её сплошным белым покрывалом. Речка Цна замёрзла. Для ребятешек наступило раздолье. Они вытащили из чуланов да сараев свои быстроходные санки, стёрли с них летнюю пыль и толпились на любимых горках. Но не было того обычного гомона и шума, которыми сопровождаются игры ребят.

– «Да, война», – подумал майор Цветов, проходя мимо них.

Он обратил внимание на одиноко стоявшую девочку. У её ног сиротливо сидел лохматый пёс. И девочка, и пёс были запорошены снегом. Слегка пожимая плечами, она наблюдала, как лихо катаются мальчишки с высокой горы. Пёс поднимал то одну, то другую лапу и мелко дрожал, щуря слезящиеся глаза.

– Ты почему не катаешься? – спросил майор, подходя к девочке.

Девочка вздрогнула. И ответила не сразу. Пёс недоверчиво посмотрел на военного и пересел на другое место.

– Не хочется, – грустно вздохнула она, и лицо её стало печальным.

– Как тебя зовут?

– Лиза.

– Тебя кто-нибудь обидел, Лиза?

Девочка отрицательно покачала головой и стала чертить ногой по снегу. Майору Цветову показалась, что девочка сейчас заплачет.

– Эх ты, герой! – весело сказал он, стремясь ободрить её, и ласково ей улыбнулся. – Не горюй! Всё обойдётся.

Уже далеко отошёл от горки, когда услышал сзади шаги и частое дыхание бегущего человека. Он обернулся. Перед ним была Лиза со своим лохматым другом.

– Дядя, а вы не знаете, где на фронт записываются? Я хочу раненым солдатам помогать. Мой папа...

Девочка закрыла серенькими рукавичками лицо и заплакала.

– Помогать раненым? – переспросил майор. – Ну, это очень просто! Приходи на Советскую улицу, в большой пединститут, и спроси майора Цветова. Я тебя устрою. Будешь раненым помогать. А плакать не надо.

– Честное пионерское?

– Честное пионерское, – ответил майор. Он пожал руку Лизе. – Я жду тебя.

В тот же день Лиза собрала в портфель носки, йод, чистые тряпки, которые могли бы пригодиться вместо бинта, захватила пять коржиков и пару огурцов и отправилась на Советскую улицу.

«Может быть, вернуться? – думала она. – Жаль расставаться с мамой...».

Но тут Лиза вспомнила слова матери: «Если бы не ты, я ушла бы на фронт. Как мне хочется отомстить врагу за смерть нашего папы!». И девочка решительно отправилась дальше.

Лиза открыла тяжёлую дверь. В проходной стоял часовой.

– Дядя, можно мне к начальнику?

– Пока нельзя. Приём посетителей с пяти часов.

А Лизе не терпится. Ей очень хочется пройти к майору. Постояла она минут пять и снова подошла к солдату.

– Дядя, мой папа генерал, – придумала она. – Разрешите мне пройти. Он послал меня к начальнику Цветову...

Солдат подошёл к висевшему телефону:

– Докладывает контролёр Чернов. Там к вам дочь генерала пришла...

Есть!

Он подозвал девочку.

– Второй этаж, комната пятая.

Пришла Лиза к майору Цветову. Тот радостно встретил её и почему-то удивлённо посмотрел на старенькую коротенькую шубку.

– Значит, твой папа генерал? Так-так...

– Нет, просто я хочу помогать раненым.

– Ну что ж! Это похвально. А твои родители разрешат?

– Да. Мой папа... – Лиза запнулась. – Моя мама говорит, что мы должны всячески помогать воинам. Она тёплые носки им по ночам вяжет и на фронт посылает.

– Ну, если так, раздевайся. Я тебя отведу к раненым. А на фронт уезжать совсем не обязательно. Им и здесь нужна твоя помощь. В наш госпиталь многие девочки ходят. Они читают книги и письма раненым воинам.

Лиза вздохнула облегчённо. Как хорошо, что уезжать не нужно!

Она надела халат. Он был великоват, полы прикрыли подшитые валенки, но это не беда.

Майор привёл Лизу в палату, где лежали незрячие раненые. Возле многих коек на стульях сидели девочки из той школы, где училась Лиза. Они читали воинам книги.

– Подожди, дочурка, дай посмеюсь, – хохотал один раненый. – Ну, и Мюнхгаузен, ну, и врун!..

– У кого из вас нет маленькой помощницы? – спросил Цветов.

– У меня, товарищ майор, – ответил солдат с кудрявыми волосами и с повязкой на глазах.

– Хорошо, товарищ Семёнов. Прикреплю девочку к вам. Это – Лиза, дочь генерала. Иди к нему, – обратился Цветов к девочке. – Это Герой Советского Союза Иван Васильевич Семёнов.

Лиза несмело подошла к койке и остановилась у тумбочки, не глядя на девочек. Ей стыдно было, что пришлось обмануть всех.

Ведь её отец не генерал, а сержант, и девочки знают об этом.

– Когда-то я любил книги читать, а теперь не придётся. Ранен я в боях под Москвой, – рассказывал Семёнов. – И надо же угодили два осколка по глазам. Ну, скажи что-нибудь, дочка, не стесняйся...

– Можно, я завтра прочту книгу? Сейчас у меня нет её...

– Конечно, можно. – Семёнов. – Семёнов потрогал рукой косы Лизы. – Значит, твой папа генерал? А как его фамилия? Может, я его встречал.

– Не генерал он, а сержант! – сказала рыженькая Клава из VI «Б». Клава жила в том же доме, где и Лиза.

– Ну, и пусть, – ответила Лиза. Она закрыла ручонками курносое лицо и стремглав выбежала из палаты, запуталась в длинном халате и упала в коридоре.

Она слышала, как смеялась Клава и как громко звал её Семёнов:

– Куда ты, Лиза, вернись!

Но Лиза не вернулась. Оставив халат на стуле, она тотчас ушла домой. Больше всего она ненавидела в ту минуту писклявую рыжую соседку.

Вечером неожиданно пришла Клава.

– Я принесла тебе письмо. Диктовал тот дядя, у которого ты была, а я писала.

Лиза прочла: «Твои подруги рассказали мне, что ты хорошая девочка. Приходи, Лиза, ко мне. Я воевал вместе с твоим папой и расскажу тебе о нём. Не беда, что произошла ошибка. Я жду тебя. Мне очень хочется, чтобы ты читала мне книги».

Клава ушла. На этот раз она не казалась Лизе такой плохой, как в госпитале.

Через несколько дней в школе начались каникулы, и Лиза пошла в госпиталь.

– Здравствуй, Лиза, – ласково сказал майор. – Ну, идём к Семёнову, ждёт человек.

Они прошли в палату.

Майор заметил смущение девочки.

– Не робей, – шепнул он и подвёл её к койке, на которой лежал Семёнов.

Солдат давно уже ждал маленькую сестру милосердия.

– Я очень хорошо знал твоего отца, Лиза. Сержант Дорохов – герой. Очень смелый человек. Однажды он со своим отделением немецкий штаб разбил и взял в плен генерала. Орден Ленина за это получил. Вот какой твой папа. Служил я с ним в одном полку. Последний раз мы виделись месяца три тому назад. Турнули мы немцев от Москвы, ворвались первыми в одно село и узнали от жителей, что гитлеровцы угнали к оврагам наших пленных и хотят их расстрелять. Твой отец со своим отделением сел на трофейную автомашину и на большой скорости – туда. Эх, что там было!.. Задал он фашистам жару. И вдруг вражеский танк... Он подошёл вплотную к нам и развернул башню. Ещё одно мгновение – и ни один из нас не остался бы в живых. Но сержант Дорохов бросился навстречу танку и швырнул под его гусеницу гранату. А вечером меня ранило. Что потом было с Петром Ивановичем, я не знаю... Говорят, ранен... А может...

Семёнов не договорил.

Весь вечер просидела Лиза у постели раненого, всё слушала о боевых подвигах своего отца.

«Вот какой мой папа, настоящий герой, – с гордостью за отца думала она. – И вовсе не обязательно быть ему генералом».

Лиза ходила в госпиталь почти каждый день, читала Семёнову книги, писала письма. И девочки никогда не напоминали ей о том, что случилось в первый день.

Много лет прошло с тех пор. Солдат Семёнов давно уже выписался из госпиталя и уехал к себе на родину. Зрение его не восстановилось. Однажды он приехал в Москву, в поликлинику.

– Дядя Ваня, Семёнов, – бросилась к нему навстречу врач-окулист.

– Лиза! Маленькая сестра милосердия! – узнал знакомый голос Семёнов. – Вы ещё не забыли меня?

– Что вы, разве можно! Садитесь, пожалуйста, – предложила она стул гостю. – Ведь я стала врачом. Решила посвятить свою жизнь медицине. Лечить незрячих.

Елизавета Петровна достала из ящика металлическую палочку, похожую на авторучку, и подала её Семёнову.

– Вот над чем бьюсь! Это прибор. Он поможет слепому определить расстояние до предмета, величину его и цвет.

– Не может быть! – не поверил Семёнов.

– Нажмите кнопку...

Семёнов чуть не бросил палочку на стол. Она ожила в его руке.

– Не бойтесь, – сказала Елизавета Петровна. – Это покалывание слабых токов и лёгкие щелчки дают сигналы об окружающих вас предметах... Работаю одновременно над пересадкой глаз... Ой, какая же я невнимательная! Вы-то как живёте?

– Лечиться приехал. Слышал, что есть знаменитый врач, и вот... Оказывается, это вы – дочь сержанта Дорохова.

– Ну что ж, будем лечить...

ПАНОВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (1923 – 2008)

Прозаик, журналист, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премий имени первого редактора газеты «Тамбовская правда» И.А. Гаврилова, издателя И.Г. Рахманинова. Автор романов, повестей, рассказов, очерков. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 09 декабря 1923 года в селе Елань-Колено Воронежской области в семье почтового служащего. Окончив семилетку, поступил в Бутурлиновский технологический техникум, но завершить учёбу помешала война. Юноша ушёл на фронт добровольцем.

Вернувшись после победы домой, Борис Панов постоянным местом жительства выбрал Тамбовский край. Здесь он работал в районных и городских газетах, активно печатался на страницах областной прессы. Его очерки о тружениках сёл и деревень Тамбовщины никого не оставляли равнодушным, обсуждались на райкомовских планёрках и часто способствовали тому, что долго не решаемые вопросы сельской жизни наконец-то сдвигались с места. Много лет писатель был редактором городской газеты «Мичуринская правда».

В Воронеже, в Центрально-Чернозёмном издательстве, вышло несколько книг Бориса Панова, в том числе и роман «Посреди степей» (2004). В Тамбове в 2009 году увидел свет сборник повестей и рассказов «На окраине».

Борис Панов скончался 26 ноября 2008 года в Мичуринске.

Сочинения:

Панов Б. Мартовским днём: Рассказы. – Воронеж, 1970.

Панов Б. Хозяин: Повесть, рассказы. – Воронеж, 1972.

Панов Б. Трудный год Владимира Туровцева: Повесть, рассказы. – Воронеж, 1976.

Панов Б. Посреди степей: Роман. – Воронеж, 1988, Тамбов, 2004.

Панов Б. На окраине: Повести и рассказы. – Тамбов, 2009.

Литература:

Тамбовские даты-1993: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 1993. – С.98 – 99.

Андреев В. Литераторы на Тамбовской земле. – Мичуринск, 1998. – С. 87.

Дорожкина В. Литературная жизнь: прошлое и настоящее. – Тамбов, 2000. – С. 44 – 45.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 111 – 112.

Наседкин Н. Трудные годы Бориса Панова // Панов Б. На окраине: Повести и рассказы. – Тамбов, 2009. – С. 5 – 10.

Солдат и девочка *рассказ*

В начале августа сорок первого красноармеец Серафим Песков в одной из ночных отчаянных стычек с немцами отбилсЯ от небольшой группы окруженцев и затерялся в дубовом леске. В полдень Песков вышел из него на дорогу и вскоре набрёл на опрокинутую изуродованную полуторку. Она лежала обочь дороги, под раскидистым старым дубом, в поваленной, измятой танковыми траками пшенице.

Из кузова полуторки выпал и разбился о землю старый комод. Из комода вывалились старые ящики, а из ящиков рассыпались посуда, книги, одежда, бельё. Головой в книгах лежал мёртвый пожилой мужчина.

За полуторкой послышалось что-то похожее на тихий стон. Серафим обошёл машину и увидел перед собой лежащую навзничь молодую женщину. Из-под страдальчески сведённых бровей прямо на солнце смотрели неживые глаза. Под боком у женщины копошился в тряпье крохотный ребёнок. Он обессиленно старался избавиться от опутавшего его белья, голодно и слепо тыкал себе в рот иззябший до просини кулачок.

После пережитого ночью разгромного боя, казалось, ничто не может потрясти Пескова. Слишком устал. Но тут в груди его плеснулось что-то нестерпимо обжигающее. У него ослабели и задрожали колени. Он поспешно трясущими руками поднял ребёнка, завернул его в подвернувшиеся под руку вязаную кофту и простыню и быстро пошёл было прочь.

Серафим свернул в подсолнечник и присел в нём шагах в пятидесяти у дороги. Разжевав сухарь, Песков выложил на палец коричневую кашицу и принялся сосредоточенно заправлять в тёплый рот ребёнка.

Ребёнок оказался девочкой. Минут через пять девочка насытилась и уснула. Серафим смотрел на неё и понимал, что ей снится мать. Девочка ритмично напрягала и расслабляла измазанные сухарной жёвкой губы.

Пока Песков занимался ребёнком, на дорогу выкатились танки. Они шли с запада. Потом их гул и лязг сменился усердным пофыркиванием тяжёлых грузовиков. Затем опять залязгали танки. Дорога замолкла лишь к ночи.

Идти в подсолнечнике было тяжело, и когда сгустились сумерки, Песков выбрался на дорогу. Он пошёл, наступая на свою кургузую, чёткую тень. Голова девочки сонно лежала на плече. Она тепло дышала ему в шею. Потом девочка дважды чихнула, протяжно зевнула, и Песков, никогда раньше не приглядывающийся к малышам, поразился, что такое маленькое существо вполне по-человечески чихает и вздыхает. Он долго шёл после этого с умиленной, усталой улыбкой.

За полночь справа от дороги показалось село. В неживом лунном свете оно глубоко спало. Оттуда не доносилось ни единого звука.

И всё-таки к крайней избе Песков из-за осторожности стал подходить с огорода. И не зря. Из-за угла избы на выбеленную луну дорогу выдвинулась резкая, чёрная тень часового. Немец что-то испуганно крикнул Пескову и распорол сонную одурь деревни резкой и короткой автоматной очередью. Серафим круто повернул назад и побежал в поле. Часовой дал ещё очередь. Одна пуля тонко цвенькнула над головой Пескова.

Ещё одну ночь и один день Песков с девочкой прятался в пшенице.

Днём по дороге опять пылили танки, грузовики.

Песков шелушил в ладонях колосья, медленно жевал пересохшее зерно. Получалась тягучая клейковина. Ею он кормил девочку. От растроганности перед этим копошащимся существом у Пескова однажды даже сдавило дыханье.

Когда наступила темнота, он опять выбрался на дорогу. И его, и ребёнка мучила жажда. Рот у девочки обметало белой шелушащейся сушью.

Серафим ночью подходил к двум деревьям. И в той, и в другой на улицах стояли немецкие грузовики. Ему удалось лишь набрести в конце одного огорода на родник. Он был оплетён ивовыми прутьями, и вода в нём пахла глиной. Песков долго пил сам, потом, согревая воду в ладонях, напоил девочку. Напившись, они проспали остаток ночи в сухо шелестящей кукурузе, а утро застало их уже далеко от той деревни.

В то утро от усталости на Пескова навалилась безучастность ко всему на свете. Когда дорога пошла на подъём и за его спиной ещё далеко позади натужно занял тяжёлый грузовик, он даже не обернулся, не заспешил в тянувшийся справа подсолнечник, лишь до онемения сжал челюсти.

Скоро грузовик поравнялся с ним. В кузове машины было полно немцев – молодых, оживлённых, разговорчивых, с расстёгнутыми воротами, с засученными рукавами. Песков, глядя прямо перед собой, видел их лишь краем глаза. Они наперебой что-то весело кричали ему, что-то советовали, во всё горло хохотали. Песков до того так близко немцев не видел.

Когда машина начала обгонять Серафима, один немец – толстый, румяный – приятельски подморгнул ему и доброжелательно поманил пальцем к себе. На левом запястье немца почему-то было сразу двое часов. В их стёклах ослепительно вспыхивало раннее солнце. Песков ответил немцу неуверенной, робеющей полуулыбкой.

Машина совсем замедлила ход, и немец снова поманил Пескова к себе. Товарищи толстяка перестали хохотать, заинтересованно наблюдали за ним и странным русским солдатом с младенцем на руках.

Песков, однако, тоже пошёл медленнее, не приблизился к машине. Он продолжал улыбаться нелепой, насильственно полуулыбкой, и тогда немец медленно поднял автомат и принялся с дурашливым, нарочитым усердием целиться в Серафима. Сначала дуло автомата заколыхалось было на уровне груди Пескова, потом сползло к поясу, потом – к ногам, и вдруг у самых ног Серафима короткая прицельная очередь высекла летучую сухую пыль.

Песков споткнулся, опешенно остановился, словно с хода упёрся в незримую стену. С его губ медленно стекла жалкая в своей бессмысленности полуулыбка. Он на первых порах ничего не понял, но когда вторая очередь подняла возле него ещё один полукруг пылицы, упрямо угнул голову, переступил выщербленный пулями полукруг и тяжело, самоотречённо зашагал вперёд. Теперь он смотрел только прямо перед собой, словно рядом с ним на дороге не было ни грузовика, ни немцев. Под кожей его щёк то вспухали, то опадали желваки. По лбу и шее тёк пот. Струйка его скатилась за воротник. Сердце Пескова колотилось у самого горла.

Толстый немец, опустив автомат, тыкал в сторону Серафима пальцем и сквозь хохот что-то говорил. Он смеялся до слёз. Ему пришлось даже сгибом локтя вытирать глаза. Вместе с ним хохотал весь кузов. Хохотал даже высунувшийся из кабины рыжий шофёр. Этот хохот чужих солдат больно колотился в мозгу Пескова, будто там, в его голове, перекачивались булыжники.

Грузовик рвануло вперёд. Когда его заволокло пылью, Песков сошёл с дороги, бессильно опустил на траву и только тогда почувствовал, что у него вот-вот могут брызнуть слёзы. Его опередила девочка. Когда Серафим измождено уложил её на колени, она тонко всхлипнула, и подстёгнутый этим всхлипыванием, Песков внезапно неистово затряс кулаками, закричал:

– Звери! Сво-о-лочи! Звери!

У него кривились и дёргались губы, дрожал подбородок.

Километра через два он увидел слева от дороги, по-над рожью, тополь, верхушку соломенной крыши, чуть поодаль её – обуглившиеся стропила и направился в тот хутор в хлебах.

Минут через десять Песков был уже во дворе уцелевшей хаты. Здесь, за плетнёвой оградой, пахло курами, огурцами, укропом – мирной обжитостью. Серафим прошёл прохладные сени, переступил порог. В хате стояли уже другие запахи – овчины, парного молока, тёплого ржаного хлеба.

Хозяйка хаты встретила его строгим нетерпеливым взглядом. Ей было лет за шестьдесят. Сзади неё на койке лежала молодая женщина.

– Ты куда, родимец, прёшься?! А ну, поворачивай назад! А ну!

– Это почему ж так? – обиделся Серафим.

Хозяйка только возмущённо всплеснула руками:

– Он ещё спрашивает! Баба вон у меня лежит, рожать собралась, а ты на неё zenки пялишь!

– погоди, тётка. Я уйду. Уйду я сейчас. Пусть рождает... Ты ребёнка у меня возьми. Девочку. Помрёт она у меня. Понимаешь? Несподручно мне с ней.

Хозяйка отступила от Пескова:

– Бог с тобой! Ты чего мелешь? Опамятуйся, малый! Куда я её приткну, когда свой граммофон вот-вот не ко времени появится?

Песков оглядел хозяйку тягостным, осуждающим взглядом и внезапно со слёзной дрожью крикнул:

– Эх, тётка! Или ты не человек! Иль тебе не доведётся хлебнуть горя! Куда ж ты меня гонишь с ребёнком? – и неожиданно, с усталой обречённостью закончил: – Ладно, не дрожи губами. Пошёл я. Живи себе спокойно.

Он, ссутулившись, упёрся уже плечом в дверь, когда его остановил горячий, мятущийся голос роженицы. Она со стоном потянулась на койке, прерывисто зашептала:

– погоди, солдат... Сто-ой. О-о-о!.. Нельзя так-то, маманя. Возьми дитё. Куда ему с ним? Как тут отказывать?.. Не разрожусь я при зле таком...

Она кинула голову на подушке справа налево, опустошённая очередной схваткой, расслабленно, почти беззвучно спросила:

– Чья девочка-то будет? Твоя, что ль?

Песков неловко переступил с ноги на ногу:

– Откуда моя! Подобрал на дороге. Да вы чего... Я у других пристрою. Я ж ведь не без понятия.

Роженица облизала губы, тихо выговорила:

– Оставляй у нас... И иди. Иди скорей, Негоже тебе тут быть. Да и немцы во всём селе.

Хозяйка приняла у него девочку и легонько, но нетерпеливо подталкивая ладонью в плечо, выпроводила в сени. Песков виновато попросил её здесь:

– Ты уж не обижайся, тётка.

Хозяйка покорно вздохнула:

– Ладно. Чего уж там, Все мы люди на земле. Куда денешься?

Переживём как-нибудь

– Вы чьи будете-то? – спросил Серафим.

– Гульщикovy мы. Молодую Дарьей зовут. Я – Агриппина.

– А я Серафим. Песков по фамилии. Деревня-то ваша как называется?

– Липовка наша деревня.

– Жив останусь – ждите меня. Я девочку эту возьму, – растроганно и неожиданно для самого себя пообещал Серафим.

Обогнув огородами деревню, Песков вышел на дорогу. В зоревом воздухе до него опять донеслось смутное, очень дальнее погромыхивание. Серафим, затаив дыхание, прислушался к этому звуку и ощутил едва заметное подрагивание земли. Где-то там, на востоке, полыхал, рвал предутреннюю землю артиллерийский бой.

От тупиковой стенной железнодорожной станции до Липовки ходят два автобуса.

Но в апреле, в тихое утро, когда солнце нежит тело, когда от яркой голубизны неба трепетно и беспричинно-счастливо щурятся глаза, пять километров не ходьба, и человек пятнадцать липовчан отправились домой пешком.

Позади всех неторопливо шли Серафим Фёдорович Песков и старый липовский учитель Иван Никитич Гульщикovy. Они познакомились и разговорились ещё в вагоне.

– У нас пол-Липовки Гульщикovyх, – сказал учитель. – Вы, собственно, кого из них знаете?

– Да как вам сказать. Если по-настоящему, то вроде бы никого. От Тихона Гульщикова в сорок пятом письмо получил. Жена у него Даша. Мать Агриппиной звать. Девочка одна у него есть.

– Две, – поправил учитель. – Сёстры-близнецы... Отличнейший человек был Тихон Карпович. Добрейшая душа. Умер. Два года назад... Ран нахватался – на десятерых хватит.

Песков виновато улыбнулся. Про Тихона он не знал ничего, помнил о нём лишь по короткой решительной записке, которую получил от Гульщикова ещё в конце сорок пятого. Было в той записке примерно вот что: «Ты, солдат, про Веру забудь. При твоём холостяцком положении она тебе

ни к чему. А мои бабы хватили с ней горя, и теперь она для них за родную дочь. Потому тебе и заезжать к нам нечего. Пусть она не знает своего горя, не догадывается о нём и живёт с лёгкой душой». Песков пожалел тогда, что у Даши такой угрюмый муж. Другим Тихон Гульщикова ему не представлялся. Песков недолюбливал таких людей и больше в Липовку не писал.

Песков заинтересованно глянул на учителя:

– И Вера замуж вышла? Есть у них Вера?

– А как же! У неё уже две девочки и мальчик. Бабка Серафимом его назвала. Это я так неуважительно, то есть бабкой, Агриппину Платоновну называю. Не одобряют тут её. Не обижайтесь, но, по-моему, несовременное это имя – Серафим.

Песков охотно согласился:

– Верно. Так себе имя. Если честно говорить – паршивое, – и неожиданно решительно сказал: – Ну, хорошо, Иван Никитич. В общем, пойду-ка я обратно. До свидания.

Учитель поразился:

– Как так обратно? Куда же вы?

– Обознался я, – сказал Песков. В другую Липовку мне нужно.

– Нет у нас другой Липовки, – забеспокоился учитель. – Это я точно знаю.

Песков не ответил. Он лишь издали прощально помахал учителю ладонью. У него было хорошо на душе.

ШИЛИН АЛЕКСЕЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ (1924-2007)

Прозаик, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии имени А.П. Платонова. Автор романов, повестей, рассказов, в том числе и для детей, очерков-воспоминаний о войне. Член Союза писателей России.

Родился 10 февраля 1924 года в селе Дмитриевка Покрово-Марфинского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. После окончания школы-семилетки работал почтальоном, заведовал сельской избой-читальней. В годы войны служил на Северном Флоте.

Вернувшись с фронта, Алексей Шилин более 10 лет работал машинистом паровозного депо в Тамбове. Позже был директором городского кинотеатра, книжного магазина. Занимался литературным творчеством. Первый рассказ «Загадка» был напечатан в 1953 году в молодёжной газете «Комсомольское знамя». Потом появились книги. Самое известное произведение из многочисленных изданий Алексея Шилина – роман «Четвёртый патрон», посвящённый событиям Великой Отечественной войны.

В 1960–1970-е годы Алексей Емельянович возглавлял Бюро пропаганды художественной литературы при областной писательской организации, был заместителем ответственного секретаря, вёл большую общественную работу. Несколько раз избирался депутатом городского Совета. Много внимания писатель уделял молодым литераторам, рецензировал их рукописи, привлекал к выступлениям в школьных, рабочих и студенческих аудиториях. Сам активно участвовал в литературных праздниках, регулярно проходивших в Тамбове и области в 1970–1980-е годы.

В последнее десятилетие своей жизни Алексей Шилин работал над новыми произведениями, выпустил роман «Краснотал» и несколько книг для детей.

Скончался писатель 23 июня 2007 года в Тамбове.

Сочинения:

Шилин А. Две минуты: Рассказы. – Тамбов, 1959.

Шилин А. Доброе утро: Повесть. – Тамбов, 1962.

Шилин А. Журавлиная гора: Повесть. – Воронеж, 1966.

Шилин А. Четвёртый патрон: Роман. – Воронеж, 1970.

Шилин А. Зелёные бегунки: Повесть, рассказы. – Воронеж, 1984.

Шилин А. Краснотал: Роман. – Тамбов, 2002.

Литература:

Тамбовские даты-1994: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 1993. – С. 17 – 18.

Баранов В. Жизнестойкая линия // Люди и память. – Тамбов, 2001. – С. 642 – 646.

Дорожкина В., Полякова Л. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С.134.

Колосок в конверте

записки писателя

Земля на Тамбовщине благодатная. Раньше о ней говорили: воткнёшь в чернозём оглоблю – вырастет телега; теперь, держа на ладони мягкий влажный ком, механизаторы шутят: тамбовскую землю можно рассылать в посылках, друзьям, как подарок.

Лишь однажды я уехал с Тамбовщины. Какими долгими показались мне четыре года войны!

До сорок первого я пахал землю, выходил с косой в прохладные от утренней росы зелёные луга; над комковатыми, заросшими осокой лощинами метались чибисы. Позже, в холодном, с пронзительными ветрами Баренцевом море, меня провожали в походы чайки, они тоже метались и кричали тревожно. Порой, отворачивая лицо от ледяной волны, я видел себя посреди бескрайнего солнечного поля, на родной Тамбовщине; не выдержал тоски по дому – попросил мать прислать в солдатском конверте-треугольнике ржаной колосок.

Помню буранный зимний полдень. Крутые, в пене и брызгах волны ритмично поднимали и били наш катер о причальную стенку, в ущельях сопкок выла, кружилась, взвихриваясь до острых утёсов, сухая пурга; с каменистых покатых скал сползали, зависая над ущельями, широкие холсты снега – будто истрёпанные корабельные паруса. По заснеженной улице военного городка бежала к причалу девушка-письмоносец с белым треугольником в руке...

Мы уходили в море по боевой тревоге, и я сунул конверт в карман бушлата. Стёрлись в памяти очертания сопкок, отдалились, затихли крики чаек, носившихся над бухтой, забылся даже бой с фашистской подводной лодкой, – а худенькая девушка в чёрной флотской шинели и в кирзовых сапогах – до сих пор перед глазами...

Ещё вспоминаю свою втянутую в плечи, защищённую каской голову... И липкий, до испарины на лбу страх перед смертью; теперь-то я не стыжусь того страха...

Бой был трудный – среди ревущего ночного моря. Катер получил пробоину, вражеские пули прошили рубку, расщепили мачту, – и я шептал, стреляя: «Только не в этом бою... Только не в этом...». Мне хотелось, во что бы то ни стало уцелеть – чтоб снять после боя каску, спуститься по отвесному трапу в кубрик и достать конверт...

Мы потопили фашистскую подводную лодку.

Потом была короткая передышка. В кубрик вместе со мной спустились мои товарищи. В открытый люк я увидел падающий в темноте мягкий мокрый снег – погода в Заполярье изменчивая. Наверное, подумал я, и на моей Тамбовщине метут метели, и мать взяла колосок из затвердевшей на морозе копны; сразу же представились белые, под холодным солнцем просторы, на них завьюженные копны, скирды... «Не успели обмолотить», – догадался я.

Колосок лежал на моей ладони. Я сидел за столом, откинувшись к стенке кубрика, и видел опущенные, нахмуренные глаза своих товарищей – каждому, должно быть, почудилось своё осиротевшее, с редкими скирдами поле. Затем колосок пошёл по кругу, и на лицах моряков появились улыбки... Я сжал в руке зёрнышко. Закрыв глаза, прижавшись затылком к стенке. Страх перед гибелью – под волнами, от снаряда или пули – уже не было. С какой-то мучительной радостью подумал я о том, что с этой минуты готов на всё – лишь бы ничего не изменилось на моей милой Тамбовщине, именно не

изменилось... Чтоб всё было как всегда: золотилась рожь, выбегали из неё к просёлочным дорогам васильки, кружил над полями коршун, на горизонте переливалось знойное море, а после коротких проливных дождей небо перебрасывало через плечо, словно шарф, разноцветную радугу. И чтоб вечно склонялись над прудами и речушками, над Цной-голубкой зелёные вёглы.

Война в прошлом... Но в это прошлое люди не скоро будут входить, как в только что открывшийся краеведческий музей, – разрезав ленту, – многим из тех, кто пережил войну, при взгляде на белые облачка в небе ещё вспоминаются разрывы зенитных снарядов. Хотя время давно заровняло на земле окопы и уже подсказывает писателям новые сюжеты для книг, в которых – боль памяти, а рядом улыбка... Однажды я заметил, как потептели даже хмурые измученные глаза безногого инвалида.

В Тамбове на высоком постаменте стоит танк из колонны «Тамбовский колхозник», за ним – могучие тополя с грачиными гнёздами, и как-то птицы свили гнездо на броне танка, под стволом орудия... Улыбка же на лице безногого фронтовика появилась у Вечного огня. Он ехал к памятнику павшим тамбовцам на доске-коляске – по серым, с бурой щебёнкой цементным плитам, мимо кроваво-красных цветов, упираясь в землю культиями рук, к которым были пристёгнуты обитые резиной колодки... Двигался фронтовик рывками, бросая вперёд обрубленное тело. Возле мраморных плит, под которыми хранится обагрённая кровью земля из Новороссийска, Москвы, Бреста, низко опускал голову, будто кланялся погибшим однополчанам. У гранитных ступеней к вечному огню стук коляски заглушили чеканные шаги юных тамбовских школьников. Калека не сдержал улыбку – девчонки встали в почётный караул, в гимнастёрках защитного цвета, в солдатских пилотках и с белыми бантами в волосах.

О войне написано много книг. Только уходили-то на неё хлеборобы, а не воины, и каждый из писателей-фронтовиков, не раз глядевший из окопа на ржаное, под осенними дождями поле, на втоптанное в грязь колосья, мечтает написать о земле...

Какое это счастье – сесть вместе с механизатором в кабину трактора и, вспугнув с полосы грачей, тронуться к огромному красному солнцу, только что выплывшему из-за горизонта; на вспаханном поле зачерпнуть горсть земли, которую можно посылать друзьям даже за границу; в другой приезд опуститься на корточки перед неокрепшими, ещё «глупенькими», по словам шутника-тракториста, зелёными всходами... Или посидеть на свекловичном поле с женщинами из полеводческой бригады... На ферме выпить кружку парного молока.

Потом о хлеборобах и доярках рассказать читателям.

Но в мире, над вспаханymi ухоженными полями, пролетают не только птицы... А на земле-кормилице там и тут угадываются глубокие, укрытые бетоном могильные склепы; каждую ночь в этих склепах – по ходам сообщения – тягачи перевозят из шахты в шахту смертоносные ракеты,

чтобы скрыть от противника их расположение... Скрежет тягачей чудится даже детям, и они вскрикивают во сне. Приходится писателям-фронтовикам откладывать рукописи о хлебобобах.

Я не написал бы о кусочке гранитного камня, подаренного мне норвежским мальчиком, если бы не промелькнула в наших газетах огорчившая меня заметка... Нет, огорчил меня не мальчик. Я не знаю, кем стал светловолосый малыш из далёкого сорок четвертого года – хозяином рыболовного тральщика, землепашцем или журналистом, – и всё-таки верю, что и ему – теперь отцу семейства – было горько узнать о дебоше морских пехотинцев из натовских войск, учинённом в местечке Гудбрансдаль, в Центральной Норвегии. Может, и он вспомнил о кусочке камня... Может, рассказал о нём норвежским ребятам, пострадавшим в собственном доме от гостей...

Война ещё укладывает фронтовиков на больничную койку. Заметку о хулиганском разгуле добровольных «защитников» Норвегии – от нас, русских, – я прочитал в палате. Белизна стен напомнила мне заснеженные норвежские сопки. Закрыв глаза, я увидел зеленовато-тёмный фиорд с низко кружившими над водой белокрылыми чайками. Увидел дощатый, расщеплённый снарядами причал в порту Киркенес, на нём мальчика с протянутой ко мне тонкой ручонкой...

До этой минуты – до пронзительного вскрика корабельной сирены и команды: «Отдать концы!» – была долгая, обыкновенная для военного времени работа: вместе с сухопутными войсками североморцы изгнали из Норвегии оккупантов; погибшие солдаты и матросы навсегда остались в её земле, в братских могилах, живые пошли по огненной дороге дальше...

Наш катер задержался в Киркенесе, чтоб очистить от фашистских мин фиорды. Эта работа тоже была обычной – наверное, жители Киркенеса уже не вспоминают маленькое судёнышко с алым, трепыхавшимся на мачте военно-морским вымпелом. Каждое утро мы осторожно отходили от обледенелой мокрой стенки причала, скользили по прямой линии к выходу в море и обратно: со стороны – мирная неторопливая работа... Позади катера покачивались на волнах красные, словно окровавленные, буи, державшие трал: подрезая мину, катер с усилием напрягался – так упирается в землю всеми четырьмя ногами лошадь, запряженная в соху, – если пахарь ведёт глубокую борозду... Да, мы уже не говорили, что тралим и расстреливаем мины, мы бороздили фиорды, беспокоились, чтоб не оставить огрехов, весело поторапливали «сивку» – наш катер, шутливо постукивали его ладонью по корпусу, – спешили, чтобы закончить страду при хорошей погоде.

В декабре сорок четвёртого за кормой нашего судёнышка раздался взрыв мины.

В последний раз я слышал этот оглушительный долгий взрыв в марте восемьдесят третьего, в больничной палате. За грязно-зеленоватым, похожим на пирамидальный тополь, в следующую секунду раздавшимся вширь и

осевшим фонтаном я увидел не только упавших на палубу катерников – на фоне стены бежали – по заснеженным, с чёрными воронками полям, по жнивью, наступая на проросшие ржаные валки, – бежали и опрокидывались навзничь, валились набок, затихали на раскисшей земле, вдавливая в неё растопыренные пальцы, – всё ещё бежали, всё ещё стреляли на бегу и падали пятьдесят миллионов не вернувшихся с войны. Миллионы... А ведь жизнь у каждого одна; не было на всей Земле ни одного человека, который жил бы дважды.

Наверное, в порту Киркенес видели взрыв – у причала нас встретили не только мальчишки, но и взрослые. Характер у русского человека!.. На катере, в накрытой брезентом шлюпке, лежал убитый, в кубрике с плотно задраенным люком стонал от боли контуженый, – а мы дружно, вроде при хорошем настроении, принялись ремонтировать на палубе трал, ещё и подмаргивали мальчишкам – вот какие мы кузнецы!.. Улыбались и взрослым, чтоб не тревожились, – понятно, для них очищаем фиорды, только ведь ничего не случилось...

Повалил мокрый крупный снег; чайки, кружившие над фиордом, сели на волны и, качаясь на них, поплыли к берегу. Мы звонко стучали молотками и кувалдами. За моей спиной кто-то из катерников, сунув в рот ушибленный палец, смешно крутнулся на одном месте; мальчишки на берегу засмеялись. Смех оборвали, увидев кока. Он вышел на палубу в белой куртке, в поварском колпаке, с алюминиевой кастрюлей и ложкой в руках. Три раза ударил ложкой по кастрюле, созывая на обед чаек.

Во всем мире мальчишки одинаковы. Не в истрёпанных ватниках с чужого плеча, а в курточках и в шерстяных вязаных кепках или в шапках с козырьками были норвежские четырёх-шестилетние малыши, а любопытства в каждом, как у пацанов из моей деревни, – не меньше, чем смеха по любому поводу и без него.

Было на что поглядеть. Наши пацаны за животы схватились бы от смеха, наблюдая за чайками. Такой гвалт поднялся возле катера!.. Крикливые суматошные птицы, бросались за корочкой хлеба, шумно взлетали с волны, в воздухе перекувыркивались и, вытянув шею, с раскрытым клювом устремлялись вниз. Над корочкой сталкивались; казалось не хлопья снега, а перья летели во все стороны.

Норвежские малыши провожали каждую корочку хлеба молча; на чаек, бивших в свалке крыльями по воде, не смотрели. Кок между тем брал из кастрюли новую корочку, и опять малыши, медленно поворачивая голову, провожали её жадными глазами.

«Они же голодные!..».

Я отложил молоток; придерживаясь за шлюпку, накрытую брезентом, поднялся с колен; у двери камбуза, незаметно для мальчишек, толкнул плечом кока. Он понял, что надо уйти с палубы.

Постепенно опустел и берег. Осталась на причале, возле самого края обледенелой стенки, – внизу тёрся об сваи катер, – только худенькая женщина с мальчиком лет пяти.

Когда мы спускались на камбуз, мальчик поднял к глазам кулачки и шмыгнул носом...

После обеда я снова подошел к шлюпке. Около неё лежали пробитые осколками буи, и я взял молоток. Но что-то заставило меня обернуться.

Женщина и мальчик всё ещё стояли на берегу, за хлопьями падающего снега. На их плечах белели продолговатые сугробики. Женщина держала руку на плече мальчика, и я заметил под снегом кончики её тонких, словно из белого мрамора, пальцев. Другую руку она прижала к груди. И эта её рука снежно белела на чёрном лёгком пальтишке.

– Кушать... – произнесла женщина на ломаном русском языке.

Мальчик тотчас снял со своей головы зелёный, с мокрой кисточкой берет, и протянул ко мне ручонку. Так в моей деревне, в далёком детстве, останавливались под окном избы голодные нищие – чаще подросток и возле него – чуть позади – старик с непокрытой головой и с котомкой на боку...

Женщина и светловолосый мальчик будто стояли под окном России.

– Кушать. Люблю... – Рука женщины бессильно скользнула вниз.

Я метнулся на камбуз; там уже резко, словно выстрелы, хлопали дверцы шкафа – мои товарищи брали с полок пачки сахара, хлеб, банки с мясной тушёнкой...

Толкаясь, мы поднялись по трапу на причал. Женщина – опять же, как в моей деревне – молитвенно, вроде с испугом сложила на груди руки. Мы совали ей продукты. Перед мальчиком опускались на корточки, гладили, тормошили его волосы.

– Люблю...

– Иди, иди, – не выдержал кок.

Уходила женщина торопливо; рядом трусил мальчик, то и дело забегая вперёд и дотрагиваясь ручонкой до продуктов.

Потом был обычный день, один из долгих на задворках войны, за ним приходили и уходили другие медленные дни, то с чистым снегом – в воздухе, на сопках, на крышах домов, на дощатом причале, то с высоким, просторным, неожиданно голубым небом – над всей праздничной Норвегией!.. Эти светлые солнечные дни я вспоминаю не только в больничной палате... Ещё дымилась и полыхала огнём, далеко от Норвегии, война; в фиордах, на мирной работе, она лишь напоминала о себе – как-то мы подтянули тральной лебёдкой к нашему катеру круглую, на цепи, замшелую мину с чёрными рожками, похожими на коровьи сосцы. Пожилой матрос заторопился в кубрик, чтоб по старому морскому обычаю переодеться перед гибелью в чистую рубашку. Но мы перехитрили рогатую смерть, размотав на ходу гибкий трос и ударив мину, при крутом повороте, о скалы. А вечером я надел водолазный костюм – от мальчишек мы узнали, что оккупанты

опустошили Норвегию будто саранча, – и спустился в трюм потопленного фашистского транспорта, чтоб поднять наверх продукты...

Прошло после этого сорок лет – целая жизнь прошла! И всё-таки порой я вижу себя па палубе катера, в водолазном костюме – шлем большой, в нём можно поворачивать голову, а тело плотно обтянуто резиной, – с берега на водолаза смотрят мальчишки; затем они принимаются вместе с катерниками таскать в чугунный котёл воду – он стоит на причале на трёх валунах и под ним уже шевелится, разгораясь, огонь, – помогают коку разбить ящики с консервами и консервированной кашей. За хлебом мальчишки становятся в очередь, длинной цепочкой, в руках у кого миска или тарелка, у кого солдатский котелок или кружка; розовощёкий оживлённый кок, словно дирижёр, поднимает над котлом черпак, с минуту смотрит на мальчишек, потом три раза бьёт алюминиевой ложкой по котлу, черпак наклоняется. «Подходи, налетай!» – командует кок; мордашки у мальчишек довольные, на каждой светлая радостная улыбка, – вспоминать обо всём этом легко, даже на больничной койке... Если на фоне стены не бегут, не опрокидываются навзничь солдаты в касках...

Вспоминается мне и боль в глазах норвежских мальчишек. День был солнечный, чайки кружили над фиордами плавно, словно в прощальном полёте; мальчишки уже знали, что советский корабль уходит домой, в Россию, и, должно быть, чувствовали отзывчивым детским сердцем, что никогда больше не свидятся с русскими моряками. Раздался пронзительный вскрик сирены, за ним команда: «Отдать концы!..». На берегу поднялись ручонки, много исхудалых детских рученок... Поднялись медленно и махали пока неуверенно, даже не махали, а, вроде в раздумье, слабо шевелили пальцами. Лишь светловолосый мальчик, в куртке, в зелёном берете с кисточкой – наш знакомый – наклонил голову и будто искал что-то растерянными глазёнками у своих ног. Когда он протянул мне в своей маленькой ладони зернистый, должно быть, отколотый от скалы взрывом снаряда гранитный камешек – кусочек родной земли, – мальчишки замерли, но тут же их ручонки взметнулись над причалом...

Точно так спустя четверть века, притихли в тамбовском Дворце пионеров мальчишки и девчонки с алыми галстуками на груди; потом захлопали в ладоши – радостно, шумно... Я стоял на сцене, возле стола с букетом цветов в позеленевшей от времени стреляной гильзе, смотрел на пионеров, но видел не только их... Мне вспомнилась в эту минуту Норвегия... Наш катер уже отделился от причала, уже распахнулось перед нами холодное Северное море, а мальчишки на берегу всё ещё махали и махали ручонками. И об этом я рассказал тамбовским школьникам. Они тут же попросили меня передать кусочек камня во Дворец пионеров, в комнату интернациональной дружбы...

Он и сейчас там. Наверное, нет в Тамбове ни одного школьника, который не слышал бы рассказа о норвежском мальчишке.

Рабочее место писателя – не только за письменным столом. Я приезжаю к героям своих будущих произведений на полевые станы и фермы, в мастерские механизаторов. Весной над полями звенят жаворонки; летом можно остановить машину и войти в рожь – кругом, до самого горизонта, хлеба, за плечи задевают пригнувшиеся под тяжестью зёрен колосья... В полях солнечно; ромашки, сухая полынь на обочине дорог... А я и среди ржаного раздолья, особенно на встречах с участниками войны и пожилыми труженицами, вспоминаю о минах, взрывающих тишину в больничной палате.

Бывает, повстречаешься на полевом стане с инвалидом; опустится он на шелковистую траву под берёзой или на солому возле омёта, вытянет скрипнувшую цвета слоновой кости ногу... Отвернёшься, чтоб не говорить о войне. И всё-таки говоришь – инвалиды и вдовы перед тобой... Какой-нибудь пожилой мужичишка с протезом вместо ноги или с пустым рукавом – и много вдов... Смотришь в их спокойные, давно простившие всех глаза и видишь другое поле – заснеженное, с чёрными глубокими воронками, среди воронок бегут хлеборобы в касках и с автоматами в руках...

О кусочке камня из далекой Норвегии я рассказываю часто.

На последней встрече со своими читателями я достал из кармана газетную заметку о дебоше натовских пехотинцев в местечке Гудбрансдаль; заколебался – может, неудобно сравнивать – вот какие мы и какие они, но вспомнил захлестнувший Америку и пол-Европы незатихающий шум о советской военной угрозе, о советских подводных лодках, будто бы заходивших в фиорды Норвегии, – вспомнил и прочитал заметку. В ней рассказывалось не только о морских пехотинцах; в том же Гудбрансдале, в гостинице, учинили драку, покалечив норвежцев, даже британские военные советники...

Мои читатели знают, откуда подули в последнее время холодные ветры; нетрудно им и мне, фронтовику, отместить от своей страны и другие, приготовленные по старым рецептам обвинения – да, были советские подводные и надводные корабли в Норвегии, не по еmeliному же хотению, по щучьему велению оказался на Тамбовщине кусочек гранитного камня... Взволнованным получился разговор на полевом стане, под высоким июльским небом. И тревожным – мы не остались в Норвегии, не могли остаться, но уйдут ли из неё морские пехотинцы и советники из натовских войск? Или дождутся глухой, давно запланированной в секретных документах ночи и, как хозяева, разместят в бункерах-склепах, среди каменистых сопков, крылатые ракеты и «першинги»?

Про зёрнышко на своей ладони я не рассказываю читателям, словно колосок с тамбовского, не сжатого в сорок третьем году ржаного поля ещё в конверте, в кармане моего бушлата и у меня нет времени распечатать солдатский треугольник...

В страдную пору, после встреч с хлеборобами, я всякий раз возвращаюсь в город по накатанным просёлочным дорогам. Боковое стекло

райкомовского «газика» опущено, и я дотрагиваюсь рукой до колосьев. Над лощинами, прочерчивая в сумрачном воздухе прямые пересекающиеся линии, носятся стремительные чибисы; мне кажется – кричат над холодными фиордами встревоженные чайки...

Когда же затихнут их крики? Чтобы можно было жить и работать на земле спокойно...

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

АКУЛИНИН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (1938-2010)

Писатель и издатель, Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Токарёвского района, лауреат премий имени издателя И.Г. Рахманинова, поэта В.А. Богданова, Всероссийской премии имени Михаила Алексева. Автор романов, повестей, рассказов, в том числе и для детей младшего и среднего школьного возрастов. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 26 июня 1938 года в селе Большая Лозовка Токаревского района Тамбовской области. После окончания школы работал в колхозе, на стройках Тамбовщины и Сибири. Ещё в детстве решил стать писателем: упорно рифмовал слова и предложения. Пробовал своё перо и в прозе: начал с небольших заметок в газету «Комсомолец Кузбасса», в которой был внештатным корреспондентом, когда работал в Новокузнецке. В этой газете и появился первый рассказ начинающего литератора.

В 1967 году Александр Акулинин приехал в Тамбов и полностью посвятил себя литературному творчеству. Первое объёмное произведение писателя – автобиографическая повесть «Шурка-поводырь». Он посылал рукопись во многие журналы, в издательства, но её не печатали. Живя и работая по законам народной мудрости: «Терпение и труд всё перетрут», Акулинин писал, переписывал, бросал и начинал снова. И вот – терпение и труд вознаграждены: в 1975 году повесть была опубликована в журнале «Волга». Это случилось после того, как Александра Акулинина послали на Всесоюзное совещание молодых писателей, и он попал в семинар к редактору «Волги» Николаю Шундику. Ему повесть понравилась, и он опубликовал её в своём журнале. В 1976 году она вышла отдельной книгой в Центрально-Чернозёмном издательстве в Воронеже. И в этом же году Александра Акулинина приняли в Союз писателей – по одной книге: редкий случай!

В последующие годы произведения тамбовского прозаика периодически появлялись в журнале «Подъём», издавались отдельными книгами в Воронеже, Москве, в Тамбове: повесть «Горька идёт за отцом», роман «Светла водица», рассказы для детей и подростков.

Заметным явлением в истории литературы Тамбовского края стал роман Александра Акулинина «Крепость на Цне», впервые изданный в Саранске в 1989 году и дважды переизданный в Тамбове – в 1993 и в 2001 годах.

В течение десяти лет (1993–2003) Александр Акулинин руководил Тамбовской областной писательской организацией. Он был учредителем и владельцем Книжной лавки писателя, которая, обладая правом издательской деятельности, выпускала «Рассказ-газету», книги профессиональных и молодых литераторов. В 2006 году в Тамбове вышло двухтомное собрание избранных сочинений Александра Акулинина, в 2008-м – роман «Падение стены».

Писатель ушёл из жизни 30 июня 2010 года.

Сочинения:

Акулинин А. Шурка-поводырь: Повесть. – Воронеж, 1976.

Акулинин А. Про Яшу: Рассказы. – Воронеж, 1978.

Акулинин А. Московские гостинцы: Рассказы. – Воронеж, 1980.

Акулинин А. Поводырь: Повесть, рассказы. – М., 1985.

Акулинин А. Яша из Константиновки: Рассказы. – М., 1985.

Акулинин А. Крепость на Цне: Исторический роман. – Тамбов, 1993, 2001.

Акулинин А. Светла водица: Роман, повесть, рассказ. – Воронеж, 1989.

Акулинин А. Избранное: В 2 т. – Тамбов, 2006.

Акулинин А. Падение стены. – Тамбов, 2008.

Литература:

Тамбовские даты-1993: Рекомендательный указатель литературы. – Тамбов, 1993. – С. 65 – 66.

Дорожкина В., Полякова Л. Литература Тамбовского края XVII– XXI веков: Справочник. – Тамбов, 2006. – С. 49.

Тамбовские даты-2008: Календарь знаменательных и памятных дат по Тамбовской области. – Тамбов, 2007. – С. 36 – 37.

Вечерние письма

рассказ

Этого вечера она ждала долго, терпеливо и спокойно. Только за два-три дня до него нет-нет да одолевало волнение: всё боялась, что кто-нибудь помешает в её деле – либо на старика бессонница навалится, и он весь вечер будет слоняться по избе, или, чего доброго, принесёт соседку Альку...

Но, слава Богу, обошлось. Старику нездоровилось, и он почти с обеда на печь завалился, и Альки опасаться нечего: в райцентр с утра укатила. Днём метелица свои хвосты стелила, дорогу заснежила, и автобус не возвратился, ждёт теперь, когда расчистят большак.

С делами по хозяйству управилась пораньше. Оно и дел-то: задать корм корове Милке, принести кошёлочку навозу на завтрашнюю топку и телка напоить.

Больше всего колготы с телёнком. Несмышлёныш, ещё и недели нет от роду, пить толком и то не умеет. Сунула ему в рот палец – схватил с жадностью прижал к твёрдому ребристому нёбу, засосал, зачмокал, потихоньку-полегоньку за молоко принялся. Когда попил, вытерла сосок, ругнула беззлобно и за себя взялась. Не спеша руки вымыла, молока тёплого выпила, оно ещё пахло молозивом, но разжижело и от желтизны избавилось. Всё это время она, вроде бы украдкой, поглядывала на край стола в горнице, где лежал чистый лист бумаги и ручка.

За окном засинело, засмеркалось. Но она не спешила вздуть свет. Степенно села к столу, немного посидела с опущенными руками, как сидит пианист перед началом игры, потом пододвинула бумагу, взяла ручку.

Писарь из неё не ахти какой, но буквы знает, и в словах они не занимают чужие места. Пишет аккуратно, как первачок, тщательно рисует печатные буквы.

«Здравствуй, дитёнок Сеня!»

И тут не выдержала, заволновалась: и рука с ручкой задрожала, и глаза взмокли. Отстранилась от стола. Посмотрела в окно, которое выходило в поле. Там синеющая белизна упиралась в далёкую, далёкую темень, скорее даже не в темень, но в густую тишину, и в этой густоте мелькал свет, в той стороне рассыпалось большое село. Светлячки были приветливы, и даже на таком большом расстоянии вержились тёплыми, свойскими.

Она успокоилась. Перечитала по слогам написанное. Могла бы прочитать эти три слова по памяти и скороговоркой, но тогда, по её мнению,

из души ушло бы то самое настроение, которое она носила все последние дни. И вновь рядком выстраиваются буква в букву.

«Это я пишу тебе весточку, твоя престарелая мать. Как ты там? Я-то что – день отошёл и слава Богу. Всё в делах, всё в заботах. По правде сказать, какие они, теперешние заботы, так, суэта-сует, что-нибудь по мелочи, на большие-то – сил не достаёт. С коровёнкой воюю, в сельмаг за хлебом схожу – глядишь, и дню конец, а вечером варьжонки вяжу, носки штопаю. Коль никто не придёт, молчком трудюсь, а случится кто, в разговоре поспорнее дело движется. Чаще всего соседка приходит Алефтина. Поди, помнишь её? Она-то тебя часто вспоминает и так это с грустинкой, с тосковинкой, случается и всплакнёт. Оно ведь при её жизни и не всплакнута, да всплакнёшь. В девках сидела долго и замуж вышла, опять не в радость. Непутёвый задался муженёк, легковесный. Куда-то мотался, спешил, захватывал и нигде не успевал. Теперь-то и вовсе исчез. Альке-то не в горесть: надоел – говорит.

Спасибо ей, меня не бросает, как за матерью приштокивает. А надысь загрипповала я, так она со мной, как с писаной торбой носилась. То чаю с мятой вскипятит, то аналгинцу таблеточку подаст, а то вдруг лимон раздобыла: свежий, духовитый. И я, дитёнок, ты уж извиняй старую, поругала тебя. Не приголубил ты Алефтину-то в молодости, а какая невестка бы вышла! Стосотская!

Намеднишь ночью Милка растелилась, бычищу принесла огромного. Дед-то наш никудышный стал, а я к соседке. Едва в окошко тюкнула, вмах собралась. Снегов нынешней зимой накатало видимо-невидимо. Мы телка в корыто – да волоком, да волоком по сугробьям. И смех, и грех. Однава чуть в снег не ковырнули. А потом он трепыхаться стал, всё норовил на ноженки встать и угодил мокрой головёнкой в лицо Алефтине. Вроде бы не до дюжего, а я гляжу, у неё слёзы катятся. Всполошилась ненароком: «Неужто до боляток он тебя?» – спрашиваю. А она сквозь слёзы: «Не больно... ребёнком от него пахнет...» Тут и я, дитёнок мой Сеня, всплакула».

И вновь она не справилась с волнением. Перестала писать, посмотрела в окно. Темень придвинулась вплотную и не походила на давешнюю густую тишину. Она встала, задёрнула окна шторами, засветила свет. Перечитала написанное, улыбнулась. Видно, вспомнила случай с телком. Покосилась на простенок, где висел в потемневшей раме портрет молодого мужчины.

«И ещё чего я тебе напишу. Дружок твой, Фёдор Костылёв, председательствует у нас, скоро как год. Ничего, управляется. Нам, престарелым, собирается дом хороший построить, чтоб с большими окнами, с лестницей и с диванами. Ещё и строить не начали, а я уже о Милке жалкую, как же без неё-то?».

На печи заворочался дед, застонал.

«Отец наш плох становится. Всё спиной маётся, кашель его одолевает. Сельских новостей у нас не Бог весть сколько. Помер Алдаким Петров. Помнишь, когда вы, ребяташки озоровали, дразнили его: Алдон-чалдон.

Алдон-чалдон, а восемьдесят пять годков по земле оттопал и скончался в умственном рассудке. А других новостей нету. На том письмо и заканчиваю».

Она прибрала ручку и начала, уж в который раз, перечитывать. Слоги складывались трудно, неловко.

– И чего она там быкает? – возмутился на печи дед.

– Старой газеткой интересуюсь, – ответила невозмутимо, но читать стала потише.

Дочитав до конца, аккуратно свернула исписанный лист и сунула за зеркало, где таких листков было множество...

Теперь она будет целый год ждать нового такого вечера, чтоб написать весточку сыну в день его рождения.

А сын её погиб в сорок третьем под Курском.

АРШАНСКИЙ ВАЛЕРИЙ СЕМЁНОВИЧ (род. в 1945 году)

Писатель, журналист. Член Правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры РФ.

Родился 25 декабря 1945 года в Магнитогорске Челябинской области. Вырос на Украине.

С 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в «Мичуринской правде», долгое время – её главным редактором.

Публикует рассказы и очерки в журнале «Подъём», областных газетах «Город на Цне», «Наедине», «Тамбовская жизнь», коллективных сборниках «Тамбовский писатель, 2004» (Тамбов, 2004), «Тамбовский альманах» (2006). Возглавлял издательский дом «Тамбовская жизнь».

Лауреат областной премии имени И.А. Гаврилова.

Сочинения:

Аршанский В. Дипломная практика: Повести. – Воронеж, 1984.

Аршанский В. Фольклорная экспедиция: Повести. – Тамбов, 1991.

Аршанский В. Встреча: Повести и рассказы. – Тамбов, 1998.

Аршанский В. Откровение. – Тамбов, 2000.

Аршанский В. Горькая трава марор: Повести и рассказы. – Тамбов, 2003.

Аршанский В. Мозаика лет. – Тамбов, 2006.

Аршанский В. Дети века. – Тамбов, 2008.

Аршанский В. Талант создателя. – Тамбов, 2009.

Аршанский В. Часовой пояс: Проза, дневники, заметки. – Тамбов, 2010.

Аршанский В. Исповедь Козерога: Повести и рассказы. – Тамбов, 2010.

Литература:

Аршанский Валерий Семёнович: к 60-летию со дня рождения: памятка читателю / Упр. культуры и спорта г. Мичуринска, Центр. гор. б-ка г. Мичуринска. – Мичуринск: [б. и.] 2005. – 12 с. : фот.

Аршанский Валерий Семёнович // Лауреат областной журналистской премии имени первого редактора газеты «Тамбовская правда» И.А. Гаврилова. – Тамбов, 1995. – С. 81–82.

Аршанский Валерий Семёнович: (к 50-летию со дня рождения) // Тамбовские даты. 1995 год. – Тамбов, 1995. – С. 81–82.

Белых, М. Аршанский Валерий Семёнович / М. Белых // Белых, М. Мичуринский биографический словарь / М. Белых. – Мичуринск, 2001. – С. 8–9.

Дорожкина, В.Т. Аршанский Валерий Семёнович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 52.

Дорожкина, В.Т. Прозаики и критики [Текст] : Аршанский Валерий Семенович / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 401-408.

Начас, Е. «Золотая роза» Валерия Аршанского / Евстахий Начас// Наедине. – 2009. – 4 марта. – С. 11.

Сельцер, Г. Один из правофланговых / Григорий Сельцер // Тамб. жизнь. – 2005. – 27 дек.

Симка стреляный рассказ

Гулко мерили шаги две огромные ноги, сорок пятого размера покупал он сапоги... Если под окнами редакции с кошачьим визгом заходились автомобильные тормоза, а пять минут спустя по коридору с жалобным воем пролетал, не оглядываясь, поддетый громадным десантным ботинком живой оберег корреспондентов кот Франтик. Если хлопали, как новогодние петарды, распахиваемые настежь входные двери и раздавалось насмешливое, басовитое: «У-у, летописцы окаянные, трудоголики несчастные, всё бумагу мараете, потерянное поколение!». Если пел во всю глотку, не затухая, боевой марш Тенгизского полка прикрепленный к верхнему кармашку рабочей куртки владельца маленький телефончик, вызывая абонента на нескончаемые переговоры, можно было не сомневаться: это – Валентин Ляксандрыч Макарчук пожаловали-с. Лично-с. Земляк дорогой. Зёма! С некоторых пор специальный фотокорреспондент областной газеты.

«Ну, всё, – переглядывались бывалые. – Теперь, пиши пропало. Работать никому не даст, будет шастать по кабинетам, гонять чай да кофе и мучить всех своими рассказами. Спасайся, братцы, кто может!».

Противостоять напору балабола с огромным кофром за плечами способен только один человек в районной газете – её макетировщик, или, по штатному расписанию, ответственный секретарь, Исай Кузьмич. Большой любитель породистых домашних животных и тонкий ценитель глубоких, остроумных шахматных композиций, которым он без унынья и лени отдаёт практически всё своё рабочее время. Справедливо полагая, что уж сляпать-то пирогами-сапогами четыре маленькие полоски родимого «Приозёрья» ему хватит и пятнадцати минут обеденного перерыва. Так и делает, являя собой пример человека, который горит на работе: даже бутерброд, бедному, проглотить некогда!

Выпады против Макарчука изобретательный Исай Кузьмич применяет всегда неожиданные, тщательно продуманные на три хода вперёд. Но при этом, внешне безобидные, а внутри ядовитые, сильнее цианистого калия, чем доводит обычно бесстрашного и в чём-то даже безбашенного гостя до изумления. Порой – до иступления.

Вот и в этот раз.

– А-а-а! Валечка, Валенька, Валюшка, камера наша золотая! – со школьных лет зная, как содрогается от обращения к нему женским именем Макарчук, частит, широко распахивая в приветствии руки, и улыбаясь, будто родному, шахматист-любитель. – Как живёте-с, как животик-с? К нам, небось, на «Паннонии» пожаловали-с?

– На Хренонии-с! – следует незамедлительный ответ раздражённого Макарчука. – А то ты не знаешь, где она, «Паннония»?

Невинно, с детским простодушием смотрят на багровеющие свекольным соком плохо выбритые щёки Макарчука, его раздувающийся в недовольстве мясистый носик, маленькие, прикрытые угольными бровками и вполне интеллигентскими очками бегающие глазки бывшего однокашника. И как же знакомы Валентину ещё с детских лет эти скрытные подколы со стороны лучшего школьного ученика, медалиста! Как памятливы эти остренькие Исайкины взгляды-лукавинки исподтишка, спрятанные за крохотными стекляшками очков на тонких дужках, очень напоминающие бериевские, не понять какие – то ли плюсовые, то ли минусовые – окулярчики. По странному совпадению или закономерно передались неким воздушно-капельным путём гены Лаврентия Павловича такому же вампиру, вампуке, только в образе кукольного красавчика, остающемуся и в сорок лет холостяком – Исаю Кузьмичу?

Невинно, простодушно, рассеянно помаргивая глазками, он как бы бессловесно вопрошает, а что я такого неприличного сказал тебе, ровесник мой дорогой, что ты так разволновался? Ну, спросил про твой знаменитый венгерский мотоцикл, ну, и что? Посмотри за окно: стоят сейчас прекрасные апрельские деньки, воздух – чист, прозрачен и сладок, как мёд. Почему бы, в самом деле, и не прокатиться по трассе тебе, такому опытному байкеру, на скоростном аппарате?

«Да потому! – мог бы продолжить скрытую пикировку, сверля противника горящими очами, варяжский гость. – Подковырнул бы я тебя...».

Ответственный секретарь, конечно же, прекрасно знает грустную историю с Валькиным мотоциклом. Мог бы лишним раз посочувствовать корешку своему, однокласснику, ровеснику. Но это же Кузьмич! Въедливый, как моль, как таракан, неуёмный паук с сетью интриг районного масштаба, никогда при этом не претендующий на своё авторство, но незримо стоящий за каждым таким пасьянсом – особенно в периоды выборов и перевыборов. Ему и сейчас куда как приятнее вместо тёплых слов другу детства, припасть, присосаться к нему пиявкой, всласть попить свеженькой, алой, как тюльпан, кровушки. В своей-то редакции Исай Кузьмич по горло сыт, даже, можно сказать, пресыщен... Всех уже искусал. И не по одному разу. А тут – ура! – новая жертва. И надо её по всем шахматным канонам вначале развести, незаметно расслабить, отвлечь, обезоружить. Чтобы потом, взяв тёпленьким, сходу всадить клыки, посадить на одно место; нечего, мол, бахвалиться тут областной пропиской. Всё равно ты тутошний, свойский, наш, озерчанин! Всё про тебя знаем, все твои грехи. Вот расскажи-ка, дядя Валя, молодому поколению, землякам своим, как ты чуть шею не свернул себе на Рязанском шоссе. Слабо?

В прошлом году, в такое же, примерно, время... Хотя, нет, попозже, да, конечно, попозже, в начале августа, на день ВДВ, Валентин гостил у старого армейского приятеля здесь же, в родном своём Озёрском районе.

Встречу бывшие десантники для почина скромно открыли одной – разьединой бутылочкой «беленькой» под старомодной сургучной пробкой. Потом, для разнообразия, перекочевали с цветным графинчиком лучшего самогона-первака, и пятком восковых антоновок, на соседский варок, к сеточному вольеру коллекционера пёстрых кур особой породы – цесарок – Исаю Кузьмича. Напоили на том хозяйственном двореке непьющего супостата – ответсекретаря в сиську; тот уже стал плевать на своих любимых кур, бросать в них яичной скорлупой, очистками яблок. Потом принялся под собственный аккомпанемент по-балетному вытанцовывать «барыню», очень некрасиво вихляя при этом костлявым тощим задом и игриво подмаргивая подслеповатыми глазёнками умирающим со смеху десанникам, вырядившимся по случаю праздника в свеженькие тельняшки и береты.

Не сразу, не скоро, но всё же, уморившись, Исай прекратил, наконец, плевать, петь и танцевать, и заявил, что завтра же продаст свой дом и в область переедет, вслед за Валькой. Хорошо, друг мой? Ты согласен?

В полночь, ближе к финалу, голубые береты дегустировали, сгибаясь чуть ли не в бараний рог, жгучую, как африканский соус, девяностоградусную чачу. Чёрт знает откуда появилась она в бидончике ново обрётённого друга – киномеханика Вахтанга, в клуб к которому они, уже никакие, забрели на огонёк. Хмельная троица долго выступала там на сцене, вместе и порознь, представляя двум слушателям – глуховатой сторожихе и немому её мужу, кочегару котельной – все свои таланты – вокальные, хореографические, декламационные. Ах, заснять бы на плёнку то кино! Куда там Феллини!

Но утром Вальке нужно было – кровь из носа! – по заданию редакции снимать в номер открытие магистрального газопровода, освящённого верховной властью и паникадиллом местного архипастыря... Плохо выпавшийся, угнетаемый до смрадной отрыжки вчерашним перебором огненной, как напалм, влаги, Валентин, согнувшись едва ли не вполовину драгунского своего роста, гнал «Паннонию», не глядя на спидометр. Только пятками, да рвущими чудный утренний воздух широкими ноздрями чуял запредельную скорость собранного своими руками из металлолома ходкого, приёмистого мотоцикла. Но всё же постепенно просыпался, трезвел, приходил в себя от ровного рокота мотора, ознобных дуновений целебной прохлады, её щекотных прикосновений ко лбу под шлемом, к шее за воротом сорочки, от деликатных стараний встречного ветерка расправить, разгладить смятые лепестки прокуренных, отравленных накануне спиртом лёгких.

На двадцатом километре пути ему уже хотелось умно жить и дерзать, закончить давно задуманную серию вертолётных снимков из поднебесья с помощью дальнобойной цейсовской оптики, выставить в театре давно готовые фотопортреты актёров и режиссёров, подарить родной школе давно нащёлканные снимки самых знаменитых выпускников, которых

набралось на два домашних альбома... Ещё через двадцать вёрст, ёжась от косого утреннего дождичка, окончательно очищающего тяжёлую, не похмельную голову, – он понял, что совершенно был не прав в отношениях со второй женой. Груб, не внимателен, не ласков с её сыном-старшеклассником, да и с их общей дочкой. И поклялся себе сегодня же, ночью, закрыв двери в спальню на ключ, устроить супруге незабываемую феерию любви, такую, чтобы и Мопассан, и Флобер, и Феллини, вместе взятые, позавидовали и на том свете их альковным фантазиям. А детям в воскресенье обязательно купить давно обещанные «ролики», свозить их на ипподром, на бега, потом на автодром, дать пасынку потренироваться на мотике...

Мозги на подъезде к городу работали у Валентина уже совершенно чётко, в штатном режиме, заложив в подкорке черновой, эскизный, требующий лишь некоторой доводки и корректировки, но в целом нравящийся ему стратегический план. Суть же ближайших тактико-технических действий сводилась к единственно правильному: немедленно после увековечивания на фоне газового факела в профиль и анфас монументальной фигуры губернатора и высоченного силуэта владыки, лететь в свою «контору», там молниеносно – аугенблик! – перекинуть снимки на выводящий компьютер. Оттуда пожарной лестницей бегом вниз. И, чёрным ходом, не попадаясь на глаза всевидящим вахтёрам, рысью, аллюром, галопом, карьером, иноходью – в спасительную «Блинную», которая так хорошо вписалась сразу за Домом печати, на углу улицы двух евреев – Москалёвки (Моська плюс Лёвка).

С порога, подав понятный сигнал знакомой официанточке, свинтить слегка подрагивающей рукой, у стоечки, желанный стакашок, куда Люсенька уже накапала его успокоительное – валокордин, кордиамин, пертуссин: восстанавливающие все живительные силы сто пятьдесят водочных капель. Резких, как градусник подмышке, холодных, как тело забальзамированного Ильича, и чистых, прозрачных, как скупые мужские слёзы, которые вчера в полночь они роняли вначале втроём, затем вчетвером – Валентин, его друг-однополчанин, Исайка и Вахтанг – исполняя на сцене Озёрского клуба в честь ВДВ суровую, простую и одновременно такую трогательную песню «Вот солдаты идут по степи опалённой...». «Соплис цховребо!» – запрокинув красивую голову, тремулировал тенором, как рыдал, голосистый Вахтанг, которому ещё только предстояло петь для глухой сторожихи бессмертную песню «Сулико».

Облизывая потрескавшиеся от сушняка губы, алчно двигая в предвкушении желанной блинной трапезы острым, как локоть, кадыком, Валентин заранее наказывал себе за столом не торопиться. Полезнее для здоровья и лучше для настроения принять сто с полтиной аммиачных граммов не спеша, вплавь, затяжным глотком, под горячие – с пылу-с жару блинчики с картошечкой. Аххх! Да ещё два нежинских огурчика! И, если хорошо пойдёт, добавить потом ещё с кем-то наверняка встреченным

«стопарик». Соточку... А на закуску, обливаясь оздоровительным жарким потом, есть, лопать, хрумать, постанывая от наслаждения, огненный чесночный хаш, густой, наваристый, подаваемый в большущей глиняной тарелке с мягким, как гагачий пух, батонном лаваша. Супец – бог ты мой! Его так классно научились готовить в «Блинной» под руководством хозяина кафе с армянской фамилией русские поварахи. Девчонки из кулинарного техникума, познавшие прежде, на производственной практике в своей заводской столовой, только незамысловатую технологию изготовления щей капустных пустых. «По-московски».

Никто бы и ничто не помешали в тот понедельник исполнению и одной, и второй, и третьей светлой мысли бывшего десантника. Известного мастера-трюкача затяжных прыжков с парашютом, аса воздушных, подземных, подводных и надводных съёмок, лауреата сонма фестивалей, конкурсов, смотров, неукротимого покорителя женщин, независимо от их возраста, веса, роста, расовой принадлежности, цвета кожи и вероисповедания. Ничто! Если бы не тот проклятый цыганский тарантас. Грибоедовская арба. Телега, грубо говоря. Нет, не повозка, сама по себе. Шла бы та таратайка и шла, обочь шоссе, никому не мешая, ни у кого колеи не отнимая. И не в молодом цыгане – извозчике Петьке Гавриче – дело, тихо мурлыкавшем себе под нос от деда слышанный старинный романс «Драго» и думающем о своей таборной подруге Земфире, готовой вот-вот родить ему не достающего для полного комплекта четвёртого ребёнка. И даже не в каурой кобыле Майке причина, в ритме зажигательной венгерской мазурки с цокотом лупившей подкованными копытами прохладный дорожный тракт. Заключён был грустный финал мотоциклетного путешествия нашего друга Вальки в сущем пустяке, самой настоящей ерундовине, которая, однако, нередко и становится причиной очень серьёзных бед, несчастий, разочарований и крушений.

Как раз в тот самый момент, когда летевшая на космической скорости «Паннония» закладывала на повороте к городу плавный вираж, обходя приветливо улыбающегося мотоциклисту ромалэ, и даже спокойно обошла его уже более, чем на полкорпуса, у заднего колеса тарантаса вдруг лопнула чека. Выпростав свистящей дугой длинный, как хлыщ объездчика полей, кнут, только пострашнее – тонкую металлическую проволоку-стяжку, обрадованную предоставленной свободой, а потому лихо стеганувшую переднее колесо мотоцикла, поймав его в капкан с ловкостью запущенного индейцем лассо. Проволочная постромка, запутавшись в переплетениях спиц, вначале стреножила, а затем и вовсе опрокинула навзничь и всадника, и мотоцикл... Вызвав сноп ослепляющих искр перед глазами летевшего вверх тормашками Вальки. Чуть ли не остановку сердца у насмерть перепуганного неожиданным происшествием цыгана. И животный страх у прыснувшей во все стороны стайки пробежавших мимо бродячих собак.

Лишь спокойная при любой погоде сивка-бурка Майка неторопливо топталась на месте, задумчиво пожёвывая мундштук металлической узды и

без особого любопытства ожидая, что же будет дальше. Сама она просто не знала, лошадиным умом не понимала, чем да как может пособить и убитому горем хозяину своему, простирающему в дымчатый простор руки в крике: «Ромалэ, все сюда!». И бездыханно лежащему шагах в двадцати от мотоцикла мужику-здоровяку, откуда-то из карманов которого, то ли брючных, то ли курточных, наяврил позывные – одну и ту же залихватскую мелодию за мелодией – не понять какой предмет...

Открытие газовой задвижки снимал для газеты оператор телевидения. А Вальку тем временем откачивали в больнице реаниматоры, кардиологи, нейрохирурги, возвращая его к жене, детям и, вообще, в соскучившийся по нему даже за период краткого отсутствия светлый мир.

И когда разомкнул, наконец, слезящиеся очи каскадёр поневоле, и повёл неясным взором по палате, плохо воспринимая действительность, первое, что он увидел, был чисто выбеленный потолок над головой, потом капельница и, наконец, успокоительный красный крест на высоком колпаке сестрички. Спасительная эмблема, означающая на языке медиков всех стран и народов одинаковое, по-латински говоря, идентичное: в верхней части – врачебное умение, в нижней – честность, левой стороной – мужественность, правой – благоразумие. А уж за размытым контуром сестрички блукающий взгляд Валентина выявил две не равноценные по объёму физиономии, обе облагороженные белыми халатами. Та, что пошире и покруглее, обрадовано вскричала: «Очухался?! Валентин Александрович, родной мой, ты жив?!». (Как будто в ином случае «родственник» мог бы врачу что-то ответить...). Не дожидаясь подтверждения своей догадки о воскрешении от самого пациента, круглолицый и жизнерадостный доктор всё тем же высоким итальянском фальцетом продолжил, обращаясь теперь к сестре: «Мариночка, завтра опять капельница, потом шприц, ноль пять сульфата бэбэбэбэбэбэ, ноль три гидрокарбоната тутутутуту, десять миллиграммов лалалалалала, через каждые два часа по таблетке папаверина и папапапапа...».

Валька вновь погружался в сладкий сон, не пытаясь запомнить названия совершенно ничего не говорящих ни его уму, ни сердцу лекарств. Абсолютно равнодушный и к доктору, и к ускользающей из сознания тщедушной фигуре второго присутствующего. Лупоглазого милиционера, который, деликатно прикрывая рукой табачное амбре, разящее из незащищённой марлевой повязкой нижней полости рта, выщёптывал, выдавливал из себя, представляясь: «Старший лейтенант Зелепукин, районное ГАИ. Дознаватель ...».

Валька, провалившись в небытие, спал и видел себя в голубизне стратосферы, где он, затянутый в светло серый парашютный комбинезон, обхватив верных пацанов за руки, совершает затяжной прыжок с дружкой-десантником, а ещё – с перепуганным до онемения одноклассником Исаем и черноусым Вахтангом, орущими для храбрости нечто песенное во весь голос. Кадры сонной киноплёнки часто сминались, зернились, искажались.

Но потом благополучно восстанавливались и фильм шёл гладко, без купюр и срывов...

А не подлежащая восстановлению, смятая в лепёшку «Паннония», тем временем уже безвозвратно перекечевала на базу вторичных чёрных металлов. Прозаический Вторчермет. Чтобы превратиться в красно-белую плоскую лепёшку под ударом бездушной, безжалостной пятки прессы.

Жена и дети – Макаручки, надо отдать им должное, устроили за те три месяца, что их папа и муж находился в «травме», честное посменное дежурство. Уступаемое разве что цыгану Петьке Гавричу и его Земфире – совсем ещё девочке, с лёгким тёмным пушком над верхней губой. Сразу после родов продолжившую гадание на рынке и продажу там же, в промтоварных рядах, уворованных со склада фабрики индпошива одежды ещё в советское время мужских дерматиновых курток. Но, успевавшую сочетать дневную греховную работу с вечерними обязанностями заботливой сиделки. Таборным супругам это шло в зачёт искупления вины за аварию.

Ах, пальто моё, пальто,
Пуговицы ореховы,
Сама в шляпе, сам в очках,
С городу приехали...

Балагур и весельчак Валька, устраивая променады по коридору с разухабистым пением частушки, в которой определения «сама» и «сам» проговаривались с более откровенными названиями сакральных фрагментов тела мужчины и женщины, всё же немного сбавлял обороты перед плотно закрытыми дверями начальственного кабинета. Где прикреплена была узкая пластмассовая табличка: «Осадчий Леонид Фёдорович. Главный редактор». Редактор... Ректор... Директор... Вызывающие смутный трепет слова, схожие с другими, близкими по теме и такими же строгими: Экзамен... Приёмная комиссия... Отдел кадров...

Редактор был человек не здешний, не озёрский, сосланный сюда из редакторов областной газеты соседней губернии, вроде как за серьёзные прегрешения. А на самом деле – за то, что без спроса полез расследовать, куда делись немаленькие субвенции, выделенные свыше для инвалидов-чернобыльцев, которые безвестные герои если и получили, то в размере откровенного нищенского подаяния. Новое начальство приняло бедового редактора с натужным скрипом и со строгим условием: все его вылазки на чужие поляны отныне в обязательном порядке будут предварительно согласовываться в кабинетах местной администрации по месту и времени. А ещё лучше – если писаки вообще не будут лезть туда, куда собака нос не суёт... Пишите лучше о насущном для народа – объявленных на всю планету перестройке и гласности.

Трудно озерковским аборигенам было понять, нравится ли человеку – не нравится, второй год проживать на две семьи; жена, дети – там, он – тут...

Про свою личную жизнь молчал редактор, как Штирлиц. Зато, на работе пропадал от зари до зари. Делопут! В районе другого такого не было: как начнёт на планёрке лекцию по экономике или политике шпарить – заслушаешься. Культурный человек, не матерится. Идёт по улице – не плюнет. И модник; возрастом под полтинничек, а всё молодится. Ходит в синих джинсиках, где молнии зигзагом по всем карманам и в месте гульфика, сорочки носит только стилия поло, из хэбэшной ткани, навыпуск. А кожаный пиджачок у него – клифтик зарубежного покроя, с небрежно отвисшим хлястиком и двумя шлицами на самой жождо... Но, конечно, не это главное. А то, как прожигает он взглядом каждого к нему входящего по самое дальше некуда – такого не обманешь, не соврёшь. Согрешил – кайся, отругает, но простит. С начальством районным не дюже ладит; даже то, как вызывающе молчит редактор на сессиях районного совета, депутатскому голове не нравится, дескать, больно много этот хлыщ заезжий себе позволяет: пикничков в узком кругу чурается, начальству не подхихикивает, советоваться не приходит... Вот уж, правда, горе-то – от ума!

Ну, а в редакции знают: лучше такой начальник – пусть в чём-то малопонятный, строгий, да зато человечный. Всё лучше, чем тот же скорпион Исайка, который мягко стелет да жёстко спат. Не дай Бог, останется Исай Кузьмич тут за главного – всем небо с овчинку покажется, будут Леонида Фёдоровича вспоминать, как золотой век.

– Драссь, господин редактор! – умильно улыбаясь, просовывает в дверную щель к Осадчему крупную свою – объёмом с мотоциклетный шлем – «фотокарточку» Валька Макачук. – Можно вас потревожить?

– А-а... Гроза цыганского барона явился? Прошу-прошу – встаёт из-за стола спортивный, подтянутый шеф «Приозерья». – Что предпочитаете, кофе, чай?

– ...И чачу! – видя хорошее настроение редактора, приободряется ожидавший гораздо худшего приёма гость.

По резкому движению лохматых бровей Леонида Фёдоровича, по быстро дёрнувшимся было к ответной реплике губам Осадчего, опытный физиономист Валька Макачук понимает, что ироничному собеседнику, конечно же, известно о тех его выступлениях в районном клубе. Но... не вправе должностное лицо подавать вид, что всё на свете знает. Валентин это быстро, как на калькуляторе, просчитывает в своём сознании, мысленно одобряя тактичное поведение редактора.

Затеряв в огромных ладонях фарфоровую чашечку самолично заваренного хозяином кабинета чая, с охотой налегая на шоколадные конфеты, сладёна Макачук какое-то время перебирает с Леонидом Фёдоровичем последние светские новости. В который раз внутренне удивляясь тому, что в районе узнают, оказывается, все служебные тайны, секреты и сенсации Мадридского двора по скорости – вровень с намного удалённым от села, а по качеству слухов – не уступая более просвещённому областному центру. Кто же им так быстро оттуда свистит? Не угадаешь. Как

Исайка говорит в подобных случаях, а у меня тётка работает в обкоме уборщицей...

Валентин – делу время, потехе час – напомнил о цели своей командировки: фотоочерк об участнике войны, ветеране. Адрес известен, едем вместе? Редактор, согласно кивнув, не удержался всё-таки, тоже съязвил: «На мотоцикле, конечно, быстрее, но мы в Козельцы на «Волге» поедем?». И улыбочиво свёл к переносице шалашиком мохнатые гусеницы бровей с едва заметными проблесками сединок в самой гуще... «И этот туда же!» – выразительно вздохнул в ответ, но ничего не сказал Валентин Александрович, обречённый, видимо, по самой судьбе на долгую память народа. Может, даже, на вечную.

– Мотоциклу давно уже бэрдэм бэздэс, как один киргиз у нас в полку говорил, – забрасывая на прощание пригоршню шоколадных конфеток в кофр и столько же – про запас – в необъятный карман куртки, пояснил фотокор. – Езжу теперь на «Оке» инвалидной, со значком. Табуретка настоящая. Тестю моему на старости лет, как участнику, дали. Но – зато кайф! На трассе за превышение не останавливают. Гаишники в городе козыряют...

Преувеличивал, конечно, Валька свою значимость для гаишников. Хотя, да, было такое время, когда они, служивые, обтянутые портупьями, сверкающие опознавательными бляхами, вытягивались на посту во фронт, козыряя пролетавшим мимо служебным автомобилям – но, только с партийными номерами, в том числе редакционным – Леонид Фёдорович хорошо помнит ту пору...

Усаживаясь и располагая поудобнее свой громоздкий баул в чисто вымытом салоне, позади водителя, добродушного бородача Михаила Егорыча, Валентин тут же закружил деда трещоткой своих разговоров, протягивая в знак расположения шоколадку с редакторского стола. Гостинец дед разворачивать не стал, а, поблагодарив кивком, отложил в бардачок: понятное дело, на вечер, для внуков.

Фотокор, который нигде молчать не мог, и тут что-то молотил Егорычу про тестеву капризную «Оку», свои или чьи-то «Жигули», поминал инжекторы, карбюраторы, бензонасосы, аккумуляторы... А Леонид Фёдорович незаметно, искоса поглядывая в зеркальце заднего обзора на вдохновенно гнавшего пургу Макарчука, вспоминал ещё одну проказу, подстроенную Вальке вечным женихом – перестарком, ушлым жохом, заядлым шахматистом Исаем Кузьмичом. Которого хлебом не корми, дай только пакость сотворить!

Зная школьного своего однолетку с парты первого класса, как облупленного, зная неистребимую kleптоманскую привычку Валентина – обязательно похитить в том месте, где побывал, хоть какую-нибудь ерунду – копеечную авторучку или стерженёк к ней, гардеробный номерок, зажигалку, цветные скрепки, карандаш, блокнотик, ластик – в общем, любую безделушку, пустяковину, подлинную чепухенцию, лишь бы вмещалась в

карман, Исай придумал сюжет для розыгрыша чисто в своём, полупиратском – полуразбойничьем духе. В зимний приезд Макарчука выложил у себя в кабинете на столе пару любимых Валькиных огурцов «нежинских» – необыкновенно аппетитных, в меру упитанных, размером с сардельки, цветом изумрудных и в пупырышках, да ещё с едва видимыми волосочками огородных колочек – ну, только-только с огорода! А сам под благовидным предлогом отлучился, хорошо представляя, старый лис, что будет дальше.

Рёв и следом мат в три загиба, который издал Макарчук, превзошёл все ожидания зловредного Исайки. Выскочив на площадку, он увидел, что Валентин, привалившись к перилам лестницы, вытирает платком окровавленные губы. Оба «нежинских» огурца, раздавленные могучей подошвой десантных шкарбалетов вдребезги, всмятку, лежат у него под ногами, на ступеньках, как квашня, приняв гибель молча и бесславно. А напружиненный торс Валентина, сжатые кулаки, вся его могучая стать, повернутая вполоборота к Исайке, не оставляла сомнений: десантник сию же минуту, сейчас, прицельно и убойно зарядит ответственного секретаря редакции прямо в нос. Точно так, как когда-то, много лет назад, после уроков в седьмом классе, зазвездил ему в хрюндель, когда тот выдал завучу, кто бросил большую пачку дрожжей в очко надворного туалета, вывесив предварительно объявление «Переучёт»...

– Валя, Валёк, Валенька! – залопотал ужас, как жидкий на расправу Исай Кузьмич, – молитвенно прижимая бледные безволосые ручонки к впалой груди. – Ты что, нечаянно попробовал эти ...м-м... экспонаты, да? Куснул, да? Валя, Валюш! Я разве не предупредил тебя, это ведь муляжи, поделки. Симка Стреляный их из воска или парафина, налепил, я не знаю, штук десять, наверное, для районной выставки...

Еле-еле отмазался тогда завзятый шкодник Исай Кузьмич от лютой расправы, которую непременно учинил бы над ним доведённый до бешенства бывший старший сержант-десантник. Но, спасибо небесной матушке-заступнице, сумел в последний момент рокироваться, юркнуть в спасительный редакторский кабинет. Зарёкшись в душе от подобных розыгрышей. Впрочем... На время. Как говорят самые ближние соседи озерчан из украинской деревни Сыроватка: «Зарикалася свиня говно не исты...». Прости ты и меня, Господь великодушный, за такие слова!

В самое старое село Озёрского района – Козельцы, на встречу с тамошней живой достопримечательностью, чудаковатым мастаком-умельцем Серафимом Степановичем, и катила под апрельский разлив половодья молочного окраса «Волга». Не новая редакционная машина, хотя и не старая. Но уж что начищенная – приблищенная, нечего даже говорить. Да и как это, чтобы у старого водилы Михаила Егоровича, чьи завёрнутые в «салофан» водительские права истлели уже до такой степени, что

инспектора их опасаются в руки брать, может быть неопрятный автомобиль? Вы что? Обижаете!

– Слышь, дед, так ты где, говоришь, служил? – смачно, до впалости щёк затягиваясь сигареткой и пуская тонкой струйкой дым в приоткрытую створку, чуть касался плеча Егорыча вальяжно раскинувшийся один на трёх подушках Валентин Макаrchук.

Неодобрительно встретивший разрешение редактора на курение пассажиром, не курящий Егорыч долго и насуплено молчал. Разве что чересчур сосредоточенным видом своим давал понять, мол, нечего лезть назойливому фотокору с пустопорожними разговорами шофёру под руку, когда машине преодолевать приходится то неохраняемый железнодорожный переезд, то шербатый крутой спуск за рекой Колотушкой, то затяжной подъём – тещин язык – уже на подъезде к Козельцам...

Но потом Егорович всё-таки смилостивился, повернул вполоборота седой висок в сторону Валентина.

– Где служил-то? Если в сорок втором, то на Волховском, в болотах, чуть и не сдох там, ворон да галок всех перестреляли – жрать было нечего... Потом Сталинград, танковый батальон. Месяца четыре держали северную сторону. Как он навернул меня там в башку да под лопатку – только в госпитале и очухался. А в каком? – расплываясь неожиданно в улыбке, что-то своё, далёкое, вспоминал Егорыч. – В самой Сочи! На Волге, слышь, февраль, морозы адские жмут, снега – во, по пояс, сиверко ветер как поддаст с речки – всё, каюк, а в Сочи мимоза цветёт. Рай! Сестрички друг за дружкой бегают, – вдруг сменив голос строгий и глухой на школьный, шаловливый, смущённо прижал ладошку к губам Михаил Егорович. И многозначительно, страстно, повёл туда-сюда, как артист, большими, навывкате, глазами.

Не желая делить ни с кем, даже в такой предельно малой аудитории, славу рассказчика, Макаrchук тут же полез за новой сигареткой. Перебил на полуслове Егорыча, торопясь изложить новую свою притчу. Как на заре туманной юности проходил он десантную службу в глухой Гурьевской области, в Казахстане. Где, почитай, каждый месяц бойцы – «старики» и новобранцы – выезжали то по учебной, то по боевой тревоге на бронетранспортёре к запасному аэродрому, откуда самолёт поднимал группу десанта на прыжки.

«И вот прём мы однажды на БРДМ вот так же, с ранья, тоже весной, по степи, – увлечённо размахивал длинными руками Макаrchук. – Орлы, блин, на столбах сидят, как цари, суслики на дороге мышкуют, дикие маки стелятся до горизонта. Красота! Остаётся последний перевал, и всё, мы на месте. А механиком у нас, – с азартом подталкивал локтем шофёра в бок Валентин, – механиком у нас Токомбай один был. Кадр ещё тот! Морда всегда грязная, как у поросёнка, руки в цыпках, простыней не признавал, так под одним одеялком два года и проспал, на матрасе гольном. Мы ещё

подкалывали его, дескать, в горах тебя, малый, мешком накрыли и в тёмную в армию привезли...

– Ну, так а что бронетранспортёр, в чём процесс-то? – вернул Макарчука к теме заинтересовавшийся редактор.

– А-а... Да! Километров пять остаётся до перевала, это пять минут езды, не больше, да, Егорыч? Когда броник наш бздым! И – стоп-машина. Выскакиваем: блин, горим! Движок в дыму, вонь отовсюду ползёт, копоть. А это же показательные учения – командирам светят погоны, звёзды, ордена... Старлей за кобуру, орёт на Токомбая: застрелю! А тот сам весь в слезах, весь в соплях, схватился за башку, сидит, причитает: «Бардым апат, блат, бздэс, тарш лейтенант. Ыды пешком, тарш лейтенант...».

Валька хорошо умел пародировать жестами, голосом, мимикой. Даже обычно сдержанный, невозмутимый Егорыч громко смеялся, крутил головой...

А вскоре за березняком, на косогоре появилась и железобетонная арка с аляпистой надписью от края и до края, удостоверяющая, что добрались путешественники точно по нужному адресу: в село Козельцы.

– Слышь, дед, а мне в редакции сказали, вроде, Симка, Серафим Степаныч этот, тебе каким-то родичем приходится. Так – нет? – легонько теребил деда за рукав семисезонной кацавейки Макарчук.

Егорыч сокрушённо вздохнул: «Ну, етишь твою, эххх. Наверное, только в Озёрском районе живут такие люди, ну, всё они про всех знают! Что же я-то ни про кого ни шута не знаю...».

– Родич! – ещё раз – только теперь ещё тяжелее выдохнув, подтвердил дед. – Но родич дальний, как тот... Двоюродный плетень троюродному забору. Правда, на войну мы с ним вместе уходили, совсем желторотыми, после ремесленного училища. Решили, чем в деревухе нашей подыхать от голода, лучше на фронт, авось, армию всегда накормят. Симку поначалу тут оставили, в ополчении, он на годок помоложе, а меня сразу вон в какое пекло, на Волховский, будь он неладен, закинули...

– Жена, вроде, у Симки в позапрошлом году преставилась? – продолжал удивлять шофёра и редактора своей осведомлённостью Макарчук (вот тебе и балабол, вот тебе и балагур; а всё, что надо, между чаем и смешинками у ребят в «конторе» выпросил) – С бухгалтершей он, вроде, какой-то живёт?

– Есть такое дело, – согласно кивнул Михаил Егорович. – Хорошая женщина, Клавдией её звать. Только не булгахтером она, а библиотечарша и музеем тута заведуеть.

– Музеем? Ну, совсем то, что надо! – как бы грея озябшие руки у костра, потёр огромными лапищами одну о другую приосанившийся Макарчук. Между прочим, где-то, как-то, незаметно для окружающих, видимо, в придорожных кустах, сбросивший с себя маску простачка. И одним только резким взмахом в гору волевого подбородка сразу придавший потрепанному жизненными штормами лицу своему вид серьёзный,

внушительный. Чтобы поняли: явился народу – просим любить и жаловать! – не паяц, не шут гороховый, а специальный корреспондент областной газеты «Маяк», собирающий материал к святому празднику – девятому Мая.

Единственное, что позволил себе парашютист, это голоском мультяшного кота Матроскина переспросить для потехи: «Жена – Клавдия, значит? А-атлично!». И минуту спустя, замурлыкал себе под нос то ли где-то услышанное, то ли переделанное, то ли сейчас только сочинённое краткое фольклорное произведение – частушку. В которой мораль-бомбочка в такой неочевидной засаде припрятана, что сразу и не догадаешься, где она. В какой строке:

Я по речке плаваю
С незнакомой Клавою,
Выйти с ней я не могу:
С палкой муж на берегу...

Гостей тем временем уже приветствовали разобранные до цоколя фрагменты недостроенной школы-десятилетки. Потом потянулась целая улочка дачных домиков из силикатного кирпича и железобетонных перемычек, навверняка извлечённых из недостроенного школьного здания. Перед поворотом к селу возникла недавно подремонтированная стела в виде царицы полей – кормовой свёклы. Но фреска по штукатурке почему-то представляла собой совсем иное: уголок знаменитой картины Репина, той самой, на которой запорожские казаки пишут сочное своё письмо турецкому султану. Причём, изображён был как раз тот наиболее колоритный – голый до пояса украинец с чудесным чубом-оселедцем во всю лысую голову, который придумал невероятный словесный загиб недружественному вельможе. В переводе на русский язык его смачное высказывание приблизительно звучало бы так: «Какой же ты к чёрту рыцарь, если голой задницей ежа не раздавишь?».

Ох, и гоготали братья -сичевики, услышав предложенную полуголым кошевым фразу – можно себе представить!

«Симка малевал! – то ли осуждающе, то ли одобряюще кивнул головой в сторону фрески Егорыч. – С сыроватским своим дружкой на пару».

Редактор молчал, выглядывая и другие сельские достопримечательности. А Макаруч отозвался на пояснение Михаила Егоровича в своём духе, кратко и не понятно: «Чума!».

Не спрашивая, куда рулить, Егорыч подогнал машину вплотную к высокому кирпичному забору, прикрывавшему вход на территорию храма Первоверховных апостолов Петра и Павла. Туда, где за единственной уцелевшей выемкой в стене, непонятно для чего предназначенной нишей, и притулилась художественная мастерская человека, о котором Валентину Макаручу поручили подготовить фотоочерк к празднику Победы.

В тихом благообразном мужичке, невесть с какой стороны подкатившем к «Волге» на дамском велосипеде, редактор не сразу признал того самого Серафима Степановича, которого видел в прошлом году, в майские дни на районном митинге. Малость изменился дедок за последний год и лицом, и фигурой – часы назад не ходят, и годы берут своё... Но одет он был всё в те же тщательно отутюженные тёмные брюки, только прихваченные внизу на одной штанине пластмассовой бельевой прищепкой, чтобы не попасть брючине в велосипедную цепь. А на плечах покоилась серого цвета уютная кофта-толстовка, в которой он и тогда выходил к трибуне, получать юбилейную медаль. Только наградные планки открепил теперь с лацкана незатейливого своего одеяния.

Мужичок малорослый, чистенький, опрятный, с весёлым блеском в маленьких глазёнках, он первым делом устремился к родичу своему – Егорычу.

– Мишаня, своячок мой дорогой, наконец-то приехал!

– Здорово, Семыч, здорово! – не так радушно, как сельчанин, но достаточно приветливо похлопывал Серафима по мальчишеской спине Михаил Егорович. Потом всё же обнялись «двоюродный плетень с троюродным забором»... Расчувствовались.

Гости, говоришь? Это хорошо, гости-то, ждали мы вас, малёк готовились – быстро, востренько, оценивающе поглядывал на не скрывающего ответного любопытства Леонида Фёдоровича и в упор его разглядывающего фотокора, Серафим Степанович.

А наискосок через улицу, от магазина, к которому местные пьяницы приделали с тыла навес из рваной строительной сетки, прикрывающей пивные столики да две обломанные скамьи, бежала знакомиться, не скрывая улыбки, худенькая женщина в сбившемся на шее платке. Клавдия Михеевна.

– Рассказывайте, дражайшая, где ваш благоверный нетленки свои хранит? – вместо приветствия загромыхал командным басом Макарчук. И тут же, без перехода, на той же старшинской ноте, властно отдал команду подбежавшим (не нальют ли, случаем?) лиловоносым гражданам: «Так, фуфырики! А-ну, марш отсюда! Вас кто звал?». И вытянутой рукой властно, как стоящий посреди села Козельцы гипсовый Ленин, указал вектор отступления троим понурившимся выпивошкам: протоптанной тропинкой, мимо склонившихся в поклоне берёз, на ферму!

Тем временем, художник-резчик, он же скульптор-ваятель, огладив каштановую бородку, прочесал разок и другой две тёмные подпалины на голове, рваными бороздочками очертившие пунктир от лба до макушки. Красноречивым взглядом, словно испрашивая разрешение, обвёл поочерёдно бесстрастно молчащий храм, порозовевшую, всё никак не справившуюся с волнением, жену свою, Клавдию, слегка насупленного родича. Потом неторопливо отвязал от велосипедного багажника длинный объёмный предмет, плотно укутанный в пёстрое домотканое покрывало. И бровью не

повёл, когда ковылявшая мимо старушка-прихожанка, с неодобрением оценив его усилия, гусиной прошипела из-за спины: «Опять какую-то нечисть притащил, ирод».

«Эх, бабушка, всё с точностью до наоборот!» – без раздражения и обиды, скорее даже с некоторой весёлостью проговорила вслед удаляющейся прохожей уже, видимо, привыкшая к таким эскападам земляков Клавдия Михеевна.

А муж её, словно и не услышал укоризненного сипа престарелой односельчанки, мягкой тряпочкой протирая невидимые следы пыли, представлял новоприбывшим резное своё творение: «Ангел, скорбящий по жертвам религиозных войн».

Редактор, по-музейному сложив крест-накрест руки на груди, и отойдя на два шага в сторону, глубокомысленно вглядывался в светло-жёлтый силуэт представленной фигурки, пытаясь понять, сформулировать для себя концепцию и оценить суть необычного произведения искусства. Валентин, строго поджав губы, словно опасаясь произнести глупость или банальность, что, по существу, та же глупость, рассеяно курил, отгоняя дым свободной ладошкой. И, в силу профессиональной привычки, немного косил головой то так, то этак, как бы примеряя уже панораму съёмки.

Егорыч, поняв, что все эти «вернижасы» и пленеры – не его ума дело, тихо, на английский манер, покинул обдуваемую свежим ветерком прицерковную арену обозрения, предпочтя восхищению искусством резца уютную дремоту в тёплом салончике «Волги» под воркование автомобильного радио. Правда, со спины эта уходящая натура, невольно взмахивавшая рукой с характерным протестным вызовом, подтверждала: и Михаил Егорович разделяет мнение сельской бабки-протестантки, выступающей против авангардистских творений этого оглашенного Симки Стреляного.

Что же увидели оставшиеся на площадке зрители в руках мастера? Тощая полуобнажённая девица (натура угадывалась), с выпирающими углом деревянными лопатками, непонятно из каких сил удерживала в одной руке меч, в другой – массивный щит. И с прищуром, вызывающе, смотрела всем в глаза, как и положено средневековой воительнице перед боем: «А-ну, выходи, кто не трусит, сразимся!»... Такой вот был необычный ангел.

– Ну, пока ещё полуфабрикат, – почёсывал худышку по лопаткам с пониманием встретивший удивление гостей Серафим Степанович. – Тут мне есть ещё чего подчищать да выправлять. Поработаем. А у вас какие указания будут?

Указания? Редактор с фотокорреспондентом переглянулись. Указания? Это из какого словаря, из какой-такой оперы слово? Но, не желая долго размышлять над архаизмом, отдав тут предпочтение филологу по образованию Леониду Фёдоровичу, Валя Макарчук очнулся от фантазий первым. И, переходя к более привычным для него реалиям, занялся исполнением прямых своих обязанностей. Сдвинув вокруг фигуры ангела

группку понадобившихся всё же для массовки сизоносных граждан, продолжавших стоически дежурить «на занятиях» (у кого занять?) с утра у магазина, вытащив из кабины задремавшего, было, а потому вдвойне сердитого за произвол Егорыча, Валентин расположил в центре вече смущённого художника по дереву. По-операторски сфокусировав экспозицию кадра, по-бутафорски оценив выразительность природных декораций и с этой целью отклонив в сторонку декоративную ветвь ивы плакучей, Валентин по-режиссёрски назидательно наказал массовке изображать неподдельное восхищение скульптурой, а певцу женской наготы – растопыренными пальцами как бы давать пояснения о секретах редкого своего ремесла. При этом Макаrchук для оживляжа ситуации то и дело грозно вскрикивал: «Улыбайтесь по-хорошему, фуфырики, а то ща защекочу». Всем сердцем веря, что теперь уж точно не пропадёт за так их скорбный труд, «фуфырики» старательно пытались ослабиться друг другу, с трудом вспоминая, как вообще это делается вне зоны их суровых взаимоотношений «на гражданке».

Макарчук если уж снимал, то снимал, не жалея дублей для самого сильного кадра. И не обращал ровно никакого внимания на неуместные возгласы «лиловеньких».

«Слышь, фотограф, на фиг тебе Стреляный, он старый, давай лучше нас крупным планом в газету забатай», – кричал Валентину один, кривясь в слабенькой тонкогубой усмешке. «Запечатлей-кось передовых механизаторов на Доску позора!» – не мог стоять на покачивающихся от смеха ногах второй. И обхватив дружков за плечи, заплетающимся языком предлагал себя, как объект для стенда «Их разыскивает милиция», третий. «Ладно, мужики, я вас всех и так запомню!» – вытащил наконец вожделенный бумажник Валентин, осчастливив изнемогавшую от недостаточного внимания к их персонам троицу.

– Всё. Спивается Русь. Вот они, алканы законченные! – неумолим был приговор редактора удаляющимся в известном направлении пьянчужкам.

– Тавро ставить негде! – поддержал Леонида Фёдоровича фотокор.

– И вот ведь, что: ни при какой власти эти бобслеисты робить не будут, – махнул рукой в сторону магазина Егорыч. – Одно у них на уме: занять-выпить, занять-выпить, один очочурится, другой, такой же, заменит...

Тактично слушавший их суждения Серафим Степанович, молчал, не делая и малейших попыток вклиниться в разговор знатоков сельской жизни. И лишь на пути к своему дому, куда вёл гостей обедать, вроде бы безотносительно к теме, склонился к плечу шагавшего рядом с ним редактора. «Знаете, Леонид Фёдорович, те трое мужиков – несчастные они люди; ни завода, ни мастерской в селе нет, а они замечательные слесари, токари, хорошие механизаторы. Шабашки тоже нет, всё в городе прихвачено. Жёны каждый день за «перемену ситуации», за безденежье поедом жрут... Что делать? В Москву ехать на заработки? К кому, кем, кто их там ждёт? И тут все поля, почитай, брошены, хлебушек растить некому. Фермеры, вон,

пчеловодством занялись, поди как выгодно: флягами мёд качают с каждого улья. А простой сельский люд квасит от безнадёги, денежек на свой бизнес не имеют, да и это же уметь надо – торговать. Вот вам и финал – или сопьются вконец, или...». Он не договорил, махнул рукой, предоставляя возможность каждому для дальнейшего домысливания печальной действительности.

Как это часто бывает весной, вдруг, без всяких видимых причин, нахмурился, закапризничал, беззвучно заплакал безукоризненно соблюдавший правила приличия светлый солнечный денёк. И накрапывающий дождичек заставил процессию убыстрить шаг, заставляя мучиться не поспевающего за быстрым шагом «молодёжи» Михаила Егоровича. Художник вёл гостей мимо ухоженной конторы правления, захудалого почтового отделения, мимо штакетной ограды бывшего детского садика, туда, где на посыпанной жёлтым речным песком площадке гостей ждала ещё одна подготовленная к открытию работа, которую Серафим Степанович торжественно и церемонно объявил перед тем, как скинуть с неё старенькую шторку: «Козельчанка!».

Отважная, неприступная воительница, выполненная в покрытом лаком темно вишнёвого цвета дереве, держала в руках туго натянутый лук с заправленной стрелой, перекинув за спину колчан с остальными стрелами. А под литыми, как кегли, ногами воинствующей амазонки пыталась дотянуться до неё повыше всякая – разная гнусь супостатная – с пиками, секирами, крюками... Но – безуспешно!

– Послушайте, Серафим Степанович, это уж не козловчанка, а сама наша матушка-Россия у вас получилась! – не скрывал восхищения Леонид Фёдорович.

И старый циник Валька Макаrchук, внезапно ставший притихшим и приникшим, только и мог вразяжечку едва слышно вымолвить: «КЛАСС!». «Россия, говорите? – был сух и строг Серафим Степанович. – Ну, а в газетке своей вы об этом напишете?».

Не дождавшись ответа редактора, художник повернулся к Макаrchуку: «А вы? Напишете?» И Валькиного согласия-несогласия Степаныч ожидать не стал.

Горячась, продолжил: «Да знаю я, напишете, не побоитесь. Сейчас и время вон, другое, все про демократию трендят с утра до вечера. Только, смотрю я, это в Москве все храбрые. А наш отдел культуры от страха весь обделался, когда я попросил свои работы в столицу направить, там выставка российская в Манеже скоро откроется, Победе посвящается. За сердце сразу схватились: «Как? В саму Москву? Да вы что? А чем транспортировать? А кому там передавать? А как страховать? А кто вам рекомендации напишет?». Ладно, район он и в Африке район, что с них, покорных баранов возьмёшь? Сам поехал в область, думал, подсобят, отправят, там же картинная галерея круглогодичная, опыт имеют, знают...

«Не-е-ет, да вы что, помилуйте и не обольщайтесь! – старательно воспроизводил до боли знакомые интонации начальника областной культуры Серафим Степанович. – Те же песни: мы должны вначале эксперта пригласить, мы обязаны мнение официальных искусствоведов получить, лучше, если в письменном виде. Пусть ещё и дизайнеры посмотрят, скажут своё веское слово, тоже не повредит... Да разве можно, сразу вот так, в МОСКВУ?».

– Эх, не люди, а муляжи, честное слово! – сбивал носком ботинка развесистую корзинку травы-пастушьей сумки – Серафим Степанович.

«Сима всех людей делит на три категории, – по-женски скрытно прикрывая ладошкой губы, шептала редактору Клавдия Михеевна, в то время, пока художник позировал на песчаной площадке неугомонному Макаручуку. – Это муляж, витраж и Эрмитаж. Ну, первое понятно, да: это ветряная мельница, пустышка, вертопрах. Витраж?.. Клавдия Михеевна задумалась на короткое время, потом лукаво подмигнула Леониду Фёдоровичу, доверительно улыбнулась: «А вот, здоровяк-фотограф этот, что с вами приехал, точная иллюстрация витража! Я сразу, как увидела его, об этом подумала. И Сима, наверняка, тоже... Такой, знаете ли, типичный выставочный экземпляр для анатомического музея, по всем параметрам. Витраж!».

– Ну, а Эрмитаж? – заинтересованно ждал продолжения необычной шкалы оценок редактор.

Ничего не говоря, Клавдия Михеевна пистолетиком выставила покрытый малиновым маникюром указательный пальчик ровно на уровне груди Леонида Фёдоровича. Жест, красноречивей не придумаешь: «Вы!».

И уже у самого дома своего добавила: «Признано безоговорочно! Всем районом. И обсуждению не подлежит!».

«Что ж, я польщён!» – только и мог ответить Клавдии Михеевне, вдруг почувствовавший лёгкие пощипывания в глазах Леонид Фёдорович.

Через полчаса гвалт за обеденным столом стоял невообразимый. И творцом-создателем его был, конечно, Валентин Александрович, лично-с, умудрявшийся одновременно разговаривать с художником, его женой, редактором, Егорычем. И при этом в разной тональности откликаться, бранясь, смеясь, оправдываясь на бесконечные телефонные звонки по сотовому. Клавдия Михеевна, единственная за обеденным столом дама, конечно же, польщённая окружением четырёх мужчин, а потому порозовевшая до пунцовости, старалась внимание уделить каждому, забыв про свою тарелку, но ловко подкладывая то грибочки, то картошечку, то мясо, то рыбку на быстро пустеющие приборы гостей. Что смешило: манерой, сильно ей, видать, понравившейся и, наверняка, подсмотренной у какой-то начальствующей районной дамы, Клавдия Михеевна жеманно придерживала и даже слегка оттягивала пальчиками правой руки кружевные

манжеты кофточки на левой руке, когда с вилочкой тянулась к хлебнице, селёдочнице, салатнице. Это выглядело, правда, комично, чуточку нелепо, но... Гость хозяину не указчик, сиди и лопай, что дают, оставив критические замечания при себе. Не за тем звали!

– Ну, что, друзья мои! – с силой вонзая сигаретку в деликатно подставленную хозяйкой дома резную деревянную пепельничку, привстал, едва не шарахнувшись лбом по абажуру, заметно захмелевший Макарчук. – Дата приближается большая, как говорит тесть мой, знаковая. Давайте поднимем за тех, кто полвека назад с котомкой за плечами уходил отсюда на войну, за тех, кто уцелел и за тех, кто не вернулся, как мой дед-сапёр, как дядька-связист... Давайте!

– А кто ты говоришь, новый тесть-то у тебя? – больше из вежливости, чем из интереса, поднял глаза на Валентина почти не притрагивавшийся к еде малоежка Серафим Степанович. – Батьку первой твоей жены я знал, бондарь знатный был, таких поискать. А теперешний кто тесть?

– Да Груздев, Сергей Сергеич! всю жизнь он в областном военкомате сидел, в столе учёта, потом в комитете ветеранов заправлял, да знали вы его! – растопыривал для пушей убедительности широченные ладони-лодочки фотокор. – По всем школам всегда ездил, выступал, детворе про войну рассказывал...

– Кто? Груздев? Заикается? И бородавка такая здоровенная у него вот тут вот у носа? («Не показывают на себе!» – укоризненно взмахнула в сторону мужа кухонным полотенчиком супруга).

– Точно, заикается! А бородавка была! Была бородавка! – обрадованный, хотя и заочным, но всё же знакомством хозяина дома со своим родичем, вскричал Валентин. – Она ему никогда житься не давала, а оперироваться – бабулетов сколько стоит! Но тут как пошли льготы вам, ветеранам, дед сразу поехал в госпиталь, в область. Ему как участнику бесплатно удалили ту пакость, только шрам чуть заметный остался. Слышь, Степаныч! А старик теперь, мне кажется, тужит по тому шарик, что отхватили. Подойдёт к зеркалу и гладит, гладит себе под носом, как балерина личико своё осматривает...

Балерина... Почему не актриса, а балерина, для которой ноги важнее лица? Участник?.. Соучастник!

Макарчук, оседлав новую тему, вёл теперь речь о врачах, вспоминал больницу, аппарат Илизарова, которым ему вытягивали ногу, и в котором он сам усовершенствовал два винта-прихвата. Шофёр, Михаил Егорович, с понятной мужской тоской посматривал, как мало уже плещется водочки, настоящей на мандариновых шкурках, в толстопузом старинном графине. Оставался одиноким безучастным слушателем разлагольствующего экс-десантника только Леонид Фёдорович, потому что сам выступать на застольях в роли краснобая никогда не умел, и не хотел. Редактор тихо допытывался у сидящей рядом с ним Клавдии Михеевны, откуда есть –

пошло это странное прозвище у её мужа – Стреляный, хотя настоящая, не уличная его фамилия, насколько он знал, Дегтярёв?

«Да вы сами у него и спросите, – не совсем впопад смеялась хозяйка, неестественно благодушная после пригубленной одной, второй, третьей, вроде бы невинной, а, на самом деле, исподволь оказывающей коварное бражное воздействие стопочки домашнего винца. – Симочка сегодня у нас в настроении, может, и расскажет? Си-и-м! – нараспев, по-здешнему, ласково окликнула она мужа. – Тут вот господин редактор интересуется...».

Тяжёлый, как связка противотанковых гранат, был обращённый в её сторону ответный взгляд, кожей почувствовавшего продолжение вопроса Серафима Степановича. И мигом протрезвев, стерев с лица не к месту расплывшуюся улыбку, жена только и смогла, осёкшись на полуслове, по-женски хитро вывернувшись, продолжив: «Леонид Фёдорович интересуется, какие интересные прозвища у нас в селе дают? Я ему говорю, спросите у мужа сами, он-то уж сколько здесь живёт, всё про всех знает?».

Клавдия Михеевна, договорив, всердцах ощутимо толкнула под столом полной своей коленкой острую коленку редактора: вот, мол, будьте вы неладны, Леонид Фёдорович, с вашими журналистскими вопросами, заставили меня перед родным мужем грешить, врать да выпутываться...

Но Серафим Степанович совершенно отключился в эти минуты и от общего стола, заставленного сверх всякой меры съестным и спиртным. И от нестройного гула необязательных разговоров, кто о чём, и, вообще, от всех этих возлияний и излиятий, от всего окружающего мира. Груздев. Участник. Балерина. Военкомат. Груздев... Как же не знать, знал! Жив, значит, курилка? Сотрудничал в облвоенкомате и даже дочку свою за Вальку Макарчука просватал? Хм. Сколько же ему лет, если тогда-то уже казался насколько грозным, настолько старым. А, на самом деле, оказывается, разница в возрасте между ними и есть-то всего ничего. Груздев...

Немцы входили в это старое русское село, как привыкли входить во все чужеземные населённые пункты с незапамятных тевтонских времён: свиньёй, клином, вслед за танками своими и пушками. Топала разрозненным пешим строем уставшая от долгого перехода по непроходимым чернозёмным дорогам, раскисшим от июньских дождей, матерящаяся пехота. С бензиновой гарью, чадом, грохотом въезжали с околицы на «Цундапах» с пулемётами в колясках подразделения мотопехоты. Вояки фюрера передвигались среди бела дня спокойно, без оглядки по сторонам и без шмайсеров наперевес, ничего и никого на ровной степной местности не опасаясь. Полностью уверенные как в свежих данных собственной артиллерийской разведки («всё спокойно!»), так и в грозной своей, неотвратимой танково-пушечной силе.

Русское название взятого без боя населённого пункта «Козельцы» им перевёл неплохо знающий русский, польский и чешский язык полковой

врач, доктор Забровски. В родословной которого, если хорошенечко покопаться, нашлось бы немало любопытного для недоверчивых к славянской расе ребят из ведомства гестапо под руководством рейхсфюрера Генриха Гиммлера. (Правильнее Хайнрих Химмлер, 07.10.1900 – 23.05.1945). Солдаты, ещё и ещё раз переспросив доброго друга-лекаря как, как звучит название села, где они находятся – Козельцы? – долго и оглушительно ржали, запрокинув головы. Продолжали гоготать даже тогда, когда отошли от ветряка-указателя и расселялись по хатам, когда мылись у колодца и, тем более, когда, собравшись у полевой кухни гуртом, принимали в котелки горячую гороховую кашу прямо из котлов.

Бременский музыкант (аккордеон, гитара) в пору учёбы в медицинском институте, парень-весельчак Эрик Забровски, притащил откуда-то, видимо, из брошенного и разграбленного магазина сельпо, ядовито-зелёную краску в ржавой кастрюльке и аспидно-дёгтевую, отливающую земляным глянецом чёрную краску в эмалированной детской кружечке. Старательно замазюкав прежнее название села самодельной кисточкой, он, высунув, как прилежный школяр, узкий розоватый язычок, вывел на фанерном щите-указателе большими готическими буквами новую траурно-мрачную надпись по травяному фону своими, витыми готическими литерами: «Kutschbock» («Козлы»). И сытая, довольная, накормленная гитлеровская рать вновь заходила в смехе, выставляя над головами скрюченные пальцы, как рога: «Sagebock», «Gestell», «Ziegenfleisch» («козлятина»).

Проклятый доктор и обнаружил Симку всё в том же сарае, где мастерил себе щит и кисточку. Мгновенно среагировав на стон бойца, плохо спрятавшегося в сенной трухе и соломе, Эберхард выхватил пистолет, и заорал, что есть мочи, вызывая подмогу и пуляя из «вальтера» всю обойму в потолок.

«Ауфштейн, лос, лос, шайссе!» – тут же залаяли злые собачьи голоса над окровавленной головой обессиленного красноармейца. И жёсткие, как печные колосники, беспощадные, безжалостные лапы, больно сдавливая мальчишку подмышками, потащили в колхозную контору, на допрос. Туда же, где вчера весь день по-всякому измывался над ним особист – лейтенант Груздев. Как он бил Симку, как бил – изошрённо, прицельно, наотмашь, по-боксёрски, выбирая самые слабые, самые не защищённые места – в печень, по рёбрам, под почки, упавшего – сапогом в голову. И всё время орал, орал, орал, бешено брызгая слюной и распаляя себя до истерики.

– Ах, т-ты сс-с-сучий потрох, дезертир, предатель, поле б-боя б-бросил, с-стервец! – вкладывал в каждое своё слово ещё и немалую силу удара смершевец. – Ты, г-гнида, даже не выстрелил ни разу, пп-подлец, всё ружьё в смазке. Вот и-из-за таких, как ты, и д-драпают до Урала...

Груздев, действительно, оказался свидетелем обезумевшего в первом бою рядового Дегтярёва, в страхе забившегося на лесную опушку, где кроме волчегодника, ничто другое и не росло. Отставший от своего взвода, со

спутанными обмотками, да, кажется, ещё и обмочившийся прямо в штаны, съёжившийся Симка зрелище собой являл просто ничтожное. Пристрелить его на месте Груздев имел полное право. Но, оправдываясь потом перед своим начальством о списании в расход, пиши объяснение, рапорт, протокол... Лучше всё же д-допросить эту тварь для виду, для протокола, да сразу же отдать комендантскому отделению – порешить.

Но ничего путного, кроме фамилии, имени, отчества, года рождения и четырёхклассного образования не мог сказать на допросе заранее смирившийся со своей участью смертника красноармеец Дегтярёв. Тем более, не мог он внятно ответить на письменные вопросы следователя Груздева, почему даже не расчехлил винтовку, почему ни разу не выстрелил во врага, не бросил бутылку с зажигательной смесью или гранату? Стоял обречённый Серафим, привалившись спиной к побелённой стенке, тупо уставясь невидящим взглядом в обшарпанную столешницу и молчал, уже даже не вздрагивая от крика Груздева. А, если чего и желал он в эти минуты, так только попить бы студёной колодезной водицы, которую ему уж ни за что не дадут...

– Немцы! – заорал вдруг, забарабанил в дверь боец из комендантского отделения. – Немцы, Серёга! – позабыв всякую субординацию, ревел он, как медведь, своему командиру. Сам уже готовый опрометью бежать отсюда куда угодно, в лес, в болото, в речку, к чёрту на кулички, к чёртовой матери, только бы подальше от неминуемой смерти, туда, где безопаснее, пусть даже к бабам, в тыл.

– Какие немцы, где, пп-п-аникёр!? – принимало цвет стены, к которой прислонился Симка, покрытое угрями и юношеским пухом лицо Груздева.

– С флангов их танки Козельцы обходят, тама танков тьма и антилерия ихня, бегём отсюда, пока не поздно, лейтенант! – умоляюще складывал руки на груди медвежеподобный детина-адъютант.

– А с этим как быть? – кивая на Симку, растерянно спрашивал уже совета у подчинённого вмиг утративший всю прежнюю грозность и вальяжность свою Груздев.

– С дезертиром? Да шпокни его прям тута и побёгли! – повторял своё тревожно поглядывающий то в дверной, то в оконный проём боец-охранник, словно опасаясь, что вот-вот ворвётся сейчас сюда банда эсэсовцев-головорезов и тогда уж точно висеть им, смершевцам, ему и служаке-лейтенанту, кверху ногами на крюке от лампочки...

Видя явную нерешительность Груздева, охранник взял командование на себя. «Грузи сейф на подводу, – призывал он к действию оробевшего до паралича конечностей следователя, – а ентого я сам ща...». Передав автомат свой, ППШ, переставшему от страха заикаться начальнику, детина не попросил, а выхватил из кобуры лейтенанта новенький ТТ. И заорал всюю на помертвевшего от ужаса, вжавшегося в стенку солдата: «А-ну,бля, снимай гимнастёрку, бля, живо, бля!»... Не гнущимися пальцами, пряча голову поглубже в плечи, Симка потянул растёгнутый ворот хэбэшной

формы через себя, пытаюсь стянуть не понятно для чего понадобившуюся верзиле-адъютанту замусоленную свою солдатскую одежонку... А медведь-охранник, зверски матерясь на немцев, на Серёгу, суетливо и бестолково прущего к окну, а не в дверь тяжёлый сейф, проклиная «пукалку» лейтенанта, не привычную для стрельбы – взведи курок, отведи затвор в крайнее заднее положение, а возвратная пружина пистолета поддаётся туго... – резко, дёргано выпустил пулю за пулей, целясь в стриженную макушку жертвы...

И опрометью помчался прочь из конторского здания, вслед за отъезжающей подводой, чтобы через мгновение навсегда позабыть и о расстреле бойца, и о брошенных бумагах на столе, и даже о том, как его самого зовут, охваченный одной животной страстью спасения. Лишь на выезде из села, уже на лесной тропе, малость отдышавшись, вспомнил он, наконец, о командире своём, лейтенанте. Ощерившись, закивал ему, потерянно мостившемуся на кучке тряпья: не робей, мол, начальник, спаслись под носом у фрица, теперь не пропадём...

Бледный Груздев молчал, как всегда, в минуты безнадёжности, мизинцем почёсывая бородавицу под носом, не в силах придать мыслям стройность, а задаваясь лишь единственным вопросом: ч-ч-что ему т-теперь б-будет? Четвёртый месяц всего в строю, но обещали уже взять в дивизию, там недобор офицерского состава, новое звание светит... А если эта горилла, без всякой на то нужды, слепо, безжалостно нахлестывающая сейчас лошадь, заложит, сдаст его трибуналу? А с него станется, тот ещё зверь. И что тогда, штрафбат? Позор на всю оставшуюся жизнь? Или сразу отправят в расход? М-мамочка м-моя, н-не х-хочу!!! Может?.. Может ... полоснуть в этого кретина со спины из его же автомата, на весь диск в семьдесят патронов, да труп в болото, чтоб никаких следов. А я, дескать, сам, в одиночку, вырвался с боем из окружения...

– Шнеллер, шнеллер, руссо, лос! – подталкивали обессилевшего, истекающего кровью Серафима на пути к штабу два немецких солдата. Нисколько не считаясь с тем, что и ноги пленника не держат, и лицо его похоже на страшную красную маску.

– Тафай, тафай! – норовил побольнее пнуть мальчишку ногой в поясницу тот, с лычкой ефрейтора, который потолще, не снимавший с себя каску и в обороне.

– Ферфлюхтен, шайссе, шволочь, – не отставал с зуботычинами второй, плюгавенький заморыш, угодливо подхихикивающий ефрейтору.

Всё за тем же обшарпанным столом колхозной конторы теперь сидели другие лица – относительно знающий русский язык весёлый медик, оживлённо читавший и тут же переводивший хмурому командиру части, пехотинцу-оберсту, мятые листки Груздевского протокола, и чин полевой жандармерии, молча катавший тугие желваки на щетинистых скулах.

Одобрительно подмигнув ожидавшему крепкого тумака с порога Симке, медик разборчиво задал ему вопросы о фамилии, имени, звании... И утвердительно закивал оберсту и жандарму, листками протокола смерша указывая на Серафима: да! Он это, он, красноармеец Дегтярёв.

– Ты нет стрелять немецки солдат, нет, малшик? – натужно вспоминал и кое-как составлял воедино чуждые для него слова весельчак Эрик. И, для пущей убедительности, изображал действия красноармейца с винтовкой-трёхлинейкой в руках, вынужденного после каждого выстрела передёргивать затвор. «Никс шиссен, ниht?».

Ни черта не понимая, о чём его спрашивают, а крепясь бог знает из каких сил, чтобы не рухнуть тут вот, прямо на пол, Симка обречённо крутил головой. А-а, мол, делайте, теперь, что хотите, говорите, что хотите, всё равно подыхать... «Балтшевик? Камсамоль? Какой рота?» – доносились ещё чем-то знакомые слова до туманящегося сознания Симки. А он уже подгибался в коленях, падал, видя в обволакивающем сне сказочную птицу-альбатроса с широкими крыльями, голубую пойму реки за Козельцами, где всегда рыбачил и сено с отцом косил, тревожное лицо исхудавшей до полной костлявости старухи – Смерти...

Сима не слышал, а если бы и слышал, то не понял, что немцы, перегоргонив между собой, пришли к выводу, что ни разу не выстрелившему в их сторону русскому солдату можно пока сохранить жизнь, и для этого отдать в целительные руки врача Забровски. Не сию минуту, конечно, а – по закону Архимеда, после сытого обеда! Дальнейшую судьбу пленника решит херр гауптман из фельджандармерии. Который сейчас извинился перед старшими по званию – подполковником, командиром части, и майором-врачом за то, что задержится: дела. И, вытащив из планшета бланк протокола допроса, быстро-быстро что-то зачирикал в нём простым карандашом, не желая надолго отставать от «митэссен» – обеденной паузы в приятной офицерской компании. Гауптман, а по-русски, капитан, привычно трудился в излюбленной позе, чуть сгорбясь, над столом. И не отгонял из памяти прихлынувшее вдруг изречение, услышанное им ещё в Париже, в начале войны, от приходившей на ночь в отель весьма аппетитной француженки-горничной, удивлявшей прусского военного знанием наизусть философии Мишеля Монтеня. «Нет столь тяжкой участи, с которой человек не примирился бы ради того, чтобы остаться в живых», – на недурственном немецком говорила та покорённая мадам своему абверовскому покорителю... И варвар-завоеватель снисходительно улыбался, принимая горечь признания полонянки за комплимент.

Фрицев вышибли из села Козельцы наступавшие части генерала Черняховского. Вышибли за одну ночь, умело, бесшумно сняв перед этим штабных часовых и пулемётный дозор. А затем, обхватив деревню полукольцом и пустив в авангард не пехоту, как бывало, (уже гулял по всем

фронтам долгожданный приказ «Беречь людей!»), а приданные мотоманевренной дивизии высвободившиеся с воронежского направления танки – тридцатьчетвёрки. Которые, согласно времени «Ч», грозно и несокрушимо рывкнули по заранее намеченным дымовым трубам подкалиберным из всех орудий. Только планшетка абверовского капитана да стетоскоп весёлого доктора остались в избах целы на память о преставившихся в донских степях чужедальной стороны хозяевах этих вещей.

И вновь всё в той же ободранной, обглоданной конторе стоял перед следователем Груздевым, ротным командиром и заместителем командира полка по комсомолу рядовой Дегтярёв. Но уже не дистрофик-доходяга, а малость оклемавшийся, подкормленный за две недели плена немецким эрзацем (не чета красноармейской липкой хлебной массе и бурдовому капустному бульону), перебинтованный и подкреплённый сильнодействующими таблетками, микстурами и лекарствами, впрыснутыми уколами.

Ошарашенному возвращением Симки с того света лейтенанту, потерянно молчащему в изумлении, комсомольский бог – переводчик с немецкого по образованию – с листа читал протокол допроса, учинённый бдительным гауптманом (дружеский обед – обедом, а служба – прежде всего!) в 11 часов сорок пять минут 24 июля 1943 года. В селе Козельцы. Исходящий номер документа 461/5 – 43. Абвер. Секретно.

– Вы большевик? Комиссар? Комсомолец? Ваша национальность? – значительно пристукивал пальцем по карандашному листу переводчик-комсомолец. И задирал измазанный чернилами перст в гору, подчёркивая: «Пленный молчит. – Какое звание командира вашей части и что это за часть – рота, батальон, полк? Назовите вооружение вашей воинской части! – Пленный не отвечает.

– Какую боевую задачу выполняли лично вы? Ваше отделение, взвод, полурота? – Пленный не отвечает...».

– Слушай, да он герой тут у тебя, этот Дегтярёв! – возбуждённо потрясал трофейной планшеткой переводчик. – Его к ордену надо представлять, ты погляди, вот это воин, никого из фашистов не испугался! А? Ничего они вытащить из него не могли. Я сегодня же замполиту нашему доложу...

А мрачный, в считанные дни повзрослевший и поугрюмевший Груздев, дождавшись, пока переводчик покинет контору, вплотную приблизился к потному и серому от страха Симке. Ухватил его обеими руками за ворот так и не отстиравшейся от бурых пятен гимнастёрки. И не прошептал, а зловеще прошипел в самое ухо вновь окоченевающему от беды и беспомощности бойцу: «Всё з-забыть, п-понял? Услышу хоть слово – с-спишу в три секунды, п-понял?». «Так точно, товарищ лейтенант». «Брысь отсюда!».

Он уже неплохо умел говорить на особом прокурорском языке, без пяти минут старший лейтенант Груздев. Отличившийся сразу же после своего героического выхода в одиночку из окружения, передачей в трибунал дела на рядового Овсепяна – злостного распространителя в третьей роте вражеских листовок. Хрен с ним, один только он, Сергей Груздев, знал истинную вину солдата Овсепяна, вздумавшего на своё несчастье скрутить самокрутку, действительно, из немецкой листовки, напечатанной на русском языке. Который он с грехом пополам знал для бытового обхождения, но на котором не умел ни читать, ни писать. Ни сказать и единого слова в свою защиту перед военным трибуналом. Который, как известно, оправдания не выносит, а только обвинительные приговоры. Кого-то лишаящие жизни во цвете лет. А кому-то прибавляющие желанный ромбик или шпалу в петлицы.

Веселье в просторном, наполненном сладостно-пьянящим духом дерева доме Серафима Степановича набирало обороты. Валентин уже перещёлкал всё, что хотел, некоторые уголки – по два раза: вот хозяин задумчиво стоит с фронтовой фотографией своего отделения, где все бойцы – совсем ещё салаги. Вот стоят у окна хозяин дома с хозяйкой, ласково улыбающейся мужу, помогая ему надеть праздничный пиджак, на котором Красная звёздочка, два Отечественной, не счесть, сколько медалей... Вот Степаныч показывает свои награды, объясняя лицом к объективу: «Это за Бреслау... Сандомирский плацдарм... Чехословакия... Там снайпер бил по нашим с церкви, чуть и меня не укокошил, еле успел первым... Это – когда вошли в логово».

Услышал и увидел редактор, но не слышала и не видела хлопотунья Клавдия Михеевна, как, озорно подтолкнув чинно-благородно расправляющегося с рыбным блюдом Егорыча, Сима, её супруг благоверный, доверительно зашептал свояку: «Слышь, Миша, а сколько же наши тогда в Берлине ихнего товару поперепортили, а? И у меня фрау одна была... Ева... Мх! А что, мне тогда только девятнадцать годков исполнилось, кровь с молоком».

– Чего «молоком»? – тут же встрепенулась из-за противоположного конца стола кокетничающая с раскрасневшимся от вина, развесёлым фотокором Клавдия Михеевна. – Молочка кому? Леонид Фёдорович, вам? У нас свеженькое, парное, у соседки берём утрешнее, хотите – я налью?

Смущённо открешиваясь от гостеприимных предложений настоятельно заседавшей хозяйки, редактор укоризненно посматривал на Серафима Степановича: подставил, дескать, меня, теперь помогай выпутываться! И хозяин понял его упрёк. Включил помощнее магнитофон, объявил: «Растрясёмся маленько! Танцы, шманцы, обжиманцы! Дамы приглашают кавалеров, там, где галстук, там перёд!».

Но вместо танцевальных мелодий, вдруг, видимо, по ошибке, зазвучала другая плёнка – песенная. И хриплым речитативом стала отбивать боевой ритм гитара, повторяя слова из военной песни Высоцкого:

...В свой полк определили,
«Воюй – сказал комбат –
А что не дострелили –
Так я не виноват»...

Но потом всё же отыскалась мелодия танго, под которую галантный Казанова почти двухметрового роста увлѣк седоватую девушку на танец. Тем временем Егорыч, добросовестно обчистив до голых костей так понравившегося ему брюхастого речного гада, то ли сома, то ли карпа, осоловело прикрывал пучнистые свои, прихваченные базедовой болезнью очи, борясь с дремотой. Но помнил старый чертяка, перевозивший на своём долгом веку всю районную власть на бесчисленное количество пикников, ночных гулянок, хороводных озѣрных оргий, помнил всё же о том, что ждѣт его ещё к чаю самодельный красавец – тортик «Наполеон». Потому полностью отдаваться во власть Морфея нельзя. Прикемаривать можно только на один глаз, не упуская ситуацию из-под контроля и готовясь с наслаждением принять ломтик-два-три обожаемого Бонапарта Наполеоныча. Не то десантник этот – глянь, какая глыба – всё сам сожрѣть... А, под контролем, хороший кусочек торта хозяйка и внучке ещё ж отрежет. Пусть только девчонка вначале загадку отгадает: «Что делал слон, когда пришѣл на поле он?..» – улыбался в полусне дедушка Миша...

– Если хотите, пойдѣмте, я ещё вам кое-что из своих творений покажу, тут недалеко, – прежде шутливо погрозив разругавшейся Клавдии, предложил редактору Серафим Степанович.

Ещё бы не хотеть! Каждый день в Козельцах не побываешь, да и не всегда и не всякий художник захочет быть гидом на собственной выставке.

– Начитался я исторических романов, что жена из библиотеки приносила, – шаг в шаг ступая за Леонидом Фѣдоровичем, рассказывал, смущѣнно похохатывая, Серафим Степанович. – Ну, и наткнулся на один миф Древней Греции. Там картинка такая: козлоногий бог нарисован, покровитель стад, по имени Пан. Рядом амфоры с вином, арфы, женщины в туниках и полуголые. Ну, точь-в-точь, наш председатель райисполкома после сессии с бабами на гулянке. Я его таким из подручных материалов и заделал. Ножки-копытца вразлѣт, рожки похотливые согнулись, глазѣнки прищуренные, масляные, блудливые, ну, ещё эта самая штука из-под тоги выглядывает – для двоих росла, одному досталась...

– Представляешь, Леонид Фѣдорович, деревня наша, Козельцы, и соседняя – Сыроватка – вы бы видели, покотом лежали. А предрик прознал от стукачей про мои художества, я знаю, кто ему насвистел, с милицейским нарядом на поляну прикатил... Что тут было!

Обсаженный с обеих сторон молодыми берѣзками переулочек, по которому шагали Серафим Степанович с редактором, а за ними, в

отдалении, поддерживающие под локотки то и дело оступающегося фотокора Клавдия Михеевна с Михаилом Егоровичем (решил и дед Миша прогуляться), вился, петлял и всё никак не кончался. Цепляли путешественников за обувь и одежду заросли разноцветных репьев. Норвила обласкать жгучестью листочков своих утратившая свежесть, но не злость крапива. Хитро шурилась на прохожих коварная бузина, исподволь предлагая недотёпам полакомиться отравленными чёрными ягодами, способными несведущего дурачка, вздумавшего и правда, откусать агатовые бусинки, отправить на то свет.

Весёлая, залитая избытком тысячеваттного света из поднебесных люстр, лесная поляна объявилась неожиданно. Затишная, окружённая рослыми, как на подбор, прямоствольными соснами, чьи шоколадные стволы, утончаясь к вышине пиками, казалось, упирались в синь небосвода, она являла собой, ну, просто изумительный, открытый зюйду и весту, выставочный зал в природной картинной галерее.

– Вот они, герои дней моих суровых! – раскинул руки в обе стороны широко улыбающийся владелец резных творений.

Кое-что из работ Серафима Степановича редактору приходилось видеть и раньше, на районных, областных выставках. Например, вот эту нечистую братию во главе с хитроглазым булгаковским котом Бегемотом, очень напоминающим министра печати при дворе правящего бал царя Бориса... Поодаль согнулся в полупоклоне, затаился, пригнувшись, Леший обалдевший – как открыл рот с первых дней перестройки, так до сих пор и не в силах закрыть его, всё не поймёт, что же на самом деле происходит? Бесовская башка и вся комодная фигура следующего персонажа, вырезанная из толстого овального пня и ствола податливой липы, являла собой полное почти сходство с говорливым политическим деятелем, готовым с экрана петь без голоса, на концерте эстрадной звезды танцевать без умения, на депутатском собрании выступать без подготовки – абы знали! Точно так он поджимает во время своих крикливых выступлений губы, ассоциируя для людей просвещённых главного итальянского фашиста Бенито Муссолини. Очень похоже руку закладывает за брючный ремень, подобно председателю постцарского Временного правительства А.Ф. Керенскому. Голову вскидывает неадекватно, подражая бывшему африканскому диктатору Анастасио Сомосе. И, вообще, весь он нафарширован повадками, манерами, внешними атрибутами фюрера, дуче и генералиссимуса, вместе взятыми. И потому, к самому носу его – слегка сгорбленному, но выразительному, хрящеватому – приставлена растянутая на все меха резная гармоника; пой, мол, ратай, пой, под её разливы, пой да не забывай, кто тебе платит за эту музыку...

– Я вам про греческого Пана рассказывал, – вёл редактора к краешку поляны, не оглядываясь на отставшую свиту, Серафим Степанович. – Так вот, влюбился он, гуляка, в нимфу по имени Сирникс. С первого взгляда влюбился. А ей козлоногий бес не приглянулся. И сиганула она от него к

своему отцу – речному богу. Тот, чтобы спасти дочь от домоганий Пана, превратил её в тростник. А Пан прознал, срезал ту тростинку и превратил её во флейту. И такое ведь в жизни бывает, согласны?

Следом за злодеем-Паном, предводителем альфонсов разного ранга, открывалась авангардная композиция из доброго десятка разномастных, разночинных пролетарских фигур – солдат, матрос, крестьянка с лукошком, сталевар, космонавт...

– А вот и мой крёстный батька, Груздев, – оглянулся на подтанцовывающего возле статуи Козельчанки фотокорреспондента Серафим Степанович. – Я твоего тестя не по памяти, а, как сейчас говорят, «по понятиям» себе представлял. Зверёк хороший был. За то ему и орденки, и «Оку», видишь, дали. А я его всю войну мечтал на передовой встретить. Пообщались бы.

Бухой гном в капитанских погонах с распахнутой кобурой, откуда выглядывала рукоять пистолета, веселил грустно глядящего на него мальчишку – солдата, стоящего у стены без ремня, без пилотки и без гимнастёрки, в одной нательной рубахе, игрой на саксофоне. Судя по кривой ухмылке, похабному подмигиванию и неприлично изогнутой нижней части тела, играл гном что-то скабрёзное – иначе разве отворачивалась бы от него всё та же Сирникс – нимфа, перенесённая из предыдущей композиции? Но довольно щурился другой слушатель – амбал с толстенной цепью на короткой шее. И задирали он в гору большой палец, этот близнец «Муссолини» – довольный жизнью и собой полнолицый политик, на мохнатой ручище которого от запястья до плеча выбита была наколка «Не забуду либер муттер!».

– Наверное, бес меня попутал всех этих хулиганов-уркаганов выточить, – покаянно чесал в затылке Серафим Степанович. – С них как пошли мои беды, так и не кончаются. Одну фигурку (я её с Клавуни своей копировал) – та-а-кая красавица-королевна вышла, груди – во, коса – во, попа – извини меня, сам видишь, бабёнка фигуристая, пьянчуги козельские украли. Сбагрили кому-то за пару пузырей, а кому – досе найти не могу. На космонавте скафандр какой латунный был, а я ещё сбоку планету Марс придумал на алюминиевой подставке, стержень снизу прикрепил из нержавеющей стали – всё отодрали: цветмет... Это опять же, наши тут, местные ханурики насвинячили, цыганам в утиль снесли. А у ромалэ не сыщешь. Диктатору патронташ навесил, бомбы, ножи, гранаты – весь арсенал разложил, прихожу – привет от Менделеева: одне только рожки да ножки остались.

Редактор протирал очки, близоруко поглядывая на Серафима Степановича, который сложенными в горстку пальцами мелко-меленько осенял себе лоб, плечи, живот, явно испрашивая прощения у Всевышнего за грехи свои тяжкие... И всё хотел Леонид Фёдорович, да не решался спросить мастера, к какой категории людей он сам себя относит: ясно, что не муляж. Тогда что (или кто?) – витраж? Эрмитаж? Зачем он, вообще, строгаёт тут

денно и ночью всяких-разных чертей, драконов, кикимор и прочих обитателей Лукоморья? Зачем добивается через райсовет размещения непременно под боком у храма Первоверховных апостолов своего «Музея изящных искусств», вызывая понятное возмущение местных жителей? А он уже и название скульптурной галереи под открытым небом придумал: «Ажиотаж».

Леонид Фёдорович чуть не вздрогнул, когда Степаныч, непостижимым образом поймав его мысли, глубоко вздохнул: «А где я зал возьму? Площадь какая нужна – всю школу отдай. А тут бы, впритык к забору, навес поставить от дождей и снега – и цельный год приходите, люди, смотрите»...

Он ещё немного помолчал, пожевал сухонькими губами, ещё острее обозначая и так втянутый, впалый подбородочек. Потом, как о давно обдуманном и решённом, сказал: «Настоящему художнику не нужны никакие залы. Только небо и земля. И культуру делить не надо на светскую, религиозную... Я, может, первый, кто хочет их соединить. А народ пусть оценит. Как «Приозёрье»-то наше, меня поддержит, аль нет?» – лукаво улыбался редактору, всё так же, по-школьному, взвихривая седенькие волосёнки вокруг чёрных подпалин на макушке, Серафим Степанович.

Редактору было что на этот счёт сказать, посоветовать резчику-искуснику. Но его опередил категоричный в своих суждениях Валентин Александрович Макарчук, пусть занимавший пока недостаточно вертикальное положение, зато наладивший общий язык с собственным организмом, больше не требующим водки, а жаждущим песен. Дружески возложив руки на плечи стоящего перед ним редакционного шофёра, Михаила Егоровича, фотокор задушевно произнёс, кивнув в сторону Степаныча: «Во, дед Миша, знай: с таким родичем клювом не щёлкают!».

Что означала эта фраза в её исконном значении, не мог бы объяснить, наверное, и самый искушённый в вывертах родного языка филолог-русист. Но бывают слова, в которых музыка, подтекст, сама интонация звучания значат куда, как больше, чем смысл. Так было и на этот раз. Все поняли, что хотел сказать Валентин. И добавить тут, хотя это, может, и немного странно, было нечего.

У дома выпили ещё на посошок. Садись в машину – приняли стремennую. Чуть отъехали – Клавдия Михеевна замахала руками: стойте, стойте! Что такое, что случилось? Да ничего особенного, просто обычай у нас, в Козельцах, такой: теперь с серебряного подноса примите, гости дорогие, чарочку забугорную!

Они долго ещё стояли у своего крыльца, приблизившись друг к другу, Серафим Степанович и Клавдия Михеевна: она – платком, он – ладошкой провожая плавно уходящую на небольшой скорости машину...

А в понедельник утро в редакторском кабинете началось с ужасного звонка: сельский художник Дегтярёв умер. Звонила Клавдия Михеевна – и лучше бы она плакала, громко, надрывно, по-бабьи, захлёбываясь горячими слезами. Но, нет. Сух и негромок был её голос. Так говорят только в настоящем горе.

Высказав соболезнование, спросив о дне и времени похорон, Леонид Фёдорович тут же перезвонил Валентину. Услышав от Макарчука в ответ вместо привычного трубного раската долгое молчание, грустный вздох. А потом очень тихое признание: «Представляешь, Фёдорыч, а он мне ночью сегодня снился. Стоит у храма, просветлённый такой, ладошку козырьком от солнца держит. И что-то он такое нам с тобой говорит, вроде, как, спасибочки вам, люди, что меня навестили. И не серчайте. Я же вас всех только поднять хотел»... Не успел я его спросить, как это, мол, «поднять»?

М-да. А теперь-то уж и не спросишь... Сделаю сегодня же портрет Степаныча, в среду привезу, классно он так везде получился...

Кричал в коридоре кому-то невидимому ответственный секретарь редакции Исай Кузьмич: «Снимаем на четвёртой полосе в подвале расписание автобусов, сто строк на этом месте оставь, завёрстываем некролог. Как кто напишет? Шеф сам, сказал, напишет».

Потому-то и кричал погромче Исай Кузьмич, чтобы услышал его редактор и поторопился с заметкой: время – одиннадцать, типография торопит, и даже шефу не дано такое право – задерживать номер.

ГЕРАСИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ (род. в 1939 году)

Поэт, прозаик, публицист, журналист. Член Союза писателей СССР с 1986 года, позднее – Союза писателей России.

Родился 24 сентября 1939 года в посёлке Земетчино Земетчинского района Пензенской области. С 1962 г. живёт в Котовске.

В 1968 году Виктор Герасин окончил Котовский индустриальный техникум по специальности «Электрооборудование промышленных предприятий». В 1976 году – Мичуринский педагогический институт по специальности «Русский язык и литература». С 1965 по 1988 годы преподавал основы производства (электротехника), русский язык и литературу в школе № 1 города Котовска.

С 1988 по 1992 годы Виктор Иванович являлся ответственным секретарём Тамбовской областной писательской организации. В 1992 году был избран главным редактором Котовской городской газеты «Наш вестник». 26 марта 1994 года – депутатом Тамбовской областной думы первого созыва. 14 декабря 2005 года – избран депутатом Котовского городского Совета народных депутатов четвёртого созыва.

В начале 1980-х годов произведения Виктора Герасина часто появляются в журналах «Наш современник», «Подъём». В 1986 и 1988 годах рассказы «Алёна большая» и «Чёрный омут» были отмечены литературными премиями журнала «Подъём» как лучшие рассказы года.

В течение 1990–2011-х годов Виктор Герасин являлся руководителем литературной студии города Котовска.

В 1990 году на Свердловской киностудии режиссёром Анатолием Даниловичем Балуевым был снят фильм «Холм» по рассказу Виктора Герасина «Соперники». И в скором времени на этой же студии снят фильм «Побег» по повести «Убит в побеге».

Областная радиоккомпания Тамбовщины с 2011 году транслирует музыкально-литературный цикл передач по рассказам Виктора Герасина: «Газета», «Суть зверя», «Алёна большая», «Местное время», «Здравствуй, это я», «Свидание с Волгой». Эти рассказы, озвученные К.Н. Денисовым, были изданы отдельной аудиокнигой – «Здравствуй, это я».

Обзор творчества Виктора Герасина послужил материалом для подготовки и издания в 2011 году прикладного просветительского пособия для преподавателей русской словесности в русских школах Украины, а также для активистов пушкинских обществ в странах СНГ и Европы под названием «Люди вы мои хорошие». В 2012 году в издательстве «Российский писатель» издана книга о творчестве Виктора Герасина «Бессмертник родства в творчестве Виктора Герасина». Автор этих изданий литературовед, к.ф.н., член Союза писателей России Светлана Андреевна Демченко (Украина, г. Львов).

Виктор Герасин награждён медалью «За заслуги перед городом Котовском», знаком Пушкинского общества, медалью И.А. Ильина «Служить России и только России».

Сочинения:

Герасин В. Истоки. Альманах. – М. : «Молодая гвардия». – 1978.

Герасин В. Один денёк: Стихи. – Воронеж, 1979.

Герасин В. Не помни зла: Повесть, рассказы. – Воронеж, 1981.

Герасин В. Час туда – час обратно: Рассказы. – М. : Современник. – 1986.

Герасин В. Рассказ – 84: [сборник] / сост. А. С. Карлин. – М. : Современник, 1985.

Герасин В. Костёр на снегу: Повесть, рассказы. – Воронеж, 1985.

Герасин В. Рассказы. – М. : «Современник». – 1987.

Герасин В. Убит в побеге: Повести, рассказы. – Тамбов, 1990 г.

- Герасин В. От меня ушла собака: Стихи. – Тамбов, 1996.
 Герасин В. Нравы-норовы: Повести, рассказы в 2 томах. – Тамбов, 1998.
 Герасин В. Помяни моё слово: Стихи. – Тамбов, 2003.
 Герасин В. Избранное: Повести, рассказы, стихи. – Тамбов, 2005.
 Герасин В. Своя сторона: Рассказы. – Тамбов, 2010.
 Герасин В. И стало быть: Повести, очерки. – Тамбов, 2014.

Литература:

- Андреев, В. Литераторы на Тамбовской земле: справочник: [в 2ч.]. Ч.1: А – М / Владимир Андреев. – Мичуринск : [б.и.], 1998. – 143 с. – Из содерж.: [О В.И. Герасине]. – С. 105 – 106, 108.
 Гармаш, В. «Художника придумать невозможно» / Виталий Гармаш // Наш вестн. [газ. г. Котовска]. – 1999. – 19-25 июля. – С. 7 : фот.
 Голошумов, Е. Испытание на человечность / Евгений Голошумов // Тамб. жизнь. – 2004. – 25 сент.
 Демченко, С. Люди вы мои хорошие / Светлана Демченко. – Львов : Цивилизация, 2011. – 108 с.
 Дорожкина, В.Т. Герасин Виктор Иванович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 66.
 Дорожкина, В.Т. Прозаики и критики [Текст] : Герасин Виктор Иванович / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 408-417.
 Матюшина, М. «Крепкая переплетённость плоскостей» [Текст] // Тамбовский писатель-2009 : в 2 т. – Тамбов, 2009. – Т. 2. – С. 14–17.
 Наседкин, Н. От Державина до...: очерк истории тамб. лит. / Николай Наседкин. – Тамбов: [б.и.], 1993. – 56с. – Из содерж.: [О В.И. Герасине] – С. 41–46.
 Полякова, Л.В. Герасин Виктор Иванович [Текст] / Л.В. Полякова, В.Т. Дорожкина // Полякова, Л.В. Литературное краеведение : пособие для учителя : в 2 ч. / Л.В. Полякова, В.Т. Дорожкина. – Тамбов, 2007. – Ч. 2. – С. 116–122.
 Сорокина, Н. Вечные вопросы бытия // Подъём. – 2002. – № 3. – С. 231–235.

Посконь

очерк

Посконь – крепкое конопляное волокно, из которого ткали холсты, а из холстов шили одежду. Посконный холст считался лучшим рубашечным материалом. В давние времена вся матушка Россия крестьянская была посконной. И от этого русского слова пошла фамилия – Посконкины.

Их много, Посконкиных, на Тамбовщине. Все они бывшие, а многие из них и нынешние землепашцы, все они – крестьяне.

Расскажу коротко об одном из Посконкиных, об Александре Романовиче, прообразе бессмертного «Василия Тёркина».

Родился Саша Посконкин 7 января 1919 года в селе Коптево Тамбовского уезда в семье крестьянина. Позже вместе с семьёй переехал в город Котовск. Здесь развивалось производство порохов в пороховых мастерских. Строить производство порохов под Тамбовом начали в 1914 году по Высочайшему Указу Императора Николая второго. Вокруг производства рос посёлок, в котором жили рабочие и инженеры. Рабочие – это выходцы из ближних деревень. Таковой была семья Саши Посконкина.

Учился Саша в школе, окончив начальные классы, работал сезонным рабочим в лесхозе. Затем школа ФЗУ, где освоил профессию слесаря. До призыва в армию работал слесарем на пороховом заводе.

Осенью 1939 года Сашу призвали в Военно-морской флот. Крепкий здоровьем, выносливый крестьянский парень, получивший рабочую закалку, проходил службу в составе специального отряда лыжников. А вскоре и грянула советско-финская кампания.

Александр Романович встретил войну в составе всё того же специального отряда лыжников Балтийского флота.

Из Кронштадта отряд совершил марш-бросок по льду и подошёл к форту Инно на побережье Финского залива.

Под населённым пунктом Мурила (один из опорных пунктов линии Маннергейма) лыжный отряд особого назначения Краснознамённого Балтийского флота принял боевое крещение – отряд встретил группу белофиннов, и завязался неравный бой. Александр Посконкин дрался до последнего патрона, даже в рукопашной схватке вышел победителем. Но ранен был командир отряда Морозов. Не оставил его Александр, а, взвалив на спину, по сорокаградусному морозу смог вынести из-под огня и уйти с раненым командиром на спине в расположение своего батальона.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 апреля 1940 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и героизм» краснофлотцу Посконкину Александру Романовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». И стал двадцатилетний паренёк родом из-под Тамбова одним из первых в стране Героев Советского Союза.

А вскоре не замедлила грянуть и Великая Отечественная война.

Перед самой войной поселок порохового завода «Красный боевик» был отнесён к разряду города. Населения в нём было около 20 тысяч человек. Но, как говорят, мал золотник да дорог. Всего в боях против фашистов участвовало 2698 котовцев, 2291 из них награждены орденами и медалями. 9 горожан удостоены высокого звания Героя Советского Союза: Посконкин А.Р., Комбаров Е.И., Конин М.Ф., Питерский Г.И., Любичев М.Д., Свистунов А.И., Малин А.П., Поляков М.П., Фёдоров Б.А.

Александр Романович воевал и на фронтах большой войны. Был ранен, контужен, награждён орденами, медалями. Демобилизовался из армии в 1956 году.

В Котовске Александр Романович был на виду. Высокий, статный, мягкий характером, спокойный, с приветливым открытым лицом, он сразу как-то располагал к себе. Чувствовалась в нём недюжинная сила и уверенность. А «Золотая Звезда героя» просто притягивала молодых к этому человеку.

И Александр Романович не отказывался от встреч с молодёжью. Был желанным гостем в школах, ремесленном училище, техникуме. Он

рассказывал о войне, о подвигах советских солдат так живо и интересно, что ребята, бывало, долго не отпускали его, задавая всё новые и новые вопросы, провожали героя после встречи гурьбой до самого дома.

Я работал в школе. Приглашал к ребятам Александра Романовича то на День Красной Армии, то на День Победы.

Как-то после такой встречи я вышел проводить Александра Романовича. Было это в начале мая, перед Днём Победы. Мы вышли в школьный двор, присели на скамеечке, разговорились.

Я в то время печатал свои стихи, рассказы в городской и областных газетах. Видимо, мои творческие начинания нравились Александру Романовичу. Он с удовольствием слушал меня, просил почитать то одно стихотворение, то другое. Были и другие встречи. Даже просто на улице. Городок-то не большой, мы все в нём на виду друг у друга. Однажды он вдруг начал рассказывать мне о том, как работал с Александром Трифоновичем Твардовским, когда поэт писал «Василия Тёркина».

Я, можно сказать, остолбенел. Спросил:

– А что же вы об этом не рассказываете ребятам?

– Ребятам? Школьникам? Будет ли это им интересно. Им расскажи да расскажи, как воевали, как подвиги совершали. А с Твардовским было так: вызывают меня в штаб (не уточнил я тогда, в какой штаб), говорят, что меня откомандировывают в распоряжение поэта Твардовского. Что, как, зачем – в штабе не знают. Побрился, форму погладил, оделся – и вот он, готов я.

Встретились мы с Александром Трифоновичем в гостинице. В номере две комнаты. В одной он, в другой – я...

«Живи, отдыхай, – сказал мне Александр Трифонович, – потребуешься, буду заходить к тебе».

И заходил. Посидим, поговорим о доме, о близких, о войне. Выпьем по маленькой. И он опять в свою комнату. Работал он там.

Четыре дня я жил рядом с Александром Трифоновичем. Проговорили с ним, ну, часа три или четыре. Не больше. А потом... Потом стихи стали появляться о Василии Тёркине. Там немного обо мне есть.

Разговор тот запал мне в душу. Я стал искать хоть какие-то материалы, подтверждающие рассказ Александра Романовича. И нашёл такие материалы, совсем недавно нашёл.

Почитаем, как об этом пишет сам Александр Трифонович.

«...А главное – мне были дороги люди, с которыми я успел повстречаться, познакомиться, поговорить на Карельском перешейке.

Шофёр Володя Артюх, кузнец-артиллерист Григорий Пулькин, танковый командир Василий Архипов, лётчик Михаил Трусов, боец береговой пехоты Александр Посконкин, военврач Марк Рабинович – все эти и многие другие люди, с которыми я подолгу беседовал, не были для меня мимолётным журналистским знакомством. О каждом из них я уже что-то написал – очерк, стихи, – и это само собой, в процессе той работы,

заставляло меня разбираться в своих свежих впечатлениях, то есть, так или иначе «усваивать» всё, связанное с этими людьми».

Про Великую Отечественную войну написано множество литературных художественных произведений. Одним из самых известных является поэма Александра Трифоновича Твардовского «Василий Тёркин». Василий Тёркин – образ собирательный, списанный со многих бойцов, в их числе и Александр Романович Посконкин.

Поэт навечно запечатлел подвиг героя в своей поэме (глава «О герое»):

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то – герой.

Сам собой, сказать, – мальчишка,
Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идёт меж нами,
И спроси я с первых слов:
– Вы откуда родом сами –
Не из наших ли краёв?

Смотрит он:
– А вы откуда? –
Отвечаю:
– Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:
– Ну, что вы,
Что вы, – вскинул головой, –
Я как раз из-под Тамбова, –
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне;

Что уж так они вовеки

Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та,
И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...

И куда ты, Васька Тёркин,
Лезешь сдуру в земляки!

«Я как раз из под Тамбова» – это и есть об Александре Романовиче Посконкине, земляке моём из-под Тамбова.

Видно судьба такая у Александра Романовича удачная: один из первых Героев Советского Союза, сам Твардовский списывал с него великого «Василия Теркина».

И на самом деле: посконь – крепкое волокно, добрые холсты. Сама Россия. Потому-то и люди в них вырастали крепкими да добрыми.

ГРИШИН МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ (род. в 1959 году)

Прозаик, журналист Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 02 ноября 1959 года в селе Саюкино Рассказовского района Тамбовской области. Окончил Саюкинскую среднюю школу, Тамбовский железнодорожный техникум.

В 1990-е годы Михаил Гришин занимался торговым бизнесом. Объездил почти все республики бывшего СССР. Был в исламских странах, на Мальдивах и Цейлоне, жил в буддистском монастыре.

Первая публикация Михаила Анатольевича появилась в рассказовской районной газете «Трудовая новь» в 1975 г. Позднее он печатался в областной и столичной периодике. В 2002 г. в Книжной лавке писателя А.М. Акулинина вышел сборник рассказов Михаила Гришина «Дождь, самогон и коробка конфет», вызвавший положительные отзывы в прессе. В Москве в издательстве «Эксмо» в серии «Русский бестселлер» в 2003 г. издана повесть «Вкус мести». В издательстве «Пальмира» готовится второе издание этой повести. В 2007 г. в Москве вышел роман «Паутина». Его последние книги экранизируются в Москве, на телевидении – на канале НТВ.

Накануне 50-летия в 2009 г. Михаил Гришин стал обладателем диплома за повесть «Старая прялка» в международном конкурсе детской книги имени Алексея Толстого. Михаил Анатольевич – лауреат областного литературного конкурса, посвящённого 65-тию образования Тамбовской области.

Сочинения:

Гришин М. Дождь, самогон и коробка конфет. – Тамбов, 2002.

Гришин М. Вкус мести. – Москва, 2003.

Гришин М. Паутина. – Тамбов, 2006.

Гришин М. Старая прялка, или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина. – Москва, 2010.

Гришин М. В гостях у Бабаси. – Тамбов, 2014 г.

Литература:

Дорожкина, В.Т. Гришин Михаил Анатольевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 71.

Жуков, М. Писатель и его герои // Тамб. жизнь. – 2003. – 22 марта.

Львова, А. Ловушка для двоих // Новая Тамбовщина. – 2007. – 15 авг. – С. 7.

Матюшина, М. Детектив в гламурных тонах // Тамб. жизнь. – 2008. – 8 февр. – С. 4.

Матюшина, М. Я почувствовал себя детским писателем / Маргарита Матюшина // Тамб. жизнь. – 2009. – 2 дек.

Москалик, В. Заказ собственного сердца // Наш голос. – 2004. – 4 нояб.

Прощание славянина

рассказ

Снится деду Никишке, будто вернулся он с войны, идёт по деревне, увлажнившимися глазами родные места ласкает; крытые соломой хаты, сиротливо глядевшие на улицу мертвенно черневшими окнами, запустевшие участки земли с чахлыми ростками хлеба, обильно смоченными вдовьими слезами. Кривые и страшные борозды вылегли словно морщины на лице старого человека. Оттого и больно деду Никишке, больно вот тут – под

левым соском, где на пыльной, вылинявшей от солёного пота гимнастёрке висит медаль «За отвагу».

А в ограде, провожая его глазами, молчаливо стоят бабы. Сопливые детишки испуганно жмутся к взрослым, цепко держась непромытыми ручонками за юбки и бросая исподлобные не по-детски серьёзные взгляды на чужака. Матери их, недоласканные, стосковавшиеся за войну по своим мужьям, низко кланяются ему в пояс по старинке, касаясь огрубевшими, скрюченными от непосильной работы пальцами матушки земли.

И дивно становится молодому Никишке от подобного внимания к себе – парень он собой невидный, ростом не вышел, да к тому же ещё и худой, в чём душа держится. (Он до сих пор волос седых нажил, а Никишкой так и остался).

Пряча растроганные глаза за кривой дрожащей улыбкой, он тянет из-за плеча трофейную гармошку, которую на память прихватил из самого города Берлина. Первые робкие звуки колыхнули мёртвую тишину пыльных улиц. Но вот голос гармошки в умелых руках окреп, взметнулся ввысь, и будто весь мир вокруг раздвинулся... Над деревней, над соломенными крышами покосившихся хат, над дворами, заросшими будыльями полыни и крапивы-старюки, величаво звучит бравурный марш «Прощание славянки». И нет уже будто самого Никишки, а есть простой русский солдат, совершивший великое дело... Широко шагая, он по-хозяйски ступает по своей земле. Не важно, что у него над голенищами стоптанных вчистую кирзовых сапог с густым слоем дорожной пыли не по росту великовато болтаются пухлые галифе.

Прижимая к сердцу гармошку, Никишка с каким-то ожесточением давил на клавиши, словно навсегда хотел отыграть за тех парней, которым более не ходить под горячим солнцем, не ступать босыми ногами по шелковистой траве, и не им будет надоедливо куковать кукушка, суля долгую счастливую жизнь.

Слёзы застилают ему глаза, колючий ком стрянет в горле. И вдруг прямо перед собой Никишка увидел мать. Простоволосая, с развивающимися на ветру седыми космами, она бежала навстречу. Безобразно разевая рот, голосила словно по мёртвому:

– Сы-ну-у-ушка!

В руках у Никишки на высокой ноте запнулась гармонь и, выроненная из ослабевших пальцев, издала протяжный щемящий звук.

– Мама! – крикнул он.

... В курятнике протрубил зарю петух, и дед Никишка проснулся. Уроненная во сне старческая слеза щекотала щёку. Он с хрипом вздохнул и, как бывало в детстве, попробовал обмануть сон – притворяясь, прикрыл обесцвеченные, высветленные годами глаза. Но сон не шёл. Последнее время с дедом творилось что-то такое, от чего на душе у него было неладно, больно, как тогда, в далёком сорок пятом. Одолеваемый бессонницей, он до

света ворочался, тяжело вздыхал, невидимо пялясь в темноту. Летом было ещё терпимо, а вот зимой...

В зимние длинные ночи, когда деревню сковывала голубеющая стужа, он накидывал старенький пропахший овчиной полушубок и в валенках на босу ногу выходил во двор. В стилом воздухе разливался мертвенный неживой свет луны. Отбрасывая косую изломистую тень, он долго и неподвижно стоял посреди двора – маленький одинокий победитель, несуразно выглядевший в своём допотопном тронутым молью полушубке. Под жуткий вой рыскавших за околицей волков и мысли его были нерадостны, тоскливы, впору самому на четвереньки встать и завывать по-волчьи.

«При Лёньке-орденоносце зажили было чуток, а он возьми и упокойся. А рази такая огромная страна без управы может? Откуда он, черт меченый, и взялся со своей перестройкой? Замутил водицу-то, ох, и замутил, чертяка. Страну как норовистого коня на дыбы поднял, аж удила зазвенели на весь белый свет. А сам-то наездником никудышным оказался, так и полетел с него кверху тормашками... Никчёмный человечиска оказался, бесполезный... По своей наивности думали, что Алконавт хоть путёвым окажется, усмирит вздыбившегося коняку, запряжёт в телегу, всех чинно рассадит, да и повезёт всем табором на праздник... на праздник жизни. Сдуру ему даже и подсобили... А оно вон как вышло... Этих самых пособников у него оказалось как... вшей в загашнике у нищего... Всей сучий сворой так и навалились ... А на дыбах рази устоишь долго? Вот коняка-то и скovyрнулся с копыт. А на лежу что ж... на лежу делай с ним, что хочешь... как...как с пьяной гулящей девкой... Хошь шпунай её сердешную, хошь измыляйся в своё удовольствие... И шпунали, и измылялись, кто во что горазд. Не постеснялись, ироды, раздели догола, аж срамоту теперь прикрыть нечем, так и лежит кверху пузом, манит нечистых на руку проходимцев, которым... которым аж миллиарды народные отваливаются. Спрашивается, за что ж воевали тогда, за что молодые ребята свои головы сложили? За что, спрашиваю?» – с надрывом вопрошал дед Никишка невидимого собеседника и плакал, вытирая рукавом слёзы. Обида, как все обиды, была горькой.

И лишь мороз, леденящий и без того медленно бегущую по жилам кровь, заставлял уходить со двора. Он возвращался на свою половину, ложился навзничь и отрешённо глядел в потолок, будто искал и не мог найти там ответа. Сквозь переплеты рамы в комнату точила голубой свет далёкая луна, делая похожим его на покойника: обтянутые кожей скулы, заострённый нос, пугающе ввалившиеся глазницы с залёгшими в них глубокими тенями.

Тяжко деду Никишке в такие минуты бывает, так тяжело, что впору руки на себя наложить; получалось так, что вся жизнь собаке под хвост пошла.

... Нынче же словно брызнули в его лицо живительной влагой; губы морщились в сдерживаемую улыбку, дрожали не плотно прикрытые веки. Хитрил старый, притворяясь спящим, потому как боялся расплескать

переполнявшую его радость. В первый раз за всё время после развала Советского Союза вспомнили и о нём.

Вчерашнее письмо с синим штампом районной администрации наделало в доме немало переполоху – дед Никишка распечатывал его с опаской, зная по своему многолетнему опыту, что ничего хорошего такие известия и в былые годы не приносили, а ныне и подавно – того гляди со своего двора попросят.

Подслеповато вглядываясь в казенную бумагу, долго по слогам читал, с трудом ворочая непослушными губами:

«Уважаемый Никита Афанасьевич, сообщаем о выделении Вам малолитражного автомобиля «Ока». Убедительная просьба явиться в районный Дом культуры для торжественного вручения Вам ключей от автомобиля».

Много перевидал он на своем веку официальных бумаг, они даже пахли иначе, строго и недоступно, но такой получать ещё не приходилось. Шамкая беззубым ртом, он ещё раз недоверчиво перечитал письмо. Предательски дрожавшие пальцы выдавали его душевную сумятицу. Он поднял напитавшиеся мутной влагой глаза и невидяще уставился вдаль, туда, где за выгоном сходились земля и небо.

Неотрывно глядя в одну точку, старик растроганно шептал сквозь перехватившее горло удушье:

– Не забыли... Не забыли... Вспомнили и о моих заслугах перед Родиной. Знать, не зря я проливал свою кровушку...

Его маленькая, высохшая от старости седая голова на тонкой морщинистой шее мелко подрагивала. Прыгали, не находя себе места, бесцветные губы. Сочные краски, некогда присутствовавшие в его лице, год от года блекли и вконец слиняли, сделав теперь лицо неживым, коричневым, будто вылепленным из суглинка.

Весь последующий вечер дед Никишка не расставался с письмом. Не один раз он надоедливо приставал к внуку:

– Слышь, Петяшка, ну-ка, прочти, как там прописано-то?

– Дед, ты уже со своим письмом заколебал, – сопротивлялся долговязый оболтус, собиравшийся по осени в армию. – Была бы тачка как тачка. «Бумер» или там, например, «Мерин», а то так себе... коробчонка... Ветром с дороги сдувает.

– Сам ты как... коробчонка, – обижался дед и ревностно отбирал письмо. Бережно прижимая белый листок чёрными заскорузлыми ладонями к груди, огорченный уходил, вполголоса ругаясь: – Мерина ему подавай. Ишь ты, деятель какой нашёлся.

Внук виновато оправдывался:

– А чего я такого сказал-то?

... Вылеживать далее не хватило терпения. Дед Никишка молодецки сиганул с постели и, осушив раненую ногу, болезненно сморщился. Переживая боль, на себя усмехнулся:

– Козел старый, а всё туда же.

Прихрамывая, в одном исподнем белье вышел во двор. Белесый туман пластался над лугом. С бузины, росшей возле сарая, капала обильная роса. Из леса глухо, словно по воде, доносился голос кукушки.

Глаза деда по-молодому загорелись. Украдкой оглянувшись, он спросил:

– Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить?

– Ку-ку! – охотно отозвалась кукушка.

Дед Никишка приложил к заволосатевшему уху ладонь, весь подался вперед.

– Раз, – начал он отсчёт своей жизни.

Но всё испортила сноха, вышедшая на порог с подойником. Глядя на маленького, худого, в исподней рубахе до колен свёкра, застывшего посреди двора в нелепой позе, сказала с досадой:

– Батя, и чего тебе не спится?

Застигнутый врасплох дед Никишка растерянно замигал оголёнными светлыми глазами. Потоптавшись на месте, будто сразу хотел перейти на рысь, соврал:

– До ветру выходил я...

– Простынешь ведь, зайди в дом.

– Небось! – отмахнулся дед Никишка, овладев собой после минутного смущения.

– Батя, ты сроду как маленький, – упрекнула сноха. – Ить, чисто дитя неразумное.

– Ну-но, – предостерег надтреснутым голосом дед Никишка.

Качая головой и вздыхая, сноха прошла мимо. В такт её неторопливым шагам с убаюкивающей мерностью скрипел подойник.

Провожая глазами покачивающуюся спину, дед Никишка в который раз подумал, мол, хорошая всё-таки у него сноха, работающая да желанная. А эк как выхолостила её жизнь. С тех пор как муж подался в Москву на заработки и второй год от него нет ни слуху, ни духу, заметно сдала она. Была баба справная, гладкая, что твоя кобылица, теперь от горя исхудала – в чём душа держится. А ходит – глядеть больно: некогда гордо посаженная голова понуро опущена, костистые плечи по-стариковски ссутулены, будто давит на них непосильная тяжесть, которую уже и сил нет нести далее и от которой нет никакой возможности избавиться. Так оно всё и есть: если бы не сноха, пропали бы совсем...

Дед Никишка подозрительно зашмыгал носом и, крикнув, опять нацелил морщинистое ухо в сторону леса. Но сколько не напрягал слух, больше так и не услышал он голоса равнодушной к его желаниям птицы.

– Улетела, – опечалился старый и долго затуманившимися глазами глядел в ту сторону.

И дождался бы, обязательно дождался, но тут совсем некстати протяжно скрипнула дверь коровника, и дед Никишка, поддерживая сползающие подштанники, резво затрусил к дому.

Внук спал навзничь, широко разбросав руки. Дед Никишка с минуту прислушивался к густому переливчатому храпу, затем позвал:

– Петяшка! Слышь, Петяшка! Вставать пора.

– Дед, – спросонок буркнул внук, – тебе чего?

– Нонче за машиной едем. Аль запамятовал?

– Рано еще.

– Самое пора.

– Рано.

– А я велю подыматься, – рассердился дед Никишка. – Ать-два!

Внук, разбитый крепким рассветным сном, с большой неохотой поднялся. Шурша босыми ступнями по половичку, долго просовывал ногу в брючину, сиплым со сна голосом отговариваясь:

– Тоже мне... желаннички нашлись... Даже поспать... перед армией... как следует не дадут.

Дед Никишка, уходя, только рукой махнул – мол, что спросить с оболтуса. На своей половине из сундучка он бережно выложил старую солдатскую форму: гимнастёрку, галифе, неумело зашитые в том месте, куда ударила пуля, пилотку, сапоги. Вот уже шестьдесят лет сохранявшееся по-старинке обмундирование безнадежно провоняло едким запахом нафталина – запахом, родней которого для старика не было. Он даже завещал похоронить себя в военной форме, которую надев становился опять похожим на того лопухого паренька с пожелтевшей фронтовой карточки, навечно приклеенной им изнутри крышки.

Смаргивая слезливую муть, дед Никишка рукавом потёр потускневшую медаль, вышел к внуку. Силясь выпятить иссохшую, вогнутую до самых позвонков грудь, поднёс прыгающую руку к пилотке.

– Гвардии... рядовой Фоломеев... – по-служивски доложил старый вояка, – готов для отправки за машиной.

Внук поглядел на деда сонными глазами, сказал, зевая:

– Дед, ты чего... вырядился, как этот самый... как какой-нибудь клоун... В район ведь едем... Соображать надо...

Дрожа от негодования, дед Никишка затопал ногами, выкрикнул фальцетом:

– Цыц, поганец! До слёз мне обидно слышать от тебя такое. Вырос... дуралей... а ума не вынес.

И сорвав голос, сухо закашлялся, вылупляя покрасневшие в прожилках глаза.

– Да ладно тебе, дед, чего ты? – забасил великовозрастный детина. – Пошутил я... Ну, правда же, пошутил...

Дед Никишка помял пальцами горло, мучительно ощеря розовую кайму съеденных десен, уронил:

– Э-эх, ты-и-и...

И такая боль была в его словах-стоне, что у внука аж мороз по коже – понял он: нет, не за себя обиделся дед, а за то более значимое, которое олицетворял он, нарядившись солдатом той страшной войны.

Внук неловко обнял мослаковатые плечи, крепко прижал к своей тугой мускулистой груди маленькое, высохшее в былинку тело, сказал любовно:

– Ты же герой у меня, дед!

... Мимо лесов, щетинившихся пахучими смолистыми соснами, мимо полей, некогда радовавших глаза золотистыми разливами хлебов, а теперь гнетущих своей запущенностью, где бурьян-старюка вымахал в человеческий рост. А всё оттого, что корни пиявками жадно присосались к живительным сокам страдальцы земли, оставшейся без хозяина, тянется пыльная дорога к железнодорожной станции, а от станции – прямиком к районному центру.

За долгую свою жизнь дед Никишка не одну «тыщу» вёрст намерил по ней. Было время – до света уходил и обыденкой возвращался, волоча усталые, натёртые до кровавых пузырей ноги. Трясся в телеге, запряжённой старой полуослепшей кобылёнкой, к колхозной работе уже не пригодной, а вот для таких поездок как бы ещё и годной. Да и то всё лучше, чем отправить её на живодёрню – жалко ведь безответную скотинку, так жалко, что сердце кровью обливается, глядя на неё сердешную. Так было, коли назад оглянуться.

Ныне опять довелось ехать по дороге деду Никишке, но теперь не абы как, а на своём автомобиле. Из него даже знакомые места гляделись по-иному; на обочине кучерявился придорожник, цвела белым пастушья сумка, а за мелкорослым самосевным подлеском не было видно заброшенных полей. И если бы не ветер, который приносил с той стороны горькие полынные запахи, напоминавшие о другом времени, можно было подумать, что там, как встарь, колышется налитый силой хлебный колос.

Дед Никишка, хмельной от радости и выпитой стопки, всю дорогу донимал внука рассказом о том, как его самолично поздравлял губернатор. Кровица, подогретая водкой, чуть румянила его сухие впалые щёки.

– Посадили нас за столы, а исть команды не дают. Вроде как ждут кое-кого. Тут за дверьми голоса... Вскорости входит кумпаня, а попереди всех мужчина собой тушистый... многокровный. И хуть все они при галстуках – сразу видно, что этот из них самый главный. Повёл он глазами этак по сторонам и, увидивши меня во фронтовом обличье, сразу ко мне подошёл... Хуть там и сидел один по офицерскому чину – полковник, всё же он безо всяких вниманиев попервости остался. Очень почтенно пожал мою руку и речь говорит; мол, вот такие простые солдаты, как этот... ветеран... И называет меня по имени-отчеству... – при этих словах дед Никишка приосанился, хотел даже расправить усы, но, вспомнив, что у него их нет, изменив движение руки, звучно высморкался и, смахнув содержимое за окно, продолжил: ... и выиграла войну. За что им великая слава и всенародная

любовь. И ещё всякие там почтенные и другие совестливые слова говорил... До-ол-го, говорил. А потом, руку мне пожавши очень крепко, отдал ключи. Затосковала тут у меня душа, засвербило в серёдке – вспомнились погибшие друзья-товарищи, которым не ходить боле по земле нашей развеселой... И тогда я ему от имени всех стариков, на войне воевавших, но пока живых и в могилу категорично не согласных и говорю:

– Мы от врага нашу страну и народ защитили. Это верно, это все мировые державы подтвердят. А теперь черёд за вами наступил, как вы есть власть... Прислониться нам, старикам, акромя своего государства, не к кому... Так уж вы будьте разлюбезны пригреть нашу старость...

– Пригреем! – твёрдо пообещал он и этак по-свойски приобнял меня и по спине слегка похлопал. – Пригреем! – вдругорядь пообещал.

– Вот таковские мы!

Запрокидывая голову, дед Никишка беззубо смеётся, вокруг глаз лучистые морщины, и внуку кажется, что дед будто десяток лет сбросил со своих плеч. Искося насмешливым глазом глядя на деда, он думает: «Как мало, оказывается, надо старикам – лишь бы помнили о них, не забывали заслуги. Их потешили, развели как лохов, они и рады».

За поворотом завиднелись первые дома в дымчатой зелени садов.

Дед Никишка смахнул выступившие от смеха слезинки, указывая зачерствелым пальцем перед собой, сказал:

– Ты, Петяшка, в свою улицу враз не заворачивай... Ты через «верхи»... через «верхи» проедь.

Внук деду всегда готов услужить: догадываясь об истинном желании деда, всё-таки не совсем уж без понятия, он придавливая газ и лихо несётся дальше. Возле дома бабки Федулихи дед приказывает остановиться. Сама Федулиха на огороде полит картошку. Её согбенная спина в чёрной кофте медленно двигается по борозде, так медленно, что у деда Никишки не хватает терпения дожидаться, когда она доползёт до этого края, и он кричит, надрываясь:

– Митривна-а! Митривна-а! Слышь, старая карга! Клуша глухая. Митривна-а, ну-ка, поди-и.

Федулиха с трудом разгибает затёкшую спину, долго из-под ладони вглядывается, наконец признает в нём своего и с сердцем отзывается:

– Аль это ты, Микитка?

– Я, кто же ещё.

– А раз ты, чего ж орёшь как оглашенный. Вот стоит, орёт и орёт. Поди я ещё не глухая.

Внук, уронив голову на баранку, хохочет, остановиться не может, сквозь всхлипы смеха едва проталкивает:

– Ну, приколы, никакого кина не надо.

Опираясь на тяпку, Федулиха ковыляет по огороду, тонет босыми ногами в податливой земле.

– Аль случилось что?

Улыбаясь глазами, дед Никишка с намёком говорит:

– Пока тебя дождёшься – случится.

– О-ох, старый греховник, – качает головой догадливая бабка Федулиха и, привычно щурясь, уж больно внимательно приглядывается к дедовой военной форме, так внимательно, что своим крючковатым носом почти касается медали, как будто принюхивается, не доверяя подслеповатым глазам. – Это по какому такому случаю ты вырядился как на парад?

Дед Никишка стоит, по-ухарски отставив ногу, с готовностью отвечает:

– Да вот машину мне губернатор подарил, – и, помолчав, считает нужным добавить: – За заслуги перед отечеством.

– Гля-а-ди-икось! – дивится нараспев Федулиха. – Знать, там... наверху-то... помнят о тебе.

– А-то нет! – торжествующе говорит дед Никишка и, считая разговор завершённым, спохватывается. – Некогда мне тут с тобой лясы точить. Поехал я...

– А чего приезжал-то?

Стоя в ограде, Федулиха с недоумением провожает глазами клубившуюся за машиной пыль, потом, пожав плечами, возвращается на огород. Но что-то тревожит её, какой-то червячок точит душу, и бабка Федулиха, оставив в недополотой борозде тяпку, на-сколько позволяет старость, чтобы не рассыпаться по дороге, спешит к соседке, которая только что вышла из дома и последние сплетни не слыхала.

– Нюрашка, слышь, Нюрашка! – ещё издалека голосит Федулиха. – Какой у нас случай приключился. Дед Никишка машину получил. Это как!

Нюрашка замирает посреди своего двора, всплескивает руками:

– Ай правда?!

Так с лёгкой руки соседок-пересудок неожиданная весть в считанные минуты разносится по деревне, нарушив привычный уклад крестьянской жизни. Словно разворошённый большой муравейник будет теперь перекипать жизнь сельчан, питаясь всяческими кривотолками и домыслами, пока через пару недель не улягутся страсти и деревня опять не войдёт в размеренный ритм пресной обыденности.

Маленькая юркая «Ока» тем временем подъезжает к магазину.

Деду Никишке, которого смолоду сроду недопросишься сходить в сельмаг и которого последний раз здесь видели не менее как двадцать лет назад, сегодня вдруг загорелось непременно в нём побывать. Он с важным видом ступает на порог и ненадолго пропадает за дверью, а когда опять появляется, следом за ним прут в распахнутую дверь любопытные покупатели. Даже разнаряженная в прах продавщица, снискавшая на деревне славу женщины, прошедшей огонь, воду и медные трубы, не устояла перед простой человеческой слабостью – прилипла изнутри к окну, сплюснув нос о стекло.

Но и этого куража деду показалось недостаточно, и они с внуком ещё битых полдня колесили по деревне, распугивая кур и сигналивая знакомым. Высунув голову, дед Никишка улыбался, сузив от ветра глаза.

К дому подъехали, когда село солнце, прогнали стадо и белёная пыль, поднятая копытами, улеглась на придорожной траве.

Вечер мазался лиловыми сумерками. В лугах скрипел коростель. На пруду отчаянно кричали лягушки. В лесу монотонно, словно заводная, куковала кукушка. А в кустах цветущей сирени щёлкал соловей. В сарае упруго вызванивали о подойник струйки парного молока, и голос снохи ласково уговаривал: «Стой, Зорька, стой, миленькая». От привычных для деревенского слуха звуков дед Никишка почему-то особенно сегодня испытывает удивительное наслаждение.

– Слышь, Петяшка, – говорит он дрогнувшим голосом, – принеси мою гармонь.

Внук, который не припомнит, когда дед последний раз брал в руки гармонь, посмеиваясь, приносит.

– Дед, ну, ты сегодня во-о-оше... в ударе.

Дед Никишка присаживается на пороге, долго умачивает на острых коленях гармонь, перебирает лады. Но с годами руки не так уже послушны, и не так проворны пальцы, оттого и голос гармошки не взметнулся, как бывало, ввысь, а поднимается плавно, словно белый дым в тихую погоду, и будто сама природа замирает, прислушиваясь. Над российскими просторами величаво плывёт щемящий душу марш «Прощание славянки». И нет уже как бы самого деда Никишки, а есть простой русский мужик поилец-кормилец земли русской...

Избоченив седую голову, слушает дед Никишка звуки, которые выходят из-под его зачерствелых пальцев, и мутные слёзы капают на весёлые расписные меха.

Привалившись к двери, застыла сноха, забыто держа подойник. Муки выпавших на её долю страданий тенями пробегают по лицу.

У ограды собрались вездесущие соседки. Ровесница деда Никишки бабка Матрёна, скорбно приложив уголок несвежего платка к глазам, говорит, дрожа губами:

– Помню, от так он, сердешный, играл, когда с войны возвратился.

А наутро случилось самое страшное, что может случиться в жизни человека.

Намаявшись за день, дед Никишка впервые за последний десяток лет уснул спокойным безмятежным сном. Потому как во сне он чуть приметно улыбался и по-детски причмокивал непослушными губами, из уголка которых по подбородку стекала клейкая тёплая слюна; снилось деду Никишке что-то доброе, что ещё хранила его одряхлевшая память.

Звонкая до этого тишина сразу пришла в движение, когда в дедову половину несмело боком вошёл внук. Потоптавшись у кровати, он срывающимся голосом сказал, тревожа чуткий старческий сон:

– Дед, ты только не волнуйся... Дед... а дед... не волнуйся...

На коричневых обшлюнявленных губах деда медленно линяла улыбка. Чувствуя, как на него надвигается что-то ужасное, дед Никишка с трудом поднялся и, дрожа маленьким щуплым тельцем, вышел из дома.

Внук шёл сзади и как заклинание всё повторял:

– Дед, ты только не волнуйся. Дед, ты только не волнуйся...

На улице занимался голубой рассвет. Перед крыльцом, уныло скособочившись на одну сторону, сиротливо стояла разбитая машина.

Держась за резные балясины, дед Никишка ступил на скрипучие половицы и, чувствуя, что не в силах идти, тяжело опустился на порог. Страшно кривя лицо, он розовыми деснами кусал зачерствелые губы, бледнея всё больше и больше.

– Дед, да ладно тебе, – мучительно улыбаясь, уговаривал внук. – Это же машина, железяка. Через пару лет другую дадут. Дед, плюнь ты на неё... Дед... Я не специально...

Дед Никишка поглядел на внука невидящим взглядом, хотел что-то сказать, но вдруг покачнулся и медленно завалился набок, разрывая ворот исподней рубахи. Ужасный хрип вырвался из его горла, и голова на тонкой морщинистой шее безвольно свесилась на сторону.

– Деда, ты чего? – не своим голосом заорал внук, немилосердно тряся худенькие плечи. – Де-е-еда-а!

Но дед Никишка его уже не слышал. С развевающимся седым пушком на голове, в белых портах он вольготно ступал босыми ногами по ромашковому тёплому лугу туда, где в колышущем мареве молча стояла группа безусых парней – солдат Великой Отечественной войны. Они ждали его.

ЗОТОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1953-2014)

Прозаик. Член Союза писателей России.

Родился 23 февраля 1953 года в Тамбове. Окончил Тамбовское культурно-просветительное училище, Ленинградское военное училище внутренних войск Министерства внутренних дел и Тамбовский филиал Московского государственного института культуры.

С 1971 г. Александр Зотов служил в армии. Службу окончил спустя 26 лет и вышел на пенсию в звании майора запаса.

Армейская жизнь стала главной темой его прозы. Первая публикация Александра Зотова появилась в 1992 г. Повести и рассказы публиковались в газетах «Тамбовская жизнь», «Доверие», «Молодёжная», «Наедине», «Литературный премьер-клуб», на страницах «Рассказ-газеты» в 1992, 2000, 2001 гг., в «Тамбовском альманахе» № 7 в 2009 г. Скончался писатель 13 ноября 2014 года.

Сочинения:

Зотов А. Белое танго. – Тамбов, 1993.

Зотов А. Мы увидим рассвет. – Тамбов, 1998.

Зотов А. О людях в погонах. – Тамбов, 2003.

Зотов А. Просто о жизни. – Тамбов, 2004.

Зотов А. Батальон-2. Офицеры. – Тамбов, 2004.

Зотов А. Роскошь. – Тамбов, 2006.

Зотов А. О людях в погонах. – Тамбов, 2014.

Сонет о Родине *рассказ*

1

К командиру, в землянку, ввели небольшого грузного человека, а правильной – человечка, с мелкой душой под добротной рубахой, который ещё вчера был слугой у немецких фашистов и над которым давно уж навис меч возмездия.

– Пожалейте, ребята!.. – забегав глазками, быстро заговорил он, в надежде найти хоть маленькое, да снисхождение среди мрачных людей, окружавших его.

– Пожалеть? – Андрей Завьялов, командир партизанского отряда, медленно встал. – А ты жалел людей?.. Страну, истекавшую кровью – жалел?.. Такие как ты находились всегда, найдутся завтра и через десятки лет, но издавна, от отцов и дедов наших повелось: дорога указана вам всем одна – к стенке!

2

Если Марина, медсестра «Завьяловского» отряда узнала б сейчас, что местного старосту взяли и что сейчас он находится в их партизанском отряде, она бы сказала: «Сколько ж людей он загубил? Но теперь всё, больше никого не предаст!». Но пока Марина не знала об этом. На миг, забыв обо всём на

свете, смуглянка купалась в чистой реке, меж лилий и кувшинок, надеясь на то, что кустарник да сосны прикроют её.

Нырнув напоследок, вышла на берег... Большая коса, красивая грудь... Ей впору б, конечно, детишек рожать. На её красоту б мужчине смотреть. А тут с издёвкой смотрела война, примеряясь ударить сильнее и больней.

* * *

Зашумела листва. Рядом – окоп, поляна, цветы. У ограждения парень, ловкий и бойкий. Парень – связной. Улыбнулся шутливо:

– Вот ты где!.. Командир вызывает.

– Он у себя?..

Ускорив шаг, спустилась в землянку. Командир посмотрел и, как брат, ей радушно:

– Пришла? Ну, и славно. Без тебя нам – никак!..

Дивчине по нраву был русский и статный, простой и серьёзный офицер, чьи раны недавно она залечила и который, спокойный всегда, мог держать в отряде железную дисциплину. Сколько раз ей хотелось прильнуть к капитану – откровенно, трепетно, страстно! Но не раз подмечала она, с какой любовью смотрел он на фото, фото жены, и сознавала, что сделать это, увы, невозможно. Православный, честнейший – он безумно любил семью и Отчизну.

– Утром сегодня, – продолжал он с заботой, – наш боец малу девочку встретил. В лесу. У опушки... Олесей зовут. Лет пять ей, не больше. Ослабла малышка. И, наверно, простыла.

– А мать?.. Что с родными?

– Отец на фронте. Мать расстреляли... Старосты рук дело.

– Сколько ж людей он загубил?

Марина умолкла, а Завьялов добавил:

– Теперь не предаст. В ночь наши взяли его.

– А Олеся...

– С Глыбой Семёном. До кухни пошли, потом до тебя... Ты её посмотри. И пусть пока у тебя она будет. Какие вопросы, сразу ко мне.

– Хорошо. Мне можно идти?

* * *

Семён Глыба, боец в годах, с фамилией схожий, а с ним и Олеся, сидели на пне, пригретые солнцем. Увидев Марину, Семён восторженно...

– Заждались?

Марина присела, жалость окутала сердце: «И тебя коснулась война»...

– Скажи, что болит? – Марина прижала малышку к себе. – Здесь?.. Здесь?.. Сейчас посмотрю. Попроваю косички. Чаю налью...

С месяц, а может, и больше согревала Марина малышку собой, искала ей травы и землянику, приносила цветы, тогда как тайком недалеко по

вечерам по ней тосковала двухрядка-гармонь разведчика отряда Димы Фролова – храбреца в бою, но несмелого в любви. В отряде мало кто знал, что Дмитрий прекрасно играет на скрипке, пишет стихи, а после войны мечтает учиться и написать много светлых и нежных сонетов.

3

– Становись! Равняйся! Смирно!

Однажды утром, обойдя лагерь, командир объявил «сбор», сказал речь, и всё закружилось, пришло в движение. Поняв задачу, отряд вышел из леса и быстро пошёл навстречу армейцам. Сквозь вражий заслон пробивались по лугу. Кто-то падал в ромашки. Ранен легко – Марина бинтует, тяжело – тянет к лощине.

– Потерпи, потерпи, – просит она.

Повсюду свинец. Но, точно стыдясь, пули обходят Марину. Автомат, пулемёт – ей нипочём!.. Только осколок не пощадил. Ударил пониже груди.

– Медсестра!.. Ранена!.. Тяжело! – доложил Андрею связной. – В крайнем доме! Вон в том! Туда отнесли!

Андрей вошёл в дом. Марина лежала, откинув косу. Рядом – старушка. Увидев Андрея, Марина привстала. Андрей поспешил:

– Лежи, ты... Лежи.

– Видишь, как, – простонала Марина. – И надо ж такому, когда... есть Олеся... Не говори ей. Не говори... Дай руку... Хороший ты парень, Андрей... Если б не война и если б... – она улыбнулась и смолкла, уже не моргая. Андрей ладонью закрыл ей глаза, поцеловал в лоб и медленно вышел.

* * *

А вечером, в затишье, Олеся скажет оберегавшему её дяде Семёну:

– Опять не пришла к нам Марина. Тепло с ней. И ягод мне обещала...

4

Соединившись с воинской частью, но пока отдельным подразделением отряд вступил в долгожданную схватку. Шаг за шагом, пядь за пядью – вперёд! Вперёд!.. С трудом, тяжело, будто вброд по воде... У посёлка Кудрявки бойцы залегли. Свинец лютовал и подкашивал траву. И тогда по связи услышал Андрей командира полка. Израненный крепко, он тихо сказал:

– Дзоты на взгорке. Действуй, сынок.

И пять человек устремились на взгорок. Правей – поэт, музыкант и разведчик лихой Дима Фролов. Пули едва не касались спины. Чтобы легче было ползти, он представил себе далекую сцену, на ней исполнял сочинение Верди. «Форте»! «Пиано»!.. Взвизгнула скрипка! Метнулась граната! Взрыв! Опять! Дзот умолк! Рядом – тоже! В цепи голоса:

– Вот это «Гармонь»!

– Вот это братва!

Бойцы поднялись. Сладко пахнул ветерок луговой. И вновь слова командира полка:

– Спасибо, герои! Спасибо, сынки!

И прежде чем потерять сознание, полковник увидел, как полк его снова пошёл в наступление. Ещё решительнее и быстрее. И вместе со всеми шёл в праведный бой Дима Фролов. Он мстил за Марину, за детство Олеси. Он мстил за Землю и в вихре атаки услышал сонет, сонет о Родине, свой, новый сонет, который сам собою, слово за словом, в сознание слагался в яркие строки! Он слышал скрипку и слова капитана:

– Вперёд, только вперёд!

5

А на другой день, в затишье, обняв Олесю, молодая сельчанка в морщинках не по годам скажет Андрею:

– Оставь нам дивчину.

Андрей, поразмыслив, взглянул на сельчанку, затем на детишек, троих, рядом с ней, уважительно спросил:

– Все ваши?

– Теперь все мои.

Подошёл старик:

– Оставляй, оставляй.

– Мой отец, – поясняет сельчанка.

– Тяжело будет вам.

– А кому сейчас просто?

– И снова вы правы... Здравия вам.

– И тебе, дорогой.

– Но я приду... Я приду к вам! – уже от плетня крикнул Андрей. – Я... приду!

А впереди были долгие, длинные вёрсты войны, с разницей в том, что кто-то пройдёт вёрсты все и увидит Победу, а кто-то и не дойдёт. Но кто думал об этом? Главным было – спасти страну, спасти народы.

КОРОЛЁВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА (род. в 1941 году)

Прозаик, поэт. Член союза писателей России.

Родилась 21 мая 1941 года в Свердловске. В 1942 году переехала на Тамбовщину. Здесь окончила школу, поступила в Тамбовский кооперативный техникум, а после его окончания работала Тамбове и училась заочно в Московском институте Центросоюза. Долгое время Зинаида Королёва проработала на заводе «Электроприбор». В 38 лет она ушла на пенсию по состоянию здоровья, но ещё шесть лет проработала в пионерском лагере.

На протяжении пяти лет Зинаида Королёва занималась в Литературном объединении «Радуга» под руководством поэта Семёна Милосердова. Первый рассказ её был опубликован в 1987 году в заводской газете. В настоящее время живёт и работает в Тамбове.

Сочинения:

- Королёва З. Пожелайте мне удачи. – Тамбов, 2000.
Королёва З. Всё будет хорошо. – Тамбов, 2000.
Королёва З. Ох, полынь-трава. – Тамбов, 2001.
Королёва З. Чёрный паук. – Тамбов, 2001.
Королёва З. Иван-озеро. – Тамбов, 2001.
Королёва З. Ожидание. – Тамбов, 2001.
Королёва З. Детские стихи. – Тамбов, 2002.
Королёва З. Дважды в реку не войти. – Тамбов, 2002.
Королёва З. Возрождение души. – Тамбов, 2003.
Королёва З. А годы бегут: Стихи. – Тамбов, 2003
Королёва З. Не очернить святое. – Тамбов, 2004.
Королёва З. Рядовые войны великой. – Тамбов, 2005.
Королёва З. Избранное. – Тамбов, 2006.
Королёва З. Своё солнышко найти. – Тамбов, 2008.
Королёва З. Мы помним! Мы гордимся! – Тамбов, 2010
Королёва З. Верь и надейся. – Тамбов, 2011.
Королёва З. Чудо сотвори: Стихи. – Тамбов, 2013
Королёва З. Мой кораблик мечты. – ИСП. Новокузнецк, 2014
Королёва З. Вслед за мечтой. Детские стихи. – ИСП Новокузнецк, 2014
Королёва З. Судьбы сплетая нить. – Канада, 2014
Королёва З. За своей судьбой. – Канада, 2015
Королёва З. Туесок от лисоньки: Детская проза. – ИСП. Новокузнецк, 2015
Королёва З. Путь жизни продолжая: ИСП. – Новокузнецк, 2015

Литература:

- Дорожкина, В.Т. Королёва Зинаида Алексеевна / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 90.
Матюшина, М. «Рядовые войны великой» / Маргарита Матюшина // Тамб. жизнь. – 2006. – 24 марта; То же // Тамб. курьер. – 2006. – 6 февр.
Овсянников, И. Золотое перо «Надежды» // Тамб. жизнь. – 2001. – 3 марта.
Сокрута, Л. Плету судьбы своей простой узор... // Тамб. жизнь. – 2004. – 3 нояб.

От Амура до Австрии

очерк

В десятилетнем возрасте я впервые увидела Лещёва Анатолия Алексеевича, мужа моей двоюродной сестры. Они приехали в отпуск. А в это время наш дедушка искал смелого и толкового мужчину, чтобы покрасить крышу. Анатолий узнал об этом и пришёл к дедушке.

– Иван Федотович, а в чём проблема?

– Да высоко же, боятся лезть, ответственное это дело. Я когда молодым был, то сам всё делал. Но всё равно без помощника не обойдёшься.

– Так в чём же дело? Я ещё имею силёнки, руки, ноги целы, да и мозги в нормальную сторону крутятся. Так что командуйте, и мы вместе возьмём эту «высотку».

Несколько дней они занимались крышей: варили олифу из растительного масла, готовили верёвки, сплетённые самолично дедушкой. И когда крыша была окрашена, и Анатолий ушёл домой, дедушка обошёл дом вокруг, любуясь блестящей краской, а затем гордо произнёс:

– Вот что значит – Герой! Ему любое дело не страшно. Да как сделал-то! Не зря ему дали «Героя».

– Дедушка, а какой он герой? – полюбопытствовала я.

– Как это – какой? Самый главный – Герой Советского Союза! Это звание за большие заслуги дают. Да оно и в самом деле: взять город-крепость Измаил – большая отвага нужна.

С годами забылся этот эпизод, но сейчас, накануне 70-летия Великой Победы, когда Анатолия Алексеевича Лещёва уже нет в живых, мне захотелось больше узнать о его боевом пути. Крупицы собранного материала помогли нарисовать его портрет.

В далёкой Амурской области в селе Коршуновка родился и вырос застенчивый русоволосый паренёк. После окончания школы начал работать учеником машиниста на катере от рыбозавода «Озерпах». Он мечтал поступить в судомеханический техникум, готовился к вступительным экзаменам. А перед этим предстояли экзамены на курсах, где должен был получить диплом машиниста катера. Катера для Анатолия были не в диковинку, он с самого рождения видел их, бороздящих волны седого Амура-батюшки. Но научиться управлять сложным хозяйством машинного отделения – задача не из лёгких. А если не на катере, а на большом пароходе? Для этого надо обязательно закончить техникум. И он решает: во что бы то ни стало поступить туда. Но его мечту перечеркнула начавшаяся война.

Анатолий сразу же пошёл в военкомат, но его только в октябре записали в Сибирский запасной полк, где началась напряжённая учёба по изучению стрелкового оружия. После окончания курсов он в июне 1942 года отправляется на фронт бойцом-пулемётчиком 5-го батальона 284-й стрелковой дивизии. Впервые в своей жизни он уехал из дома и так далеко, в страшную неизвестность. За окном мелькали вековые деревья заснеженной

тайги, священный Байкал, величественные горы Урала. В сердце Анатолия росла гордость за красоту необъятной своей Родины. И в то же время возрастала тревога: «А вдруг враг дойдёт до этих мест? Да нет, не бывает этому! Поскорее бы доехать до фронта и вступить в бой с ненавистными фашистами. А то пока доедем, и война кончится». Но напрасно переживал паренёк, что не придётся ему повоевать: в то время наши войска отступали по всему фронту, а фашистская армия стояла под Москвой, враг рвался к Волге. Перед дивизией сибиряков была поставлена задача: остановить врага в излучине Дона и упорными боями измотать его, чтобы подготовить плацдарм для перехода в наступление.

Всего девятнадцать лет было Анатолию, когда он принял первый бой возле хутора Починки, который врезался в память накрепко:

– Только прикрою глаза, – вспоминал он, – как уже вижу на бруствере окопа свой ручной пулемёт. Я до рези смотрел на цепи гитлеровцев, идущих по степи в полный рост, держа перед собой автоматы. По окопам прокатился голос ротного: «Без команды не стрелять! Пусть подойдут поближе и тогда запомнят сибиряков надолго!». И почти следом же прозвучало: «По фашистам – огонь!».

Анатолий нажал на спусковой крючок и увидел, как рассыпалась стройная вражеская цепь, и как фрицы заметались по степи. Его пулемёт всё строчил и строчил, поворачиваясь из стороны в сторону, укладывая фашистов на землю. Враг не выдержал такого шквального огня и стал отступать. На какие-то минуты воцарилась тишина, но снова на высотку обрушился град массированного миномётного огня. Таких атак враг предпринял четыре. После огненных смерчей от разрывов мин и снарядов, длившихся по четверти часа и более, стрелковая рота несёт большие потери и вынуждена отойти. Лещёв вместе с командиром роты сержантом Афониним прикрывает отход роты. И по единственной оставшейся огневой точке гитлеровцы, обозлённые большими потерями, открыли массированный артиллерийский и миномётный огонь. Но хорошо оборудованный окоп оказался надёжной защитой. И только когда последний солдат покидает траншею, Анатолий с пулемётом на плече отступил вслед за ротой. Но внезапная боль в спине согнула его, огненные круги поплыли перед глазами. Так в первом же бою он получил первое ранение, а за мужество и самоотверженность затем был награждён первой боевой наградой – медалью «За боевые заслуги».

Подлечившись после ранения в госпитале, Лещёв был направлен в артиллерийский батальон запасного полка, расквартированного в Саратовской области. Природное усердие, острый намётанный глаз помогли ему освоить премудрости артиллерийского дела. В середине декабря 1-ая мотомехбригада противотанкового дивизиона была направлена на Юго-Западный фронт в район Среднего Дона. На девятый день наступления достигла района Морозовской и создала угрозу Котельнической вражеской группировке. Отступающие фашисты часто переходили в контратаки. И

Лещёву в качестве наводчика противотанковой пушки в составе расчёта орудия пришлось выдержать тяжелейший бой вблизи станции Скосырской. Он вспоминал:

– Нашей батарее в составе противотанкового дивизиона была поставлена задача – уничтожить вражеские танки, перешедшие в контратаку. Лютый мороз стоял. За ночь еле успели выдолбить укрытия для пушек – земля как камень. Долбили ломами, ладони в кровь обдирали, а от гимнастёрок пар валил. Окопались, легли спать. Мы с Васей Косенковым остались часовыми на позиции. На морозном воздухе еле заметный звук усиливался и поэтому пулемётную очередь, а затем глухой гул моторов сразу слышали...

Вышедший из землянки командир орудия сержант Каракулов приказал Лещёву будить бойцов – коротким оказался солдатский сон. Показались три танка: один, стреляя на ходу, мчался на расчёт Лещёва. Анатолий навёл перекрестие на борт танка и нажал на спусковой крючок. Машина остановилась. Он ещё раз выстрелил по борту танка и тот, вздрогнув, задымился – первый подбитый им танк горел! Два других танка повернули назад. Этой ночью так и не удалось вздремнуть: немцы открыли сокрушительный огонь из орудий, миномётов, пулемётов. А едва рассвело, как начался новый обстрел, продолжавшийся минут 10-15, и сразу же показались девять танков в окружении автоматчиков.

Два танка на большой скорости приближались ко второму взводу, стреляя на ходу. Один снаряд разорвался рядом с бруствером – замкового Косенкова отбросило в сторону. Не видя ничего в дыму, Анатолий нашёл ошупью прицел, навёл перекрестие на борт и нажал на спуск. Промох!.. После второго выстрела у танка слетела гусеница, и он встал как вкопанный. А после третьего снаряда на заснеженном поле запылал ещё один чёрно-оранжевый костёр. Но следом надвигался ещё один танк – выпущенный им снаряд угодил по брустверу и оглушил Зарубина. Закрыв ладонями уши, тот опустил на станину орудия.

Каракулов схватил снаряд и метнулся к казённику, дослал его в ствол. Анатолий прицелился и нажал на спуск: танк вначале крутнулся на месте, а от второго снаряда загорелся. Остальные танки, встретив меткие выстрелы других орудий батареи, повернули назад.

На другой день всё повторилось, только прибавились атаки вражеской пехоты. Снаряды заканчивались и за ними послали Власенко, но, так и не дождавшись его, вслед за ним пошёл Косенков, однако оба они так и не вернулись к орудию. Артиллеристы стреляли экономно, но вот и последний снаряд был выпущен по движущейся серой фашистской цепи. Орудийный огонь противника усиливался и в один момент страшной силы взрыв потряс землю, изуродовав ствол пушки. На дно окопа упал раненый сержант Каракулов. Его перевязали. А к батарее приближались десятка полтора фашистских автоматчиков. Анатолий схватил свой автомат, прилёг на бруствер и короткими очередями стал уничтожать врага. Рядом с ним

пристроился Зарубин с автоматом. В этот момент Лещёва ранило в руку, но он одной правой перезарядил пустой диск и продолжал стрелять. Уже было слышно, как немцы кричали: «Рус капут!». Рядом разорвался снаряд, Анатолия отбросило в сторону, и он потерял сознание. Когда очнулся, то увидел над собой лицо капитана Галеева.

– Ну, что, живой? – комбат с тревогой смотрел на него.

– Живой. А где немцы? – Анатолий с трудом встал.

– Отбили.

– А что с Власенко и Косенковым? – Анатолий смотрел по сторонам, ища друзей.

Комбат отвёл взгляд в сторону, хмуро произнёс:

– Давай быстро отправляйся в санроту.

Проходя по тропинке, Анатолий увидел возле разбитой повозки тела наших убитых солдат, собранных в одно место для захоронения. Он сразу узнал среди них Василия Косенкова и своего друга Павла Власенко.

После госпиталя, где Анатолий пролежал целых семь недель, он на попутных грузовиках догонял свою часть. Вокруг дороги – превращённые в руины хутора и сёла, искорёженная техника на полях. И ещё сильнее крепло желание быстрее громить врага. В новом расчёте Анатолию больше всех по душе пришелся заряжающий Степан Куклин с Тамбовщины. В батарее его звали чеботарём за то, что он чеботарил – чинил обувь солдатам. И также крепко сдружился Анатолий с подносчиком снарядов Павлом Шеховцевым, оказавшимся его ровесником, да к тому же ещё и земляком.

И уже наводчиком 76-миллиметрового орудия 5-ой гвардейской Краматорской ордена Суворова и Кутузова бригады он в районе Красного Лимана принимает участие в боях с мотопехотной дивизией противника из группы армии «Юг». И вновь Анатолий вспоминает:

– Особенно запомнился бой под селом Черкасское, где на опушке леса было обнаружено скопление фашистов численностью до двух батальонов и десятков танков. На окраине деревни мы заняли огневые позиции, замаскировали орудия снопами со скошенного поля. До рассвета успели отрыть окопы, погребки под снаряды. На рассвете со стороны немцев начался артобстрел. Снаряды рвались рядом с бруствером и за ним. Вокруг звучал оглушительный вой и, казалось, что это будет бесконечно. И даже когда пальба затихла, в ушах стоял тягучий звон. Но следом уже слышался гул приближавшихся танков. Их было девять, а за ними шли автоматчики. Орудие сержанта Люсина открыло огонь. Снаряд пролетает выше, следующий попадает в лоб машине, но не поражает её. И только после третьего выстрела танк замер на месте и загорелся. От следующего выстрела загорелся ещё один. И тут я увидел, как один танк приближается к соседнему первому взводу, которым командовал лейтенант Абрамов. Танк с ходу поднялся на бруствер, а ещё через мгновение сполз на орудие вместе с расчётом и проутюжил их. Сержант Люсин приказал развернуть пушку. Весь расчёт навалился на станины, яростно крутил колёса. Лихорадочно найдя в

перекрестие боковую броню повернувшего в нашу сторону «Тигра», я нажал на спуск. Танк остановился, пламя охватило его корпус и перекинулось на маскировочные снопы рядом с пушкой Люсина. Заряжающий Куклин попытался открыть затвор пушки, но всё было тщетно – заклинило. Сквозь дымовую завесу я заметил новый танк, движущийся к нашему умолкшему орудью. Молниеносно соображаю, что остановить его можно только противотанковой гранатой – выхватываю её из погребка и ползу навстречу танку. Когда до него оставались не более десяти метров, я приподнялся и бросил гранату под гусеницу. Тяжёлый взрыв потряс землю и оглушил. Несколько секунд я не шевелился, а затем посмотрел на танк – тот стоял с перебитой гусеницей. Я пополз назад к своему окопу. Во всём теле чувствовалась нервная дрожь. Оставалось доползти совсем немного, когда с пронзительным свистом что-то обрушилось рядом, взрывная волна отбросила в сторону и ударила обо что-то твёрдое и жесткое. Я потерял сознание. В санроте узнал, что третья батарея не пропустила ни одного танка...

За этот бой Лещёву был вручён орден Красной Звезды.

Вернувшись через неделю в батарею, он был тепло встречен друзьями. Вскоре его приняли в кандидаты партии, а ещё через месяц ему присвоили звание младшего сержанта и назначили командиром орудия. На его плечи лёг груз ответственности не только за себя, но и за весь расчёт. Павел Шеховцев занял его место наводчика.

Памятными были бои на Никопольском плацдарме, которые длились почти три месяца. В бригаде было мало танков, не хватало боеприпасов для артиллерии. Непрерывные дожди со снегом сделали дороги непроходимыми. Буксовали даже тракторы и тягачи. Танки зарывались в грязь по башню. И всё же первого февраля 1944 года началось общее наступление наших войск. Пушки и тяжёлые миномёты артиллеристы тащили на себе. С помощью местного населения переносили на руках снаряды и патроны за десятки километров. Раненые доставлялись в медпункты упряжками собак или на носилках на расстоянии 6-7 километров. Но каждый понимал, что с взятием Никополя наступление советских войск будет неудержимым.

Рано утром началась мощная артподготовка – по вражеским позициям одновременно били сотни орудий разного калибра. Вся степь наполнилась чудовищным громом, словно вырвавшимся из глубины земли. Орудия накалялись до такой степени, что прикоснуться к ним было невозможно, от пороха чернели лица бойцов, от пороховых газов они теряли сознание. Вечером комбату сообщили, что линия обороны немцев на участке в районе села Червоно-Григоровка прорвана. Батарея было приказано переместиться на новую позицию, так как по данным разведки в хуторе Степном пятнадцать танков вместе с пехотой готовятся к бою. Батарея Орехова, заняла позицию в кустарнике вдоль шоссе на дороге. Анатолий Алексеевич вспоминал:

– В том году малоснежная слякотная зима незаметно перешла в необычайно раннюю весну: в конце января – начале февраля под Никополем

растаял снег, кругом чернела обнажённая земля. А местность там была холмистая, с редкими курганами, на которых с северной стороны сохранились островки снега. Я собрал свой расчёт, указал на курган с чёрным камнем на вершине: «Вот между этим курганом и холмиком справа мы должны остановить все танки, чтобы они не помешали переправе нашей бригады...».

Скоро возник низкий ноющий гул, будто из-под земли шедший. И тут же у пологой сопки показались чёрные приземистые танки. Рядом бежали автоматчики. Лещёв посмотрел на своих бойцов: лица их были сосредоточенны, напряжены. Он знал, что не в первый раз им приходится встречаться с этими чудищами, и что они не дрогнут в бою. И только новенький подносчик снарядов Бесхлебнов сильно побледнел и смотрел на приближающиеся танки испуганными глазами. Анатолий подбодрил его:

– Не дрейфь, Виктор, будь спокойнее. Сейчас мы их встретим по гвардейски, с «перчиком».

В это время одна машина поднялась на бугор, и из ствола её пушки вырвалось жёлтое пламя. Но снаряд не долетел до них метров пятнадцать, подняв фонтан грязи. Другой снаряд тоже пролетел мимо, не причинив вреда орудию.

– По фашистскому танку... Бронебойным... Огонь!

Звук выстрела резко разорвал воздух. Но снаряд перелетел танк.

– Ниже подводи! – крикнул Лещёв.

Второй снаряд разорвался у гусеницы, и танк остановился. От третьего снаряда, пущенного Шеховцевым, танк загорелся. Но в этот момент от выстрелов второго «тигра» на позиции артиллеристов стали чаще рваться снаряды. Задыхаясь от дыма, отдавая команды, Лещёв вдруг заметил, что снаряды его орудия щёлкают в лобовую броню «тигра» и отскакивают от неё. «В лоб этого зверя не уложить!» – пронеслось в его голове. Но машина внезапно остановилась, крутнувшись на одной гусенице. В глазах Лещёва вспыхнул победный огонь:

– Теперь ты не уйдёшь!

Снаряд, посланный наводчиком Шеховцевым, разорвал гусеницу. Но не было времени порадоваться этому: один из танков двигался прямо на батарею. Осколки от снарядов застучали по орудию Лещёва. Рядом застонал подносчик снарядов Сторожев. Анатолий приказал заряжающему Куклину перевязать раненого, а сам скомандовал:

– Наводи под основание!

Схватив снаряд, Лещёв рывком дослал его в казённый. Прогремел выстрел, но танк продолжал двигаться. И кто знает, чем бы всё кончилось, если бы им на помощь не пришло орудие сержанта Носова: метким выстрелом оно остановило танк. Но ещё одна машина неожиданно выскочила из-за дыма, ворвалась на позицию орудия Носова и раздавила его вместе с расчётом. Взрывной волной сбило с ног Шеховцева и отбросило в сторону. Анатолий подбежал к прицелу орудия: танк продолжал двигаться.

– Нет, я не дам тебе дойти сюда! – Он яростно дослал снаряд, навёл перекрестие и в тот же миг рядом с танком взметнулся огненный столб. Врывшись в землю длинным пушечным стволом, «тигр» замер на месте. Остальные танки повернули назад, не выдержав уничтожающего огня батареи. На изрытой воронками земле остались шесть танков, четыре из них были подожжены расчётом Лещёва. Заряжающий Куклин обронил:

– Важная работёнка выдалась нам – матёрых «тигров» в трусливых зайцев превратили.

Таких боёв или чуть послабее на расчёт Лещёва выпало немало. А бойцы 5-й бригады, преодолевая яростное сопротивление врага, его частые контратаки, форсировали реку Конку и по приднепровским плавням, заросших мелколесьем и залитых водой, подошли к самому Днепру и начали переправу напротив Никополя. Бойцы несли на себе рыбацкие лодки, плоты из плащ-палаток, набитых соломой и скреплённых досками; 3-ий мотострелковый батальон первым переправился через Днепр и закрепился на западном берегу, прикрывая переправу бригады, уничтожая огневые точки противника. Большую помощь оказывало местное население: жители показывали огневые точки, опорные пункты противника, помогали переправлять бойцов бригады через реку на рыбацких лодках, которых было несколько десятков. И это не смотря на то, что немцы ввели расстрел за укрытие переправочных средств. Утром восьмого февраля 1944 года город был освобождён и Никопольский плацдарм ликвидирован. Местное население вздохнуло свободно – за время оккупации было угнано в рабство семь тысяч, а взято в плен и расстреляно восемь тысяч жителей. Именно поэтому выжившие встречали своих солдат с особой теплотой: прямо на переправе, женщины из вёдер, кастрюль разливали горячую пищу солдатам, а затем, пока они находились в городе, обстирывали их.

В памяти Лещёва навсегда запечатлелось то время. Несмотря на распутицу и бездорожье, наши войска стремительно наступали. В результате умелых и слаженных действий несколько фашистских дивизий оказались в котле. Но они упорно сопротивлялись и всеми силами пытались вырваться из окружения. Так, под вечер 8 февраля сообщили, что по шоссе Никополь – Коплуновка движется большая колонна немецких танков и автомашин. Стало ясно, что на их участке они появятся ночью. Вторая и третья батареи заняли позиции на склоне возвышенности в ста метрах от шоссе. Анатолий смотрел на звёздное небо и мысленно переносился в родные места: «Как же далеко они. Удастся ли ещё увидеть их?».

После полуночи со стороны шоссе донёсся шум моторов, и на гребне холма появились силуэты танков. После сигнальной ракеты восемь орудий одновременно ударили по колонне врага при свете осветительных ракет.

– Не уйдёшь! – зло выдохнул Шеховцев, наводя орудие на следующий танк, а когда после выстрела он остановился, удовлетворённо произнёс: – Это вам за наших погибших товарищей.

В колонне фашистов чадили горевшие грузовики и танки. Гитлеровцы открыли ответный огонь по нашим орудиям. Один из разрывов бросил Анатолия на землю, замкового Бесхлебнова ранило осколком в ногу. Лещёв тут же вскочил с земли и бросился к снарядам.

– Ниже наводи! – крикнул он Шеховцеву, когда его снаряд упал дальше цели. И тут же похвалил его, увидев, что очередной снаряд снёс башню у «тигра»: – Молодец! Так их!

На рассвете был подбит последний танк и бой прекратился.

Бригада получила отдых для подтягивания тылов, растянувшихся по бездорожью на сто двадцать километров, и пополнения поредевшего личного состава. Но уже в начале марта перед бригадой была поставлена задача: форсировать реку Ингулец и, не вступая в затяжные бои, пройти по тылам врага, взять Новый Буг, станцию Раздельную, не дать возможности врагу эвакуироваться по железной дороге. Весь гужевой транспорт пошёл под тягу для противотанковой артиллерии и миномётов. Использовались и волы. Но основная нагрузка легла на личный состав: каждый боец нёс на себе три комплекта боеприпасов для своего оружия, одну-две мины для миномётного подразделения. В условиях непроходимой грязи нагрузка была предельной.

Расчёт Лещёва сходу вступил в ночной бой с отборными гитлеровскими головорезами 6-й восстановленной армии – «армии мстителей». Более тысячи солдат и офицеров противника было уничтожено в том бою. Восьмого марта 1944 года город Новый Буг был полностью очищен от врага. Бригада ушла вперёд, а третий мотострелковый батальон ещё сутки до прихода 88-й стрелковой дивизии отбивал неоднократные атаки с флангов, а затем поспешно догонял свою бригаду. С кровопролитными боями, выдерживая массированные удары с воздуха, пятая мотострелковая бригада в составе конно-механизированной группы генерала Плиева брала населённые пункты один за другим: Баштановка, Новогригорьевка, Спасский, Новопетровка, Орлово, Снегирёвка.

Попав в окружение, фашисты стремились любой ценой вырваться из котла в сторону Николаева. Иногда им это удавалось, но с подходом наступающих с фронта войск операция по окружению противника под Снегирёвкой была завершена. Пятая гвардейская бригада получила кратковременный отдых для пополнения.

После десятидневного отдыха бригада с боями овладела Берёзовкой, Степановкой, Новониколаевкой, Червонознаменкой и двинулась на узловую станцию Раздельная, овладение которой имело стратегическое значение. Быстрота и решительность в наступлении позволили в короткое время занять станцию. Небывалый героизм проявляли солдаты. Об этом писал в своей книге «Вёрсты мужества» командир 5-й мотострелковой бригады полковник Н.И. Завьялов: «Нелегко было бежать в атаку после стольких дней и ночей утомительных маршей и боёв. Но по сигналу атаки, по команде «Вперёд! За Родину!» гвардейцы дружно шли на врага, неизвестно откуда черпая силы». После взятия станции бригада ещё в течение двух суток вела ожесточённые

бои с противником, пытавшимся опять захватить станцию – ведь только по железной дороге они могли отступать на запад.

Свою задачу гвардейцы выполнили и двинулись на юг к Беляевке – последней переправе через Днестр на пути к Одессе. А армия Холлидта рвалась к переправе из последних сил, не жалея ни техники, ни солдат, стремясь достичь порта на Чёрном море, спастись любой ценой. Но советские гвардейцы дрались смело. В ожесточённых боях Беляевка, а затем и Одесса были взяты.

Бригада получила задание – совершить марш-бросок Тарутино, Красное, Арциз, Татарбунары, выйти к реке Когильник и тем самым отрезать пути отхода приморской группировке противника. Стремительный рейд бригады в глубоком тылу врага к озеру Сасык (Кундук) продолжался всю ночь. Части бригады из походной колонны на большой скорости с ходу вступали в бой. Стремительно развернувшись в центре боевого порядка бригады, 3-й мотострелковый батальон рванулся стрелой в направлении села Демир-Хаджи (Зелёная Балка) и врезался в колонну противника,двигающуюся по кукурузному полю. Бойцы батальона спешивались с машин и вступали в рукопашный бой. Трудно было разобраться, где свои солдаты, а где чужие. К двенадцати часам двадцать третьего августа 1944 года бригада прочно закрепилась на рубеже озёра Сасык – Татарбунары и далее на север по западному берегу Когильника до станции Арциз.

Но враг совершал контратаки, пытаясь вырваться из окружения. Особенно ожесточённые бои велись в расположении 3-го мотострелкового батальона, где противнику удалось вклиниться и выйти в тыл. И только благодаря своевременной поддержке резервной роты автоматчиков противник, понеся колоссальные потери, отступил за реку Когильник, а затем, поняв безысходность своего положения, фашисты стали сдаваться в плен. Более девяти тысяч румынских и немецких солдат шли в колоннах. Задача была выполнена – из «Котла» противник не вырвался. Личный счёт Лещёва в этом бою пополнился пятью подбитыми орудиями разного калибра, десятью повозками с боеприпасами.

К этому времени 2-м и 3-м Украинскими фронтами был освобождён Кишинёв. А 5-я мотострелковая бригада двинулась на Измаил, но с ходу выйти к морю и взять причалы не удалось. Каждое здание брали штурмом.

Лещёва вызывали в один из дней к комбату, который поздравил его с присвоением звания старшего сержанта и дал задание расчёту вместе с взводом автоматчиков поддержать огнём пехоту, расчистить путь к переправе, а затем форсировать Дунай и закрепиться на его правом берегу. А враг продолжал ожесточённо сопротивляться. Анатолий Алексеевич вспоминал:

– Ночь выдалась душная. Солдаты расположились рядом с орудием, подложив под головы вещмешки, скатки шинелей. Тихо переговаривались бойцы, среди которых выделялся басок Куклина: «Вчера письмо получил.

Пишут: рожь больно хороша на Тамбовщине. Вовсю косовица началась, а людей, сказывают, мало осталось. Все на фронте...».

Его перебил Шеховцев: «Надо поскорей с фашистами кончать, – наводчик говорил горячо и убеждённо. – Понимаешь, чеботарь, руки истосковались по настоящему делу. Я на лобогрейке работал... Сколько, бывало, ржи за день скосишь! Посади меня сейчас на лобогрейку, я сутками буду работать на поле. Руки по работе зудят...».

Анатолий слушал и улыбался: «Чувствуют солдаты конец войны. Всё больше их тянет к дому. Да, всем надоела война. Вот и Румыния перестала воевать. Скоро и Гитлеру придёт конец, но без боя он не сдастся».

Рано утром после артподготовки был дан приказ о наступлении. Но в этот момент со стороны противника послышался гул моторов и несколько танков показались из-за высоты. Цепь пехотинцев залегла. На позиции батареи Лещёва рвались снаряды, но артиллеристы не прекращали огонь. В степи горело восемь танков, а остальные повернули назад, не выдерживая огненного натиска наших. По всей степи пехота с мощным криком: «Ура!!!» двинулась вперёд. Вдоль пологой ложины двинулся и взвод автоматчиков. Только на окраине города путь им преградила пулемётная очередь из виноградника. Бойцы залегли. Расчёт Лещёва получил приказ: уничтожить огневую точку, преграждавшую путь. После первого же выстрела вражеский пулемёт замолчал, но через минуту вновь застрочил. Анатолий заметил белёсый дымок, поднимавшийся из-за скирды соломы рядом с сараем. Подумал: «Сейчас вы у меня поджаритесь». Орудие выстрелило зажигательным снарядом. И тут же выползла самоходка «фердинанд», длинный ствол которой был направлен на пушку Лещёва. Через секунду выпущенный снаряд разорвался возле их орудия. Воздушной волной были сбиты с ног подносчики снарядов. Шеховцев уложил самоходку с двух выстрелов.

Расчёт Лещёва под непрерывным обстрелом вместе с ротой автоматчиков вышел к переправе и метким огнём по самоходной барже, отчалившей от берега, отправил её на дно реки, а вторую заставил повернуть назад. Экипаж её без боя сдался в плен. На захваченной барже расчёт Лещёва с парторгом дивизиона Приходько и взводом автоматчиков капитана Медведева форсировали Дунай и закрепились на правом берегу. Едва они установили пушку, как показались двенадцать танков. От первого же снаряда Лещёвской пушки загорелся головной танк. Но следующая машина ворвалась на позиции автоматчиков, проутюжила несколько окопов и двинулась на расчёт Лещёва, но снаряд из их пушки, попавший под самое основание железной махины, заставил остановиться её и врыться стволом пушки в землю. И тут один за другим снаряды из других танков противника разорвались у щита орудия Лещёва, ранив наводчика и заряжающего. Анатолий сам навёл орудие и от его выстрела загорелся третий танк. В прицел он видел броню следующей фашистской машины, когда ещё один вражеский снаряд вывел его пушку из строя. А к огневой позиции

приближалась следующая машина. Артиллеристы подпустили танк метров на десять и одновременно бросили гранаты. Танк замер.

А там, где шли другие немецкие танки, клубились смерчи огня и дыма. Анатолий посмотрел назад и увидел на противоположном берегу «Катюши», выстроившихся в ряд и прямой наводкой стрелявших по вражеским танкам. Ликованию солдат не было предела. А гвардейские реактивные миномёты ударили ещё раз и после рассеявшегося дыма стали видны чёрные костры вражеских машин. Противник поспешно отступал, а наша армия преследовала его.

За тот бой Анатолия Лещёва представили к званию Героя Советского Союза, 24 марта 1945 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении. А был ему тогда неполный двадцать один год. Известие о награде Анатолий получил первого мая 1945 года в Австрии, в городе Гарц, куда их 5-я гвардейская бригада пришла после освобождения Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии.

После демобилизации Лещёв, трижды раненый и контуженный, вернулся на родину в Николаевск-на-Амуре, окончил курсы при краевой партшколе, работал в комсомольских и партийных организациях. После переезда в город Мурманск работал на стройке, на хладокомбинате «Росмясоторга». В семидесятых годах потянуло его к местам сражений, и он вместе с семьёй переезжает в город Измаил, где работал в порту стивидором, инженером по материальным фондам в консервном объединении. После выхода на пенсию в 1978 году переехали в Батуми (друг пригласил). Жили там до 1993 года, когда были вынуждены уехать в связи со сложившимися политическими обстоятельствами. Но переезд оказался очень трудным: после его отъезда для подготовки места жительства для семьи, жена с детьми и внуками ещё полгода не могли вырваться оттуда, и буквально с последним товарняком в теплушке без окон им удалось это сделать, благодаря друзьям Анатолия Алексеевича. Но полугодовая вынужденная разлука с семьёй, полная неизвестность о них, дали свои роковые результаты: ветеран тяжело заболевает, и в марте 1995 года его не стало. Похоронен Лещёв Анатолий Алексеевич в городе Ливны Орловской области.

*В очерке использованы материалы: воспоминания Героя Советского Союза А.А. Лещёва; материалы из книг Героя Советского Союза, командира 5-ой (32-ой) бригады Н.И. Завьялова «Вёрсты мужества»; Героя Советского Союза Н. Пустынцева «На огненном рубеже».

С войны путь долг *рассказ*

Холодным октябрьским днём 1947 года по улице посёлка Ртищево шёл солдат в старой длинной шинели, в выгоревшей пилотке, в изношенных до предела, со сбитыми каблуками кирзовых сапогах. За плечами у него висел тощий вещмешок.

Солдат остановился возле дома Цибизовых, рядом с которым стояла их дочь Маня и с любопытством рассматривала его.

– Здравствуй, хозяйка! Покажи, какой тут дом Калинина Михаила Ивановича?

– Михаила Ивановича? – удивилась Маня. – У нас таких нет.

– Как же так нет, – усмехнулся солдат. – Что же ты своих соседей не знаешь? У него отец Иван Федотович.

– Так это ты о Мишке Зоткине говоришь? Да вот их дом, – Маня показала рукой на избу, стоящую напротив её дома. – Погиб Мишка, не пришёл с войны.

– Живой он, – солдат неотрывно, с неподдельным любопытством смотрел на дом Калининых, которых по-уличному звали Зоткины.

– А ты откуда знаешь, что он живой? – с подозрением смотрела на солдата Маня. Она до пятого класса училась вместе с Михаилом и хорошо его знала.

– Я вместе с ним в госпитале лежал. Живой он. Скажи его родителям, чтобы ждали, скоро придёт. – Солдат увидел молодую женщину, вышедшую из дома Калининых и поспешно пошёл в сторону сельсовета.

– Да куда же ты пошёл-то? – взволнованно зашумела Маня. – Ты к ним в дом иди, радость им такая!

– Некогда мне, тороплюсь в военкомат. На обратном пути зайду, – крикнул солдат, всё дальше уходя от неё.

– Феколка, да что же ты стоишь, догоняй солдата, он сказал, что Мишка ваш живой! – от волнения махая руками, шумела Маня соседке, стоящей возле своей избы и с тревогой смотревшей на уходившего солдата.

Феклаша продолжала ждать своего мужа Алексея, хотя и получила от него только одно письмо. А в начале 1947 года свекровь прислала копию извещения, что он пропал без вести, в письме же писала, что вернулся из госпиталя сосед, уходивший на фронт вместе с Алексеем. Рассказал он, что их прямо из вагонов отправили в бой. Проходили по ночной затемнённой Москве и не рассмотрели ничего. Много сибиряков полегло в боях за столицу, а они с Алексеем продержались до самой погрузки в вагоны, когда их перебрасывали под Сталинград. Но состав тронулся раньше времени из-за налетевших фашистских самолётов. И оказались друзья в разных вагонах. На глазах соседа одна из бомб угодила в вагон, где был Алексей. На том месте осталась глубокая воронка – ни живых, ни мертвых не было.

Но Феклаша не поверила в эту бумажку, и при виде каждого солдата сердце её замирало. А на брата Михаила была похоронка в 1942 году, но всё равно верили в чудо. И потому, услышав, что брат живой, она сразу поверила в это и побежала в дом к отцу, чтобы скорее сообщить ему радостную весть. А позже, когда выбежала на дорогу, надеясь догнать солдата, того уже нигде не было.

Феклаша пробежала весь свой посёлок, большой мост и остановилась далеко за селом на дороге, ведущей в райцентр. Местность была ровная,

видно всё как на ладони почти до самого горизонта, – так ей казалось. Но солдат словно испарился. Она долго стояла на дороге, смотря по всем сторонам, а потом пошла домой, понуро опустив голову. Но ноги не хотели идти, и она то и дело оглядывалась назад. Вернувшись, виновато посмотрела на отца.

– Ну-к, что, не догнала? – строго спросил Иван Федотович.

– Нет, папаня, не догнала. Как сквозь землю провалился.

– Да, не сквозь землю, а спрятался в какой-нибудь скирде: отсидится часа два, а потом пойдёт дальше. Сразу бежать надо было, а ты, голова садовая, ко мне пошла, время провела.

– Да зачем же ему прятаться, папаня? – удивилась Феклаша. Её почерневшее под летним солнцем лицо казалось сейчас землисто-чёрным. От непонимания её густые брови взметнулись встревоженными воробышками, а карие глаза от обиды стали совсем тёмными.

– Вот и я думаю – зачем? Если ты честный человек, то зайди в дом, расскажи обстоятельно, тем паче, что с хорошими вестями идёшь. А этот, значит, худой человек.

– Да может быть, он и в самом деле спешил в военкомат? – возразила Феклаша. Ей так хотелось верить в то, что брат жив.

А бабушка не дождалась сына Михаила – как получили похоронку, так и слегла совсем. Старый фельдшер Аверьяныч сказал, что печень больна, сахар нужен. Дедушка объехал все близлежащие и дальние базары и только на станции Соседка, что была за двадцать километров от их села, сменял свой новенький тулуп на головку сахара. Колол её и поил свою Акулину Родионовну сладким чаем, но не спас, угасла она, как лампада без масла. Вот если бы письмо с фронта пришло, может быть, и поднялась бы. Уж очень желанным, ласковым был сын Михаил.

– Вот и поглядим, вернётся ли солдатик, – задумчиво произнёс Иван Федотович, теребя густую седую бороду. – А ты, Феклаша, приготовься к встрече, мало ли что, вдруг и в самом деле зайдёт?

Наутро стол был выскоблен до желтизны, сверху застелен белой самотканой скатертью, разукрашенной сухариками и гусинками, посреди стола парила стопка только что напечённых пышных блинов.

Спозаранок Миша Норкин, племянник Михаила Ивановича, встал на дежурство на краю села, чтобы первому встретить солдата. Отец у Миши погиб на фронте, а он с 11 лет начал работать в колхозе. А дядя Миша писал с фронта наказ племянникам: пусть «студенты» учатся хорошенько. Но не до учёбы было, кому-то и в колхозе надо работать, заменять ушедших отцов. А дядя был кумиром и для него, и для двоюродных братьев Валентина и Лёни Фирюлиных. Ещё бы – офицер, старший лейтенант, да ещё к тому же и артиллерист! Вот и стоял Миша целый день, то один, а то с тётёй Феколой. Стояли дотемна, но так и не дождались солдата.

Уже затемно, зайдя в избу, Феклаша увидела отца, сидящего за столом. Перед ним лежала увеличенная фотокарточка сына. К горке блинов так никто и не притронулся – ждали гостя.

– Папаня, что же это? Насмешка, что ли? – Феклаша устало присела на скамью, в глазах стояли слёзы, голос от обиды дрожал.

– Да как тебе сказать? Я всю ночь и день-деньской думал об этом. По всем видам Миша не мог остаться в живых: в похоронке сказано, что у него было множественное ранение в ногу, а это значит, что много крови потерял. Я таких раненых солдат видел – не жильцы они. И ты вспомни карманные часы, которые прислали – без крышки, без стекла и без стрелок. Это как же надо было шандарахнуть, чтобы так покорёжить металл?! Но кто этот человек? Откуда он знал Мишу? Как он мог остановиться именно напротив нашего дома? Выходит, что Миша рассказывал о селе, о доме своём, о нас?..

А может быть, это какой шпион? Забрал Мишины документы у мёртвого и пошёл делать чёрные дела, но уже под его фамилией? Чего только не лезет в голову. А может быть, в госпитале Миша встретил земляка и попросил его зайти и сказать, что сын скоро придёт? Чтобы мы ждали, чтобы надежда не покидала нас? У него такое доброе сердце, он такие заботливые письма писал. Надо сходить в военкомат, узнать у них, что это значит.

Через день Иван Федотович пошел в райцентр в военкомат узнать о солдате. Но там сказали, что за это время никого не было. Вернулся он мрачнее тучи. Сначала молчал, только украдкой вытирал глаза. И лишь через месяц обмолвился:

– Они там сказали, что кто-то пошутил. Да разве ж такими вещами шутят? А солдат-то куда подевался? Ну, как ты могла сразу за ним не пойти?

Феклаша виновато опустила голову. Так до самой смерти отца она чувствовала свою вину перед ним. Да и после того саднящая заноза не выходила из её сердца. А в то время только смогла спросить:

– А что же этот солдат так долго шёл с войны? Или прятался где?

– А с войны путь долог. Кое для кого он растягивался на долгие годы. Я шёл целых пять лет.

Да, путь с войны долог. Иван Федотович знал это по себе. В 1914 году он ушёл на империалистическую войну. Тогда воевали с немцами однолинейными винтовками. Сходились в бою и в рукопашную. У немцев оружие лучше было. И газовые атаки враг использовал: если наши не успевали убежать, то ложились замертво. Довелось ему сражаться и с австрийцами. Вот к ним-то почти весь их полк угодил в плен. Целых пять лет пробыл за колючей проволокой. Покормили австрийских вшей. Хотя они во всех странах одинаковые. И в царской армии они были такие же.

А в австрийских бараках осенью и весной воды по колено, грязь, вонь. Хорошо тем, кто на верхних нарах захватил места, а на нижних почти в воде лежали. Смертушка своей косой во всю ширь размахивалась, но бараки не пустовали, регулярно пополнялись.

Отогревались, сушились возле буржук, железных печурок, сделанных самими пленными с согласия лагерного начальства. Только тепло шло от них до тех пор, пока они топились, но быстро остывали, и холод моментально выстуживал бараки. Потому возле печурок дежурили по очереди.

В одно своё дежурство Иван Федотович примостился возле печурки, поставил свои замёрзшие ноги поближе, чтобы отогреться. Видно, тепло сморило его, и он задремал. Проснулся от дикой боли: штанина истлела от огня, а колено чуть не до кости сварилось. Спасибо у них знающий фельдшер был, вылечил его, рана затянулась. Вот только ревматизм домой привёз. Когда был в плену, скучал по дому, по жене. Девять детей было у них с Акулиной, а выжили четыре дочери и ни одного парня. А он так мечтал о сыне, о помощнике в хозяйстве.

Хозяйство же до войны у Ивана Федотовича было справным: корова, телок-годовик, овечки, поросята. О курах и говорить нечего, они у самой захудалой хозяйки были. Но как говорят в народе: «Без хозяина и дом сирота» – за годы его отсутствия хозяйство захирело, скот извели, осталась коровка одна. И потому после возвращения из плена он с большим энтузиазмом взялся за восстановление хозяйства.

Всякая работа спорилась в его умелых руках: и лапти получались словно игрушки, и валенки так подошьёт, что в любые галоши влезут. Сам забивал скот, разделывал шкуры, дубил их, да ещё и подкрашивал то в чёрный цвет, а то в красноватый для женских шубеек. Сам и кроил, и шил шубы да тулупы. И всё вручную. А получались вещи ловкие.

Уже после плена ездил на заработки на Губаху, в Златоуст. Сначала один, а потом с подростками дочерьми. Сам работал каменщиком на стройке, а дочери кашеварили. Но с особой гордостью Иван Федотович вспоминал о работе в Москве, как он вместе с сельскими мужиками в молодости мостили брусчаткой улицы. Мостили они и Военно-Грузинскую дорогу. Да где ему только не пришлось поработать, ведь Дмитриевка славилась своими каменщиками, которые ежегодно отправлялись на заработки в дальние места.

Из плена Иван Федотович вернулся в начале 1920-го года, а в конце родился их последыш – сын Михаил, их несказанная радость, их надежда. И таким послушным и работающим он рос – во всём помогал пожилому отцу. И очень смышлёным был – учёба давалась ему легко. После окончания пяти классов в своём селе он два года ходил за пять километров в соседнее село Глуховка. Закончил там семь классов и поступил в Моршанское педучилище, а после был направлен в село Рудовка, где работал учителем начальных классов в школе. Но была у него мечта стать военным. И в 1940-м году по набору военкомата поступил учиться в Ростовское артучилище – сбылась его мечта!

В 1941-м году в июне окончил училище, и отправился в свою часть, но на одной из станций узнал о нападении гитлеровцев, о всеобщей мобилизации, и маршрут его следования резко меняется: из ближайшего

военкомата он попадает в 150-й танковый батальон 89-й танковой бригады. И началась его суровая солдатская жизнь на полях сражений.

А душа болела о своих старых родителях – им уже обоим за 60. Как они там? Фронт стремительно приближался к Тамбову: бои шли в соседних областях – Воронежской, Орловской. И летели письма, полные тревоги, заботы о родителях. Он старается писать письма весёлыми, ничего не рассказывая о тяготах армейской жизни, о кровопролитных боях, и потому письма получались немного бравурными.

20/IX – 41.

«Дорогие родители папа и мама!

Шлю вам горячий привет и наилучшие пожелания.

Сообщаю, что пока жив и здоров. Письмо получил и посылаю вам ещё письмо, телеграмму и 800 рублей 15 сентября. Ещё вам посылаю 700 рублей и полторы тысячи.

Папа, дайте всем сёстрам рублей по 200. Папа и мама, я очень рад, что вы живёте спокойно, хотя слышал, что Тамбов, вроде, бомбили. Правда или нет? Я сейчас опять в Орловской области. Отдохнули, а теперь с новыми силами будем бить германских сволочей.

Передавайте привет всем родным и знакомым.

До приятного свидания!

Крепко жму руки, горячо целую вас.

Миша».

20/I – 42.

«Здравствуйте, дорогие родители! Шлю вам горячий привет и наилучшие пожелания в вашей жизни и в вашем здоровье. Ещё горячий привет шлю всем сёстрам, зятям, племянникам и всей родне. Передавайте привет тёте Василисе.

Во-первых, сообщаю, что нахожусь в городе Елец Орловской области. Жив и здоров. Вчера я был очень рад, когда мне принесли письмо от вас. Я узнал, что вы живёте хорошо и всем обеспечены. Но меня интересует ваше хозяйство. В своём ли вы доме живёте или у Мити? Что у вас есть из скота? Как вы питаетесь? А то ведь вы, как и раньше, всё есть, а кушать не кушаете. Вы хотя бы под старость живите, как вам хочется. Хлеба и денег у вас достаточно.

Вам двоим надо немного, а мне сейчас кроме жизни ничего не надо, а хлеба и денег у вас хватит, так помогайте всем сёстрам, особенно Феклане, а то ведь она одна в городе, где всё очень дорого. Я под Новый год выслал вам ещё 1000 рублей – 500 на вас и 500 на Мишу. Числа 5 ценным письмом тоже из Ельца выслал денежный аттестат на 400 рублей ежемесячно на весь 1942 год, начиная с января месяца. Так что, я думаю, вам денег хватит. Живите пока сейчас.

Я сейчас пока отдыхаю. Живём весело. Разместились по квартирам по несколько человек. У нас есть свой патефон, было даже два, но один

сломали. Так что веселимся. Сейчас мы ездим на машине, самим ходить не приходится. С машинами хорошо.

Скоро опять поедем на фронт, будем бить фашистов. А весело воевать, когда враг в панике отступает и бросает трофеи. Едешь по дороге и смотришь по сторонам: там машина, там танк разбитый, там пушка, повозка и так далее. Трофеев очень много и смотреть весело на них.

Пока писать больше нечего.

До приятного свидания.

Крепко жму руки и горячо целую. С приветом ваш сын Миша».

20/VI – 42

«Привет с фронта! Здравствуйте, дорогие папа и мама!

Шлю вам горячий привет и наилучшие пожелания в вашей жизни и в вашем здоровье.

Ещё привет сестрице Феклане. Я очень рад, что она теперь вместе с родителями. Передавайте привет Степану Ивановичу, Марусе, Насте и Оле. Я очень благодарен Степану Ивановичу за то, что он регулярно пишет мне письма от имени родителей. Письмо от вас получил на днях. Очень хорошо, что очень часто получаю письма: то от вас, то от друзей старых и новых.

Получаю письма от Лёни Калинина, и получил одно от Мити.

О себе писать нечего. Живу хорошо, воюю тоже не плохо, а жив буду, тогда всё расскажу: и где был, и чего видел, и как фрицев убивал. А сейчас всего не опишешь, а мало – не интересно.

Пишите вы мне больше, как живёте, как работаете, какие новости в селе?

Меня очень интересует вопрос: кто же дома из старых друзей парней или девушек? И о ком известно из моих товарищей.

Пишите обо всём.

Очень жаль, что поганые фрицы топчут золотые хлеба Воронежской области. Но мы им сделаем так, чтобы они не топтали землю нигде. Недостойно им на золотую землю ступать грязными и погаными ногами.

Я даже жалею, что это поганое мясо будет преть в советской земле. Но мы перетерпим, пока оно созреет, чтобы потом больше никогда не загноить землю.

Папа и мама, как ваше здоровье? Если есть возможность, прислали б мне фотокарточку всей семьи.

Фекланя пусть напишет, как жила там, как доехала, как сейчас живёт?

А как там «студенты»? Кто и в каком классе учатся? Передайте, чтобы Миша и Валя сами написали мне письма и отдельно прислали. Как они там «воюют»?

Пока писать больше нечего.

Остаюсь жив и здоров.

Передайте привет всем племянникам.

Привет Дмитрию Кузьмичу (председателю сельсовета). И передайте привет от меня старым товарищам, если кто дома. Пришлите адрес Михаила Кузьмича, или мой ему отошлите. Передайте ему горячий привет.

До свидания!

Крепко жму руки и горячо целую.

С приветом Миша.

Адрес: 697 полевая почта

Противотанковая батарея

Калинину».

31/VI – 42

«Здравствуйте, дорогие родители папа и мама!

Шлю вам горячий привет и наилучшие пожелания в вашей жизни.

Письмо ваше от 16/VI–42 получил, за что сердечно благодарю. Я пока живу хорошо. Получаю письма от Мити.

Очень жаль Палагина Фёдора. Хорошие друзья были с ним. Вспоминаю все те каникулы, которые мы вместе хороводили.

Ну, ничего не поделаешь – война. Я вам посылаю фото. Я фотографировался на партийный билет. Эта фотография в июне месяце.

У меня была в мае, но не хватило выслать, те были лучше.

Пока больше писать нечего. В моей жизни всё по-прежнему.

Передавайте привет всем родным.

Маме надо выздоравливать и ждать моего возвращения с войны.

До свидания!

Привет всем, всем!

Миша».

Сколько же было радости, когда он получал письма из дома! А отец в каждом письме просил писать подробнее о службе. А что можно написать, когда отец предупреждает, что его письма во многих местах зачёркнуты.

Да и зачем им знать о порой бессмысленной крови, о той боли в сердце, которую испытывал всегда при потере друзей, своих солдат. А уцелеть в Воронежском котле было – ох, как не просто, когда фронт со скоростью ветра то откатывался назад, то продвигался вперёд. Сколько раз их батальон разбивали, отправляли на пополнение.

Михаил готовил к 20 августа новое письмо родителям. Он взял за правило: в дату своего рождения 20 числа каждого месяца, чтобы не пропустить, отправлять весточку родителям. А если случалось внеочередное послание, то он был доволен, что смог лишний раз порадовать родителей. Но ему не довелось это сделать: 14 августа в очередной жестокой схватке с танками противника, когда немцы взяли в кольцо их батарею, он получил множественное осколочное ранение в ногу. Медсестра смогла вытащить его с поля боя и доставить в медсанбат, а оттуда его отправили в полевой госпиталь. Но от большой потери крови на следующий день 15 августа

старший лейтенант Михаил Калинин скончался, и был захоронен в братской могиле на территории госпиталя № 4390, располагавшегося на тот момент в селе Тюнино Кашарского сельсовета Липецкой области. После войны – это дом инвалидов «Скит».

А Иван Федотович, даже получая за сына пенсию, в глубине души продолжал надеяться, что Михаил вернётся. Он продолжал жить со средней дочерью Феклашей и её двумя дочерьми.

Частенько по ночам, лёжа на кровати с соломенным матрасом под самотканой дерюжкой, не спал, ворочался, а, засыпая, вскрикивал, кого-то звал.

Утром, после одной из таких ночей, Феклаша спросила:

– Папаня, а ты чего так во сне шумел?

– Да с австрияком в рукопашной сцепился, никак разойтись не могли.

– А кто же верх взял? – Феклаша улыбнулась, глядя на смущённого отца.

– Как это кто? Раз с тобой говорю, значит и верх мой, – гордо произнёс Иван Федотович. Его две длинные волосинки на правой брови, как бы разделявшие её надвое, зашевелились и будто взметнулись вверх.

Иван Федотович, несмотря на преклонный возраст, так и оставался непоседой. И продолжал ездить на базары, хотя уже реже, чем в молодые годы. Уезжал за 20-30 километров то в Синявку, то в Софьино, но чаще на станцию Соседка.

Однажды вернулся с базара через день к вечеру. Феклаша стала ругать его:

– Ты где же пропал, папаня? Хоть в розыск за тобой посылай. Я уж все глаза проглядела.

– Так я там коровку привёл. Ты пойди, покорми её.

– Папаня, да зачем же нам ещё одна корова? – Феклаша непонимающе смотрела на отца.

– Да, мужичонка один плохонький продавал её: сына женит, с госпиталя тот только что вернулся. Вот я и пожалел его. Да и коровёнка-то истощала вся, корм у хозяина кончился, нечем кормить. Жалко животину. А мы её откормим, и я продам подороже, – успокоил он дочь.

Через месяц корова раздобрела, набрала вес, молока стала давать хорошо. Повёл её Иван Федотович на базар. Вернулся один, без коровы, но смущённо улыбается. А улыбка у него бесхитростная, совсем как детская, обезоруживающая.

– Ты что, или за так отдал? – забеспокоилась Феклаша.

– Да как тебе сказать – барыша нет, старую цену взял. Мужичонка с ребяtnей подошёл, а их у него целый пяток, и все мал мала меньше. Ну, как им без коровы? Вот и отдал подешевле, пожалел детишек.

– Чудишь ты, папаня. Это ты после Мишиной гибели таким стал. Пора тебе прекращать ездить по базарам.

– Так я же надеюсь узнать что-то о Мише. Народищу там тьма-тьмущая. С одним поговоришь, с другим. Каких только историй в жизни нет. На одного две похоронки пришло, на другого три, а они живыми вернулись. А один сам рассказывал: живёт год дома и вдруг получает письмо: вскрывает, а там похоронка на него. Он в военкомат: «Как понимать это? Вот он я – живой стою перед вами!». Оказалось, что отчество перепутали. Чего только не бывает в жизни. А что касасяемо чудачеств, так ты тоже чудишь: ты зачем пленным мадярам ведро картошки отдала? Наверняка ты подумала в тот момент, что может быть, и твой Лёня где-нибудь скитается голодный. Разве не так? – он увидел смущение на лице дочери, усмехнулся добродушно. – А ты говоришь – чудишь.

Как-то раз после очередного возвращения с базара Иван Федотович обошёл весь огород, что-то переставлял, подправлял во дворе и время от времени тяжело вздыхал.

– Ты что весь измаялся, папаня? Как будто лошадь и телега целы, я отвела их на колхозный двор. Что-то стряслось в поездке? Чего ты маешься?

– Да, ты знаешь, Фекола, я, наверное, переберусь жить на станцию. Соседка – там одна женщина сватает меня. У неё муж умер, а она пускает на постой приезжих. Одной ей никак нельзя, – смущённо, с чувством вины произнёс Иван Федотович.

– Да ты, похоже, из ума выжил. Тебе семь десятков, а ты жениться собрался. Да ей ты ли нужен? Ей твоя пенсия нужна, какую ты за Мишу получаешь, – возмутилась Феклаша.

– А ты не шуми, а рассуди по уму: девчата подросли, вам, троим, на печке не уместиться. А другого места нет в зимнее время. Это летом вы в сени переходите спать, а зимой? Если бы не разломали дом в конце двадцатых годов – боялся, что раскулачат. Вот и стоит как комолая сирота: без крыльца, без палисадника. Руки не лежат переделывать, да и силы нет. А у Василисы дом большой, двор огромный...

– Вот-вот, ты и поедешь спину гнуть на Василису.

– Да не шуми ты, Феклаша. Может, сама за кого замуж выйдешь – вон сватались к тебе мужики, а ты отказываешь. Может, из-за меня? Вот я и не хочу тебе мешать. А на станции хорошо, Василиса совсем близко живёт от вокзала. Поезда то и дело ходят, народу столько в них проезжает. А вдруг я Мишу увижу? – из глаз Ивана Федотовича выплеснулась неувядаемая надежда.

– Да откуда он возьмётся? Столько лет прошло... – С сожалением и грустью произнесла Феклаша.

– Нет, я до последнего своего часа буду ждать. Да и ты ведь тоже ждёшь, я знаю, что ждёшь: и брата Михаила, и мужа Лёньку. Потому и отказываешь всем.

– Да, так долго идут с фронта наши солдаты. Где-то и потерялся их след, – тяжело вздохнула Феклаша и смахнула набежавшую слезу.

– Ты права. Путь с войны долог. Может быть, и дождёмся их когда-нибудь. Должно же нам улыбнуться счастье.

Котька

Рассказ

Мария Ивановна задумчиво смотрела в окно, а руки разглаживали невидимые складочки на халате. Руки у неё со шрамами от осколков, один палец перебит. Уже девятый десяток пошёл, можно бы и отдых дать им, но не привыкла она к безделью: кто попросит сделать укол – бежит, хотя и нет прежней быстроты. Беспокойная и безотказная душа у неё. Даже на другой конец, города бегала... «А как же – говорит,– людям помогать надо, я же сестра милосердия».

А уж хлопотунья такая – напечёт фирменные пироги и угощает своих знакомых. Вот и сейчас: пришла сделать укол и принесла пирожки на пробу. Выполнила свою благородную миссию и присела. Поговорить. Дома-то одна-одинёшенька. Жалуется:

– Совсем заели меня стены. Я уж и с цветами говорю, и с кошкой Муркой. Да ведь они безъязыкие, не отвечают мне, хотя всё понимают: с цветочками поговорю, и они быстрее растут. А уж о Мурке и тем паче: ляжет под батареей, растянется вся от удовольствия и дремлет. А мне скучно. Обращаюсь к ней: «Чего лежишь-то? Ишь, вельможа какая, даже встать лень. Взяла бы да поиграла со мной, старой». И что вы думаете? Она встаёт, подходит ко мне, смотрит в лицо и «Мрыу, мрыу». Всё, мол, понимаю, да сказать не могу.

Тут на днях взбрыкивать стала – загуляла, на улицу просится. Я цыкнула на неё, думала, остановится, ведь старуха совсем – двенадцать лет, во рту один зуб торчит. Какое там! Бегает по комнате, меня за ноги царапает и орёт густым басом: «Аум! аум!».

– Ах ты, гулёна! – говорю, – я тебе дам «Наум!»». Опять хочешь притащить мне пегих котят? Иди вон к Ваське в подвал: он красивый и домовитый, всех мышей в сараях разогнал. А Наум твой бестолковый, совсем дома не живёт, хозяйка замучилась, устала искать его...

Мария Ивановна задумалась на минутку, пригладила свои седые волосы и продолжила с грустной улыбкой:

– Вот, поди ж ты – животные, а совсем как люди: и болячки у них такие же, и переживают так же. Отберёшь у неё котят, а она, сердечная, мечется по комнате, ищет их, все углы облазит. Только не могут терпеть и скручивать себя в бараний рог как женщины. А так всё одинаково – и глупые есть, и умные. Но умней нашего Котьки я не встречала – уж сколько кошек прошло через мои руки, а он запал в мою душу на всю жизнь. Вот я расскажу о нём сейчас.

Её серые моложавые глаза затуманились, углубились, как бы ушли в прошлое.

– Было это перед самой войной. Год выдался для меня таким трудным, что даже не знаю, как и пережила. Сначала-то складывалось всё удачно. Жили мы с мужем душа в душу. Я в больнице медсестрой работала, мужу звание капитана присвоили. Сын – утеха наша – подрастал, второго ребёнка ждали. Свёкор ко мне как к дочери родной относился. Только бы жить да радоваться. Да, видно, в жизни всё так гладко не бывает – радость и горе рядышком бродят.

Сыночек заболел дифтеритом. Не смогли спасти, задохнулся. Похоронили мы его. А уж, коль пришла беда – отворяй ворота. Не прошло и сорока дней, как свёкор умер от инфаркта. А через месяц у меня родился ребёночек мёртвый. Казалось, уж всё, хлебнула горяшка полной чашей. Да, видно, ещё не до краёв она была. В начале июня простудился муж и получил двустороннее воспаление лёгких. За неделю сгорел – тогда же не было антибиотиков.

И остались мы вдвоём с Котькой – серым котом. А кот необыкновенный был: глаза голубые, ушки белые с чёрными кончиками. Такой хитрован – диву давались. Бывало, наш Лопушок увидит Котьку – рот до ушей сразу. И идёт к нему навстречу, растопырив ручонки. А этот бесёнок спрячется за угол дивана, высунет свою хитрющую моську, пошевелит усами и опять в укрытие, только хвост мелькает, как метла в проворных руках дворника. А то выйду утром, а он сидит на крыльце, довольный такой, а рядом с ним штук десять мышей, сложенных горкой.

– Котька, молодчина ты у нас, хорошо поработал, – говорю ему. – Только не носи ты их сюда для доказательства, я тебе и так верю.

И ведь понял он – больше не таскал к дому. Вот такой умница он был. А в те дни приду с работы, сяду на крыльцо и сижу, а в дом заходить не могу: всё голоса родные слышатся. А Котька ещё у калитки встретит меня, доведёт до порога, сядет рядом, сморит в глаза и выводит своё «Мяу-у, мяу-у...», как бы говорит, что проголодался. Делать нечего, кот не виноват в моём горе, надо кормить его.

– Ну, пойдём, Котька, накормлю тебя, – открываю дверь и впускаю в дом.

А он-то уж доволен! Глядя на него, весело вылизывающего тарелку и сама поем. А затоскую когда, уйду в свои невесёлые мысли, Котька опять к моим ногам липнет, трётся об них, мурлыкает: «Мур-р, мур-р!» Это он меня успокаивает.

– Понимаю всё я, Котя, – говорю ему, – понимаю, что их не поднять уже, да и сама туда живой не ляжешь.

А он в ответ: «Мр, мр...». Значит: «Правда, правда». Залезет ко мне на колени, свернётся клубочком и заснёт. Я так всю ночь порой и просижу, чтобы его не беспокоить. Так бы и жила, привыкая к горькому одиночеству, да судьба приготовила ещё одно испытание, беду страшную – началась война.

На второй день получила повестку. Попросила золовку, жившую через стенку, кормить Котьку, собрала мужнин вещмешок, закрыла дом и пошла в военкомат.

А Котька как чуял, что ухожу надолго – побежал провожать меня. У калитки прыгнул на забор и бежал по нему до самого угла. И всё жалобно мяукал. Дошла я до углового дома, оглянулась, а он всё сидит на заборе. А до этого дальше калитки не бегал. Сердце сжалось от тоски: кроме кота и проводить некому – золовка не в счёт, нелюдимою она была. А Котька за свою преданность ещё ближе, роднее стал и тем труднее прощаться с ним.

В военкомате толчея, плач, гомон. Формировался новый госпиталь, и пришлось ждать до утра. Ещё с двумя девушками сели в уголке двора, да так и просидели всю ночь – спина к спине. А утром нас построили со вновь прибывшими с районов девчатами и приказали идти к зданию школы, расположенной через квартал от военкомата.

В школе нас встретил седовласый капитан, уставший, с выступившей щетиной на щеках, с чёрными кругами под глазами. Ворот гимнастёрки был расстегнут, пот ручьями катился по лицу. Посмотрел он на юбочки наши, платица ситцевые и за голову ухватился.

– Девоньки, да во что же мне вас одевать-то? Обмундирование ещё не получено, завтра только обещают. И кормить вас нечем. Вы вот что, красавицы мои, кто местный – идите домой до утра. А завтра получим всё – и в эшелон.

Пришла я домой – никто не встречает, тишина... Поднялась на крыльцо, ключ вставила в пробоину, но тут почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Я обернулась – нигде никого нет. Посмотрела наверх – в лазу над дверью сидит Котька и наблюдает за мной. Глазищи – одни чёрные зрачки торчат. Я обрадовалась, крикнула громко: – «Ко-отька-а!».

Он как-то тревожно, призывно мяукнул и прыгнул ко мне под ноги. Только упал он не мягко, как всегда падают кошки, а камнем, и даже подпрыгнул. Упал и лежит, не шевелится. Я села перед ним, глажу его, глажу, приговариваю:

– Котя, да ты что, глупенький? Вот и пришла я. Правда, не надолго, только на сутки. Мы сейчас обед приготовим. Вставай, Котя, вставай.

Подошла золовка.

– Никак слёз? Ты гляди-ка! После твоего ухода он забрался туда и не спустился ни разу. А уж мяучил-то – как ребёнок рыдал. И так весь день и всю ночь. Всю душу вымотал. Ведь ты уходила на дежурство на сутки и ничего. А тут как чуял, что можешь не вернуться. Я уж выходила, пугала его. Увидит меня – замолчит, а уйду – опять за своё. – Тут слышу – замолк. Я к окну, а это ты идёшь. А чего это он лежит-то?

– Да вот упал и не встаёт.

Золовка потрогала его руками, попробовала поднять, потом опустила на пол, брезгливо отряхнула руки.

– Маруся, да он же мёртвый...

Мария Ивановна посмотрела на меня виновато-грустным взглядом, сняла очки, смахнула слезинку с покрасневших глаз, смущённо произнесла:

– Видать, от разрыва сердца умер, не перенёс внезапной радости. Вот я какую историю рассказала. Пойду, а то Мурка заждалась меня, наверно.

Она встала и медленно пошла к входной двери.

КОСНЕВИЧ АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1935 - 2010)

Прозаик. Член Союза писателей России.

Родился 15 мая 1935 года в Орле. В Тамбове жил с 1946 года до конца жизни. Учился в средней школе № 2 и на историко-филологическом факультете Тамбовского государственного педагогического института (ныне Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина).

Первый рассказ Анатолия Косневича опубликован в 1970 г. в газете «Комсомольское знамя». Анатолий Яковлевич был участником I Всероссийского семинара молодых писателей в Москве в 1976 г.

Анатолий Косневич писал как для детей школьного возраста, так и для взрослых читателей. Его первая книга «У весны голубые крылья» вышла в Воронеже в 1981 г. В дальнейшем в творчестве Анатолия Косневича преобладали детективы. Его рассказы опубликованы в третьем выпуске «Тамбовского альманаха» (2007).

Анатолий Косневич – лауреат конкурса на лучшее произведение о милиции, который проводило в 1990 г. Министерство внутренних дел СССР.

Скончался писатель 28 сентября 2010 года.

Сочинения:

Косневич А. У весны голубые крылья. – Воронеж, 1981.

Косневич А. Портрет неизвестного со шпагой. – Тамбов, 1990.

Косневич А. Как искали Шерлока Холмса. – Тамбов, 1993.

Косневич А. Смерть столичного человека. – Тамбов, 1993.

Косневич А. Похищенная корона. – Тамбов, 1996.

Косневич А. Злые чары. – Тамбов, 1997.

Косневич А. Опасное сходство. – Тамбов, 2004.

Косневич А. Следы Фантомаса. – Тамбов, 2004.

Косневич А. Стрельба вишневыми косточками. – Тамбов, 2005.

Косневич А. Пик Льва. – Тамбов, 2005.

Косневич А. Вальс при свечах. – Тамбов, 2006.

Косневич А. Платок Дездемоны. – Тамбов, 2006.

Косневич А. Тайна голландского натюрморта. – Тамбов, 2007.

Косневич А. Сиреневый туман. – Тамбов, 2007.

Косневич А. Билет до Парижа. – Тамбов, 2008.

Косневич А. Время желаний. – Тамбов, 2010.

Литература:

Гармаш, В. Буров продолжает расследовать... / Виталий Гармаш // Тамб. жизнь. – 2008. – 20 мая. – С. 4.

Дорожкина, В.Т. Косневич Анатолий Яковлевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 90.

Косневич Анатолий Яковлевич // Родной мой край литературный: рек. биобиблиогр. указ. – Тамбов, 1996. – Вып. 2. – С. 53–55.

Писарев, Е. Презумпция виновности / Евгений Писарев // Наедине. – 2006. – 23 авг.

Писарев, Е. Штучное производство писателя Анатолия Косневича / Евгений Писарев // Город на Цне. – 2005. – 25 мая.

Пуговицы

рассказ

Крепкая зима 43 года. Маленький заснеженный городок на Урале. В эту зиму в армии менялись знаки различия. Вместо треугольников, кубиков и шпал вводились погоны с просветами и звёздочки. Менялась и форма. Появились гимнастёрки со стоячими воротниками, и офицерскому составу выдавались отрезы для шитья кителей и шинелей.

Мой отец, военврач местного госпиталя, тоже принёс два отреза. Мы снимали квартиру, наша хозяйка каждый вечер трудолюбиво нажимала на педали ножной швейной машины. Она и взялась сшить экипировку. И тут-то возникло необычное затруднение: не хватало положенных уставом медных форменных пуговиц. На китель набралось. Правда, эти пуговицы требовали к себе дополнительного внимания, но с помощью куска мела и бархотки можно было вернуть им первоначальный блеск. А на шинель пуговиц не было ни одной. А положено шестнадцать: два ряда по шесть, две на хлястик и две в петлицы. И ещё пяток маленьких на нижний разрез. Маленькие наскребли. Но где взять шестнадцать пуговиц? В военторге? Там хоть шаром покати. Мама перерыла все свои коробки, я перебрал все закрома, спрашивали, где только могли, хозяйка тоже принимала участие в поисках, и в итоге общих усилий – четыре пуговицы.

А к 23 февраля будьте добры, товарищ капитан медицинской службы, явиться в новой форме. Хозяйка трудолюбиво стучала на машинке, а мы каждый вечер устраивали советы. Докладывали итоги ежедневных поисков, но каждый раз безуспешные. Папа снимал свои круглые очки, протирал их платком и тихо произносил: м-да... Мама тоже снимала свои круглые очки и, прикрыв ладонью усталые глаза, говорила: нельзя падать духом. Я молчал.

Узнал о моих заботах лучший друг Коля Черепяхин.

– Пуговицы?! – воскликнул он и захохотал, как Шаляпин, исполнявший песню о блохе. – Чепуха какая. Спроси у Женьки Бушуевой. У неё пахан в больших чинах. На машине за ней приезжали. Сам видел.

Я так обрадовался, что на радостях огрел своего друга по спине полевой сумкой. Коля кинулся на меня, и мы малость покатались в ближайшем сугробе. Поостыв, я погрустнел, вспомнив – мы с Женькой в ссоре.

А получилось так: 1 сентября появилась в нашем классе новенькая. Красивая, голубоглазая, и коса золотая, очень удобная для тех, кто сидел позади. А сзади сидел я. Женька Бушуева оказалась круглой отличницей. Но я простил ей этот недостаток. Она была страшная ломака, я и с этим смирился. Но она оказалась и первой ябедой. Этого я простить не мог. Случись что-нибудь в нашем бедовом классе, Женька тут же тянула перед учителем руку. Я немедленно дергал её великолепную косу. Однажды, когда она наябедничала на Колю Черепяхина, который курил в классе перед уроками, моё терпение лопнуло. На перемене я хватил её томом Пушкина.

Перемена была большая, но Женька ухитрилась дореветь до прихода учительницы. Меня выгнали из класса. Этому ей показалось мало. На следующий день в школу явился её брат, здоровый краснощёкий курсант зенитно-пулемётного училища. Он вызвал меня с урока в коридор. Видно, он удрал в самоволку и очень спешил. Минуя дипломатические переговоры, Женькин братец с солдатской прямоотой двинул меня в челюсть. Моё худое тело безропотно свалилось на пол. Но я тут же вскочил, вероятно, от злости, и что было силёнок двинул бравого курсанта по уху. Наверное, мне ещё не раз пришлось бы прикасаться к полу, но в это время зазвенел звонок, и мои друзья оттеснили меня от Женькиного родича.

С тех пор мы с Женькой не разговаривали. Вот и попробуй тут заикнуться о каких-то пуговицах. Я первым ни за что не подойду. Она тоже на меня ноль внимания. Как тут быть? Выручил Коля. Он рассказал Женьке, в чём дело. На перемене мы стояли возле школьной стенгазеты «Под бой барабана».

– Какие ему нужны пуговицы? – не глядя на меня, спросила Женька у Коли. Коля стоял между нами. Мы с Женькой внимательно вчитывались в газету. Коля повторил вопрос мне. Продолжая читать статью нашего старосты «Покончим с хулиганством», я объяснил ему, какие мне необходимы пуговицы. Коля немедленно довёл это до Женькиного сведения.

– Сколько штук? – спросила она у моего друга. Друг повернулся ко мне. Я ответил. Он передал ей. – Хорошо, – сказала Женька, – завтра принесу.

На следующий день, перед уроками, я дождался её возле школы.

– Ну, как, не забыла?

Она удивлённо расширила свои голубые глаза.

– Ой, можешь представить – забыла. Приготовила ещё с вечера и забыла. – В её глазах было неподдельное сожаление. – Зайдём ко мне после уроков.

– Ладно, – буркнул я, – после уроков.

Из школы возвращались втроём: Коля, Женька и я. Разговор поддерживал Коля. Недалеко от Женькиного дома Коля вдруг вспомнил о срочном деле и в момент исчез.

– Я здесь подожду, – сказал я. – Тащи быстрее.

Но Женька не входила в дом. Она стояла на приступках и смотрела себе под ноги.

– Извини, Вить, я тебя обманула, – не поднимая головы, призналась она. – Вчера не успела найти. Но завтра я обязательно принесу. Не веришь? – Честное слово! Она быстренько взглянула на меня и тут же добавила: – Могу, если хочешь, и сегодня, но только вечером, когда мама уйдёт на дежурство.

Я был на неё так зол, что даже говорить не мог, только кивнул.

– В семь часов возле парка, – сказала Женька.

Я снова кивнул и ушёл, по дороге твердо решив, как только пуговицы окажутся у меня, поддать Женьке за трепотню.

Когда в половине седьмого я стал одеваться, хозяйка поинтересовалась:

– Куда это ты на ночь глядя?

Они с матерью что-то кумекали над отцовской шинелью. Мне хотелось похвастаться, за чем я отправляюсь, но я всё же сдержался и сказал, что надо зайти к товарищу.

Россыпь звезд в небе, луна – как кусок голубой ледяшки. Тихо, морозно. Снег искрится и трещит под моими подшитыми валенками. Настроение у меня приподнятое. Глядя на облитую лунным светом стену бывшей церкви, где сейчас стучал движок кинотеатра, я почему-то вспомнил стихи Пушкина:

Тиха украинская ночь,

Прозрачно небо. Звёзды блещут.

Парк – название условное, перед войной высадили здесь несколько деревьев и кустарник. Ограды нет. Вместе с воротами её, вероятно, сожгли в одной из печек в соседних домишках.

Женьку мне ждать не пришлось. На ней белые аккуратные валенки, белые рукавички из козьей шерсти и платок пуховый, тоже белый, наверное, такой теплый, что никакой мороз не проберёт. В руках у неё ничего не было.

– Я ненадолго, – сказала Женька. – Мама поменялась дежурством. Я ей сказала, что мне надо добежать до школы. Пойдём, меня проводишь.

Мы идём и молчим. «Неужели опять обманула?» – думаю я, но ни о чём не спрашиваю, выдерживаю характер. Возле Женькиного дома останавливаемся и молча топчем снег. Женька лезет в карман и протягивает коробку из-под папирос «Казбек». В ней отчетливо громыхают пуговицы.

– Где ты их набрала?

– А, ерунда, срезала с папиного плаща.

– Попадёт тебе...

– Зимой плащ не нужен, а весной – видно будет... Не станет мой папка ругаться из-за каких-то пуговиц.

– Знаешь, Женька, я теперь всегда за тебя заступаться буду, хочешь?

– Угу, – ответила она, а потом спросила: – Витя, а тебе кто-нибудь нравится в нашем классе?

– Конечно. Во-первых, Коля Черепухин – он мой лучший друг, потом Петька Привалов и ещё Серега Головин.

– А из девочек?..

– Танька Макарова, она никогда не подведёт. А теперь ты ещё.

– Ну, я пойду, – почему-то вздохнула Женька и подала мне руку.

С девочками я принципиально никогда за руку не здоровался и не прощался, но Женьке я с удовольствием крепко пожал руку, она теперь тоже своя в доску.

Дома ожидали моего возвращения. Я даже пожалел, что не сказал, зачем иду. Эффект. Не раздеваясь, даже не стряхивая снег с валенок, я влетел в комнату, заорал «ура», поднял над головой коробку из-под папирос «Казбек» и потряс ею как бубном. Мама захлопала в ладоши. Папа снял свои круглые очки, протер их носовым платком и только и сказал:

– М-да...

Одна хозяйка ничего не сказала, покачала головой и нажала на педаль.

Тогда я шагнул к столу и широким красивым жестом высыпал пуговицы на стол. Даже при свете керосиновой лампы каждая пуговица горела маленьким волшебным золотым пламенем.

– Какая прелесть! – восхитилась мама.

– Пришьём как миленьких, – сказала хозяйка, убеждаясь, что игла свободно проходит через ушко. Я тоже поинтересовался своим приобретением. Пуговицы действительно были что надо. Я никогда таких не видел. Вместо обычной пятиконечной звезды весь медный кругляк занимал выпуклый герб Советского Союза. Я обрадовался: ни у кого таких нет, даже у начальника госпиталя полковника Павловского. А вот у моего отца теперь будут! Пусть все смотрят и завидуют. Где, спросят, вы их достали, товарищ капитан? Папа протрёт очки, улыбнётся и скажет: это у меня сын такой пробивной парень оказался.

Папа взял одну из пуговиц, поднёс к самым очкам, повертел её, потом вздохнул, положил обратно и, ни слова не говоря, вышел на кухню. Когда отец волновался, он всегда выходил курить на кухню. Мы все оторопели и не знали, что думать. Через некоторое время отец вернулся.

– Отдай их назад, Витя, эти пуговицы мне не понадобятся – они генеральские.

Отец ушёл в свой угол, где стоял его письменный стол, и весь вечер читал энциклопедию. Мы его не трогали.

Вскоре Женька уехала вместе со своим отцом-генералом. Отца её перевели в другой город, и я её больше никогда не видел. Мой отец достал пуговицы только летом, когда в шинелях уже не ходили.

Женькины пуговицы я отдал соседям закрывать квадратики лото, а одна пуговица до сих пор у меня.

О пользе чтения

рассказ

В детстве талантов за мной не значилось, но читать я научился лет в шесть.

Кто-то из взрослых показал мне буквы алфавита, подсказал, как складывать слоги в слова, и, подсунув последние страницы потрёпанного букваря, велел прочесть текст. С этого и началось. Уже через несколько дней я стал бегло поглощать печатные строчки.

Одной из первых прочитанных книг стала сказка «Золотой ключик».

Весна 42 года. Посёлок в глубоком тылу, где никогда не раздавалось сигналов воздушной тревоги. Мы с мамой живём на квартире на самой окраине. Дальше – степь. Злые зимние ветры совершали со стороны степи свои набеги, и первым, кто попадался им на пути, был наш, облепленный глиной и крытый кугой домишко.

Хозяйку зовут тетя Ульяна. Это красивая белокурая женщина с быстрыми шальными глазами. Работает она на элеваторе, и в доме всегда есть мука. Я слышал, как рассказывала она маме про свою жизнь. Ещё до войны полюбила одного парня, и он тоже её любил, но родители Ульяны не позволили ей выйти за него замуж. У парня не было своего дома, учился он в ветеринарном техникуме и жил в общежитии. Замуж тетю Ульяну выдали за соседа, человека хмурого, молчаливого, но домовитого и почти не пьющего. Теперь он был на фронте и присылал треугольные солдатские письма.

У тети Ульяны было двое детей: старшая Людмила, беленькая, вертлявая, с голубыми беспокойными глазами, чем-то похожая на свою мать, и Васька – коренастый, насупленный, серьезный. Людмила училась в пятом, а Васька в третьем классе.

Васька и принес «Золотой ключик». Учительница заставляет своих учеников брать домой книжки из школьной библиотеки. Васька берёт, но никогда не читает. Принесёт целую стопку, бросит куда попало, а спустя две недели возвращает в библиотеку.

Васька – человек практичный. Его любимая фраза: «А ты мне что дашь?». Он очень любит меняться. И всегда для себя с выгодой. Меняет всё: ракушку на кусок цветного плексиглаза, перо № 86 на огрызок химического карандаша, смоляная жвачка и безрукая кукла, рогатка и подобранные на стрельбище винтовочные гильзы – всё идёт в ход, всё приносит Ваське барыш.

Подобрав брошенный «Золотой ключик», я с восторгом, за один день прочёл всю книжку. Потом несколько дней подряд подолгу разглядывал картинки и перечитывал наиболее понравившиеся страницы.

Таких мест в книжке много. Одни, как, например, эпизоды, связанные с продавцом пива Дуремаром, вызывали смех, а другие, про Карабаса Барабаса – страх.

Особенно нравилась мне глава «Страшный бой на опушке леса», и то место, где пройдохы лиса Алиса и кот Базилио дурачат Буратино на «Поле чудес».

Как раз в эти дни Васька совершил выгодную сделку. Обдурил одного эвакуированного мальчишку, он выменял у него большой семипредметный ножик, всучив взамен поломанную ракетницу.

Меня эта сделка разозлила. Мы с Васькой поцапались. Он был старше и крепче меня, но драться со мной опасался. Знал, что когда дело дойдёт до драки, я становлюсь словно бешеный, хватаю что попадет под руку и не соблюдаю никаких правил.

Мы не разговаривали два дня. На третий день мне в голову пришла замечательная мысль: надо проучить Ваську. Не всё же ему всех облапошивать. И прочитанная книжка пришла мне на помощь. Я решил воспользоваться примером лисы Алисы и кота Базилио.

С Васькой я заговорил первым, чего раньше никогда не делал. Но это его не насторожило. Помирились. Подождав ещё денек, когда наши отношения стали прежними, я сказал Ваське:

– Покажи ножик.

Васька залыбился, без промедления достал ножик и продемонстрировал все семь предметов: два лезвия, длинное и короткое, шило, нож для вскрытия консервных банок, штопор, пилку для ногтей и отвертку.

Васька до того расщедрился, что позволил мне подержать ножик в руках.

Тут я решил, что настал подходящий момент:

– Слушай, Васька, а ты бы не хотел, чтобы вместо одного ножа у тебя стало десять?

Васька, как я и ожидал, очень удивился.

– Десять? – переспросил он. – Конечно, хотел. А что?

Я помялся, словно не решаясь посвящать его в тайну, потом сказал:

– Вообще-то я знаю, как это сделать, но не уверен, стоит ли ради тебя стараться...

– А почему не стоит? Конечно, стоит. Только, поди, ты всё врешь?

– Нет, Васька, не вру, – очень серьёзно сказал я. – Мог бы обойтись без тебя, да ты видишь, какой у меня ножичек?

Мой ножичек действительно никудышный. Небольшой, в половинку Васькиного, и лезвие у него всего одно, да и то сломанное. Вот только ручка красивая, перламутровая.

– Нет, – сказал Васька, – твой ножик – барахло.

Я оглянулся, нет ли никого поблизости.

– Однажды, – почти шёпотом сказал я Ваське, – однажды я перевёл через дорогу слепую женщину. Она едва не попала под трамвай. Она оказалась колдуньей и, чтобы отблагодарить меня, научила одному колдовству. Им можно воспользоваться только один раз.

– Ври, – усомнился Васька.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, твоё дело.

– А что надо делать?

– Нужно вырыть ямку, обязательно на закате дня, потом положить в неё ножик, посыпать его солью и засыпать землёй. Потом произнести колдовские слова – и всё. Ровно через неделю вырастет небольшое деревце, а на нём ножики. Их будет в десять раз больше, чем посажено.

– А если я посажу револьвер, что будет?

– Вырастет десять револьверов.

– А футбольный мяч?

– То же самое. Но ведь у тебя нет ни револьвера, ни футбольного мяча.

– А деньги можно?

– Можно, но только металлические. Можешь посеять двадцать копеек.

– Не, ножик лучше. Давай сеять ножик.

– погоди, у меня есть три условия, без которых я колдовать не стану.

– Ну, ладно, давай, выкладывай скорее, чего ты хочешь?

– Во-первых, чтобы один ножик ты вернул тому пацану, которого облапошил. Во-вторых, мне ты дашь три ножа. В-третьих...

– Да ты чего! Зачем тебе три ножика? Одного хватит. Лопуху твоему верну. Будет с вас обоих.

– Пусть так, а третье условие самое важное – никому не проболтайся, иначе волшебство пропадёт, и твой ножик тоже. Понял?

– зуб даю, никому ни слова, – заверил Васька и в подтверждение клятвы поддел передний зуб грязным ногтем.

– Хорошо, считай, что мы договорились. Когда подойдёт час заката, пойдём на огород, а потом сам увидишь. Только не забудь захватить две щепотки соли.

– Может, одной хватит?

– Я же сказал – две.

– Ну, ладно-ладно, не злись.

Мы ждали конца дня. Я беспокоился, удастся ли мой фокус, а Ваське не терпелось посеять один ножик, чтобы получить десять штук.

И вот время подошло. Васька показал мне спичечный коробок, куда он насыпал соль, и мы пошли на огород. Солнце уже спикировало на закат.

Место в конце огорода было самое удобное. Никто нас не видел. Я разгрёб землю, вырыл небольшую лунку и опустил в неё свой ножичек. Васька раскрыл спичечный коробок и позволил взять маленькую щепотку соли. Я посыпал солью ножичек, засыпал землёй, а потом, сложив ладони вместе, подняв лицо к небу, стал бормотать несусветную тарабарщину. В ней поминались слоны, тараканы, дохлые мыши, змеи, слова «амулет», «волшебство», «колдовство», и я сам удивлялся, сколько разных слов я знаю. Васька смотрел на мои действия с уважением и даже с испугом.

– Рой, – велел я ему, закончив колдовать. Васька опустился на колени и, словно собака, прячущая про запас косточку, быстро-быстро выгребая землю, вырыл глубокую ямку. Затем он бережно уложил в неё свой ножик и до единой крупинки высыпал соль из коробки.

– Давай, только колдуй, – сказал он, вставая.

Я колдовал, стараясь повторить всё, что бормотал над своей лункой.

– Значит, через неделю? – переспросил Васька.

– Не раньше.

Через неделю мы с мамой должны были переехать на другую квартиру.

Дело в том, что к тете Ульяне стал приходиться немолодой старшина-техник из авиационных мастерских. Старшина был умелец и каждый раз что-нибудь чинил в доме. Первым делом он поправил прохудившуюся крышу, потом исправил часы ходики, а в последний раз долго возился с молочным сепаратором. В общем, для дома это был человек очень ценный. Тетя Ульяна повздыхала для приличия, сказала маме, чтобы она подыскивала новое жильё.

Мама квартиру нашла, но до переезда оставалось шесть дней.

Уже на следующий день, когда Людмила и Васька ушли в школу, я сбегал на огород, вырыл Васькин ножик и спрятал его на дно нашего чемодана.

Каждый вечер Васька обязательно интересовался, не пора ли нам взглянуть, как там растёт посеянное.

Я объяснял, что надо ждать, и ровно через неделю, ранним утром, как только восходящее солнышко коснётся земли, волшебное деревце сразу вырастет.

– Не прозевать бы, – беспокоился Васька. – А то, глядишь, кто-нибудь ещё увидит.

– Смотри, не проспай, – предупреждал я. – Дерево вырастет разом, как взрыв снаряда, бах – и дерево. А на нём новенькие ножи. Ты наш уговор помнишь? Чтобы нож пацану вернул.

– Помню, помню, верну, как пить дать, – обещал Васька и прятал нехорошую улыбку.

– А главное – никому ни гу-гу, – напоминал я. – Ты ещё не проболтался?

– Да ты чего, что я, на себя обиделся? – бурчал Васька и отставал от меня.

Я очень надеялся, что мы уедем раньше, чем наступит время восхода волшебного дерева. К сожалению, прежние квартиранты задерживались с отъездом ещё на несколько дней.

И вот неделя прошла. Наступило утро, которого я опасался. Солнышко только-только поднялось, только поддурмянило оконце, как Васька меня разбудил:

– Слышь, Толька, просыпайся, пора идти.

Пора – так пора, деваться некуда. Идём.

Васька нетерпеливо забегаёт вперед.

Но чем ближе подходим, тем очевиднее, что никакого волшебного деревца не выросло.

Васька не выдержал, бросился к своей лунке, быстро заработал руками и в момент разрыл. А там ничего нет. Он повернулся ко мне, сощурил глаза. На его лице было написано страшное подозрение.

– Где мой ножик? – грозным голосом, прямо как Карабас Барабас, спросил он.

Я, не обращая никакого внимания, разгрёб ямку и вытащил свой ножик-калеку.

– С твоим ножиком всё в порядке, – сказал я грустно. – А мой не взошёл.

И я, сделав вид, что ужасно расстроился, размахнулся и запулил ножик через забор, только сверкнула замечательная перламутровая ручка.

Видя моё огорчение, Васька немного успокоился.

– А что теперь будет с моим ножом? – спросил он.

– С твоим, с твоим, – захныкал я, – вечно ты о себе думаешь. Сейчас не взошёл, значит, вырастет ещё через неделю. Везёт тебе, Васька, – теперь не десять, а двадцать ножей получишь, так что отдашь три ножа.

– Как три! Что я, считать не умею? Если бы тридцать, тогда три, а если двадцать два. Мы с тобой как договаривались: тебе один ножик.

Я показал, что очень обиделся, развернулся и быстро зашагал к дому.

А Васька шёл за мной и насвистывал что-то весёлое.

Через два дня мы перебрались на другую квартиру.

В декабре 45 года отца демобилизовали, и мы должны были уезжать. За день до отъезда, проходя через рынок, я увидел в мясном ряду за прилавком Ваську. На нём была огромная меховая шапка и чёрный лоснившийся тулуп.

– Свинина первый сорт, налетай, подешевело! – хриплым, ломающимся голосом выкрикивал Васька и хлопал большими рукавицами.

– Здорово, Васька, – сказал я. – Узнаёшь?

– А-а, Толька, здорово-здорово. Гражданка, заворачивай сюды, всё равно лучше свининки не найдёшь. Ишь, морду отвернула. Ну, как ты?

– Отец за нами приехал, уезжаем на родину. А у тебя жизнь как?

– В полном порядке. Отец вернулся, только мать его не приняла. С дядей Петей живём. Дешёвая свинина, налетай, пока не продана! Людмила продавцом работает. Мать теперь на мясокомбинате. Свининка – золотая щетинка, подходи, шевелись, у кого деньги завелись. Как видишь, живём, хлеб жуём и не тужим.

– В каком же ты классе?

– Я? – удивился Васька, даже шапку со лба подвинул. – Да ты чего! Ни в каком. На хрена мне твой класс, когда я каждый день деньгу домой приношу, больше чем инженер за месяц. Свининка, пожалуйста, первый сорт. Спасибо родной школе, хоть считать выучила. – Васька подмигнул. – Пятью пять – знаешь, сколько будет? Понял? Граждане и особенно гражданочки, продаётся лучшая свинина нашего Краснознаменного района.

Подошла женщина, за ней старушка, стали смотреть Васькин товар и приценяться. Ваське не до меня.

– Да, чуть не забыл, – сказал я, – ты отдал тому шкету ножик?

Васька глянул замутнёнными глазами, потом до него, видимо, дошло. Он усмехнулся и показал кулак.

– Ладно, Васька, прощай, – сказал я.

– Будь, – бросил он. – Граждане, подходите, смотрите, выбирайте и покупайте. Лучшая свинина во всей области.

Я уходил, а Васькин хриловатый, ломкий басок ещё прорывался сквозь базарный говор.

КРАВЧЕНКО ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ **(1937 – 2013)**

Прозаик, журналист. Член союза писателей России.

Родился 18 мая 1937 года в райцентре Брагино Гомельской области. Окончил Мичуринский педагогический институт. Работал в школах Белоруссии. Затем вернулся на Тамбовщину.

Первые публикации Василия Кравченко появились в студенческие годы в газете «Мичуринская правда». Первый рассказ опубликован в 1959 г. в «Тамбовской правде». В 1973 г. вышел сборник повестей «Лето в Озерках». Столичный журнал «Молодая гвардия» напечатал повесть «Братья Карандеевы» (1972).

В последовавших затем книгах рассказов и повестей Василия Кравченко «Грустная история» (1983), «Рассказы о любви» (1991), «Лицедеи» (1992), «Зубы дракона» (1999) и «Острые ощущения» (2003) нашли отражение впечатления детства, жизнь села, работа в школе. Наблюдения над современной жизнью Тамбова сконцентрированы в его романе «Графский наследник» (2000). Материалы записных книжек вошли в книгу «Всполохи» (2001). В 2007 г. в Тамбове вышел роман Василия Васильевича «Сага о заблудших», в первом номере московского журнала «Российский колокол» – напечатана первая глава его романа «Графский наследник».

Василий Кравченко удостоен премии журнала «Подъём» в 1989 г. за рассказ «Недоразумение» из сборника «Личное дело следователя Дудникова» (1990). Рассказ опубликован в «Мичуринском альманахе» (2009).

Скончался писатель 26 февраля 2013 года.

Сочинения:

- Кравченко В. Лето в Озерках. – Воронеж, 1973.
Кравченко В. Время долгих ночей. – Воронеж, 1974.
Кравченко В. Полюшко-поле. – Воронеж, 1974.
Кравченко В. Беспокойный человек. – Воронеж, 1979.
Кравченко В. Грустные истории. – Воронеж, 1985.
Кравченко В. Личное дело следователя Дудникова. – Воронеж, 1989.
Кравченко В. Рассказы о любви. – Тамбов, 1991.
Кравченко В. Лицедеи. – Тамбов, 1992.
Кравченко В. Зубы дракона. – Тамбов, 1999.
Кравченко В. Графский наследник. – Тамбов, 2001.
Кравченко В. Всполохи. – Тамбов, 2002.
Кравченко В. Сага о заблудших. – Тамбов, 2007.
Кравченко В. Дым Отечества. – Тамбов, 2011.

Литература:

- Алёшин, О. «Графский наследник» // Тамб. жизнь. – 2001. – 31 янв.
Дорожкина, В. «И дым Отечества...» / Валентина Дорожкина // Тамб. жизнь. – 2012. – 16 мая (№ 62). – С. 11 : фот.
Дорожкина, В. Кравченко Василий Васильевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Кравченко Василий Васильевич // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 92.
Дорожкина, В.Т. Прозаики и критики [Текст] : Кравченко Василий Васильевич / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 417–426.
Василий Васильевич Кравченко: к 60-летию со дня рождения // Тамбовские даты. 1997 год. – Тамбов, 1997. – С. 47–49.

- Кравченко Василий Васильевич // Родной мой край литературный. – Тамбов, 1996. – Вып. 2. – С. 58–60.
- Кравченко, В.В. Место в жизни [беседа с писателем Василием Васильевичем Кравченко / вёл Олег Алёшин] // Тамб. жизнь. – 2008. – 8 февр. – С. 4 : фот.
- Наседкин, Н. От Державина до... / Н. Наседкин. – Тамбов, 1993. – 56 с. – Из содерж.: О В. В. Кравченко. – С. 46–53.
- Наседкин, Н. Портос: (В.В. Кравченко) // Наседкин, Н. Литературные мушкетёры / Николай Наседкин. – Тамбов, 1996. – С. 77–105.
- Рачков, Д.А. Самое трудное // Рачков, Д.А. Книги наших земляков / Д.А. Рачков. – Тамбов, 1990. – С. 33–37.

Дым Отечества

рассказ

По Верхотурью прокатился слух – приезжает важная немка, баронесса: у неё во время войны в этом селе погиб брат. Главе администрации района Соловьёву позвонили аж из Москвы, чтобы организовал всё должным образом. Виктор Павлович не стал ломать голову, а тут же вызвал хозяйку кафе «Рябинка» Зинаиду Баеву и дал наставление:

– Приведи в порядок отдельный кабинет. Никаких забулдыг туда не пускай. И чтобы наготове были всякие там салаты, котлеты. И рыба. Да не хек, сама понимаешь...

– Хек ещё поискать надо!

– Не умничай! Курятину не подавай: у них это – дешёвка.

– Платить кто будет? – задала вопрос Зинаида, работавшая раньше в кафе официанткой, но сумевшая так повернуть дело, что бывшая районная столовая перешла в её собственность.

– Гм... А за счёт заведения?

– Виктор Павлович! Сколько можно? Ещё и немцев кормить буду? Добро бы одну, куда бы ни шло. Не каждый день баронессы бывают в моём кафе. – Зинаида засмеялась, представив свою публику. – У неё сколько сопровождаемых будет? И немцев, и наших.

– Гм... Над этим подумаем, – почесал затылок глава района. Ну, морока... Придётся из бюджета выкраивать. Как помощь малоимущим.

– А зачем она приедет, баронесса эта?

– Да брат у неё здесь погиб. Обер-лейтенант. Тоже барон. Желает поклониться, так сказать, могилке.

– От жиру они бесятся, – сказала Зинаида. – Делать нечего, вот и ездят... А что, и могилка нашлась?

– Тебе бы, Зинаида, следователем работать, – с досадой ответил глава района. – В самом деле, ведь спросит... А где он похоронен? Кому он нужен был, этот барон?

– Надо Ивана Бастрыкина поспрашивать, – посоветовала Зинаида. – Он вроде, говорят, с партизанами знался...

– Так, короче говоря... Ты можешь идти, – подытожил Соловьёв, хлопнув по столу ладонью. – Мы тут обмозгуем...

Часа через два старый, потёртый и слегка пьяный, а может, просто не похмельный, Иван Бастрыкин сидел в кресле возле стола главы администрации.

– Обер-лейтенанта? Помню! Как же, отлично помню! – громко и уверенно говорил он. – Поступило мне такое приказание: уничтожить этого вредного фрица. Каратель был!

– Дед! Что ты несёшь! – прервал его Соловьёв. – Тебе сколько лет было? Не больше двенадцати?

– Ха! Мы тогда, знаешь, какие были! Орлы! Не зря же меня признали ветераном. И пенсию получаю ветеранскую...

– Ладно, Иван... Как тебя по батюшке?

– Степаныч.

– Иван Степаныч, не будем касаться твоей пенсии. Получаешь – и слава Богу. Ты не можешь вспомнить, где похоронили этого самого обера?

– Помню! В аккурат за селом.

– А место найдёшь?

– Запросто! Мне бы только вот самую малость...

Бастрыкин щёлкнул себя по кадыку и затем пальцами изобразил, сколько ему нужно для просветления памяти.

Соловьёв покривился, но открыл сейф, достал бутылку и налил в стакан. Секунду помедлил и налил во второй, для себя.

Потом они поехали за околицу. И, правда, Бастрыкин, ковыляя на старческих, пришибленных алкоголем ногах, уверенно повёл Соловьёва среди бурьяна к старой берёзе, возле которой виднелся бугорок.

– Вот здесь! В самый аккурат!

– Ты уверен?

– А то! Точнее не бывает.

– Ладно, спасибо. Вот тебе ещё на опохмелку.

– Уважаю, – сказал Бастрыкин, пряча ассигнацию. – Это натуральная власть, когда при деньгах.

Савельев негромко ругнулся, сел за руль и отвёз Бастрыкина в центр села, а сам завернул в мастерскую по ремонту сельхозтехники. И на следующий день возле могилки обер-лейтенанта была возведена железная оградка, выкрашенная в зелёный цвет...

А затем приехала она, самая натуральная немецкая баронесса, дама лет за шестьдесят, в белоснежном костюме, розовой шляпе с широкими полями, вся накрашенная и надушенная. С нею, конечно, –всяческий народ. Когда сели за стол, то набралось человек пятнадцать.

Баронесса Берта фон Зауриц, урождённая фон Штаубе, хоть и с заметным акцентом, но хорошо говорила по-русски.

– Наша семья до революции, когда у вас был царь, жила в Петербурге. Наш прадед был банкиром. А потом, когда началась у вас гражданская война, семья переехала в Германию. Дедушка заранее перевёл капиталы и открыл банк в Мюнхене. Наша бабушка была русской. И мама

тоже. Она тяжело перенесла гибель Курта. Я его совсем не помню, потому что была ребёнком. У нас всегда висел на стене его портрет. И мама завещала мне, чтобы я нашла его могилу. Потому я и приехала. Мне сказали, что могила существует...

– Да-да, – торопливо подтвердил Соловьёв, – наши следопыты разыскали. Привели в порядок. Можно хоть сейчас...

– Нет, я устала... Давайте с утра.

– Вы будете ночевать? – удивлённо и вместе с тем озабоченно протянул глава. В его планы это не входило. Мысленно он прикидывал, во что обойдётся ему это гостевание.

– Да, я хочу посмотреть этот населённый пункт. Эти улицы, по которым ходил мой брат... Я представляю, как ему было здесь одиноко, – с грустью говорила баронесса.

– Да уж, конечно, – тоскливо кивал головой Савельев.

После обеда, во время которого гостья съела ломтик рыбы с отварным картофелем и блинчик с творогом, её повели в районную гостиницу, где ещё от прежнего режима остался «обкомовский» номер с санузелом и ковром на полу. Последнее время здесь жили кавказские торговцы, но в данный момент номер пустовал. Канализации в селе не было, пользовались выгребной ямой, поэтому из унитаза всегда мерзко пахло. Вспомнив об этом, Савельев поморщился, но отступить было некогда.

Баронесса, конечно, сразу учуяла этот запах и запротестовала:

– Я здесь не буду спать! Бедный Курт! Я представляю, как он мучился в этих условиях! Дайте мне люкс! Я хочу за свои деньги получить человеческие условия.

– Это и есть люкс! – сказал Соловьёв. – Лучше у нас ничего нет.

– Поедем в областной центр, – предложил кто-то из начальства повыше. – Тут и есть полсотни километров.

– Хотите разбить меня на этой ужасной дороге? Нет, уж лучше я здесь останусь, – смирилась баронесса. – Может быть, здесь ночевал мой брат...

Разубеждать её никто не стал. Во время войны и самой гостиницы-то не было, не то, что «люкса» с унитазом.

Распрощавшись с аристократической гостьей, все вышли на улицу, где взмокший глава района вытер лоб и ругнулся:

– На кой хрен нужна нам эта б... баронесса? Кто это придумал?

Представитель германо-русской дружбы из Москвы оправдывался:

– В рамках заключённых соглашений...

– Рамки... Они тут народ вешали, а нам принимай...

На следующий день после завтрака, за которым баронесса есть ничего не стала, а потребовала сливок, кофе и рогалик (за сливками сбегали в молокоприёмный пункт, а вместо рогалика подали вчерашнюю ватрушку), к могиле отправилась целая процессия. С букетом в руках впереди шёл сам

Савельев (цветы срезали у здания администрации), рядом с ним – баронесса, а уж остальной народ – за ними.

Возле холмика с оградкой гостя рукой остановила процессию, взяла цветы и одна пошла к могиле. Долго стояла молча, вытирая белоснежным платочком сухие глаза.

Возвратившись к остальным, она произнесла:

– Я понимаю... Они пришли сюда как завоеватели... Их ненавидели. Но ведь они были мальчишками. У них тоже были мамы и папы... Я не помню Курта, но знаю, что он был добрый и искренний. Давайте простим их всех. Они не виноваты. Ведь правда же?

Присутствующие молчали. Они не знали, что говорить, у каждого в роду были погибшие на той войне. Надо ли прощать того, кто пришёл с мечом на чужую землю? Ну, жаль, конечно, это всем понятно...

Соловьёв, прерывая затянувшуюся паузу, сказал:

– Фрау Берта, у нас запланировано посещение пасеки.

– Ах, пасеки! Это очень хорошо, – охотно переключилась баронесса.

Все облегчённо вздохнули и отправились в село.

К вечеру немецкую гостью, нагруженную сувенирами и гостинцами, отправили в областной центр, откуда она отбыла в Москву. А те, кто остался в селе, потирая руки и посмеиваясь, зашли в кафе «Рябинка» и как следует отметили выполненный долг гостеприимства.

Мы же вернёмся к военному времени, к сорок третьему году, – к тем событиям, которые предшествовали гибели обер-лейтенанта.

* * *

На первый взгляд, казалось: ничто не свидетельствует о проходящей где-то линии фронта. Утрами, когда крепкий мороз сковывал деревья и покрывал их густым инеем, над крышами стояли дымы. Кто топил дровами, у тех они были светлее и быстрее, а кто мог разжиться только кизяками или соломой, у того из трубы валил густой, тяжёлый дым и быстро оседал на землю, расстилая прелый запах.

Затаившиеся петухи иногда нарушали покой, но быстро умолкали. Им было отчего таиться: голодная солдатня рыскала по селу в поисках поживы.

Шёл второй год войны. Фронт уже откатился от Волги, и тихими утрами, если прислушаться, можно было уловить гулкие удары, словно кто-то обухом бил по твёрдому пню.

Обер-лейтенант барон Курт фон Штаубе каждое утро, без пяти минут восемь, выходил из дома, натягивая на ходу перчатки из прекрасной кожи (подарок мамы перед отправкой на фронт), садился в коляску мотоцикла и ехал на службу в комендатуру.

Хозяйка дома Вера Степановна, бывшая до войны колхозным бухгалтером, с ненавистью наблюдала из окна за своим постояльцем. С полгода назад он заявился в дом непрошенным-незванным, прошёлся в

сапогах по всем комнатам и сказал на чистом русском языке, правда, чуть картавя:

– Я здесь буду жить. Вот здесь и здесь, – он показал рукой на две смежные комнаты. – Я люблю чистоту.

Делать нечего. Перетащила Вера Степановна с дочерью Катей свой скарб в небольшую спальню. Вера Степановна достала из кладовки старый тюфяк, постелила у стенки, а дочке отдала кровать.

Немец оказался спокойным и вежливым. Он брился каждый день, и хозяйка обязана была подавать ему горячую воду; ежедневно менял рубашки, их надо было стирать и гладить; одекolonился и натирался какими-то пахучими кремами и мазями.

– Прямо парикмахерскую развёл, – ворчала Вера Степановна. – Меня уж бабы сторонятся, так от меня пахнет.

– Сразу видно культурную нацию, – возражала ей Катя. – Да к тому же – барон!

– Ты не очень-то верти перед ним задом! – прикрикнула мать. – А то я не вижу! Наши двое на войне. Неизвестно, живы ли они...

Вера Степановна всплакнула. Муж её, тракторист МТС, ушёл в танковую часть с первых же дней войны, а Виктор, сынок, – следом за ним, добровольцем. Ему ещё и восемнадцати не исполнилось. Своими мужиками Вера Степановна гордилась: не пьющие, работающие, вот этот дом-красавец срубили на удивление всему селу. Витька, правда, дальше семилетки не пошёл, не манила его наука, мечтал выучиться на тракториста, как отец, даже прицепщиком у него работал. Но война спутала все планы. Счастливы жили, дай Бог каждому, да вот немчура проклятая навалилась...

А Катя и в самом деле не в меру вертелась перед бароном. Он, конечно, молодой и даже красивый, но ведь немец! На них, на хозяек дома, смотрит как на пустое место: в глазах даже презрения нет, а просто – холодная вода.

– Я очень люблю чистоту, – повторил он на второй день постоя. – Вы эти тряпки сбросьте, – показал он пальцем на домашнюю одежду Веры Степановны. – Всё должно быть красиво. Культурно.

Пришлось доставать из сундука праздничную шерстяную юбку, штапельную блузку, которые раньше надевала только к Первомаю да на Октябрьскую.

Остроглазая соседка Нюра Бастрыкина это заметила и съязвила:

– Чтой-то ты, Степановна, по будням наряжаться стала... Повезло тебе с постояльцем. Вона сколько дров привезли! Топишь так, что стены трещат от жары на всю деревню.

Ух, язва проклятая! Так бы и вырвала ей поганый язык. Ну, а насчёт дров – это правда. Солдаты привезли громадную машину, напилили, накололи и в поленицы сложили. А дрова – берёзовые, дым из трубы столбом стоит, всему селу видно...

В доме было тепло, сухо, и зимними вечерами обер-лейтенант расхаживал по дому в шёлковом халате, напевая свои любимые мелодии из оперетт. Однажды он привёз патефон, стал крутить пластинки, а потом позвал Катю:

– Фройлейн Катя! У меня сегодня день рожденья. Я не стал приглашать своих товарищей, всё это – грубая солдатня. Потанцуйте со мной, это не есть предательство, – добавил он со смешком.

На столе у него стояла бутылка вина, на тарелочке лежали ломтики колбасы. Конечно, что возьмёшь с этой дурёхи Кати? Ей едва стукнуло восемнадцать. Напялила платице, из которого уже малость выросла, и юркнула на половину немца. А Вера Степановна сидела на кухне и с замиранием сердца слушала, что там делается.

Смеялись. Размеренным голосом барон что-то говорил, а Катя похихикивала. Прижимал он её, наверное, потому что иногда она негромко взвизгивала. Вышла Катя раскрасневшаяся, довольная.

Укладываясь спать, Вера Степановна сказала дочери:

– Ты не больно-то с этим бароном...

– Ой, да что ты, мама! Он такой культурный, вежливый... Ты знаешь, где учился Курт? В Ленинграде!

– Для кого Курт, а для тебя – барон! Ты для него – тля! Поняла? Ничто! Прислужница.

– Курт – интеллигентный человек. Он не фашист.

– Да? А кто повесил Никиту Боженка?

– Он не вешал!

– Конечно. Стал бы он руки марать. Приказал – и всё.

Катя хлопнула дверью и выскочила на улицу. В это время подъехал барон. На этот раз он сам сидел за рулём. В окно Вера Степановна видела, как он поманил рукой Катю, что-то сказал, и она обрадовано плюхнулась в коляску. И поехали по улице! Это сколько же народу глазело на такое представление! Вера Степановна залилась слезами от стыдобы.

А дальше – больше. Через несколько дней приходит эта змея ползучая – Нюрка Бастрыкина. Прикинулась этаким овечкой несчастной. Лицо горестное, как на поминках. Развернула узелок, достала сала кусочек да пяток яиц.

– Вот, Степановна, гостинец тебе... Знаю, что извела ты своих курочек.

– С чего это, Нюра, ты добрая такая?

– Дак времечко такое. Все мы должны друг дружке помогать. Моего Ванечку арестовали. Не слыхала? Вроде бы он, значит, помогает партизанам.

– Да какой из него партизан?

– Вот и я говорю. Ему всего-то пятнадцать.

«Ну, все семнадцать есть, – мысленно прикинула Вера Степановна. – Партизан! С парнями обчистил немецкий склад. Про это всё село знает. На рынке консервы продавал». А вслух сказала:

– Жаль парня...

– Степановна... Я чего к тебе... Ты бы замолвила слово.

– Перед кем? – вроде бы не поняла хозяйка, а у самой щёки загорелись.

– Ну, перед немцем своим.

– Он такой же мой, как и твой. Возьми да сама к нему и сунься.

– Ага, к нему сунешься. А вы всё ж родня...

– Какая родня? Ты, часом, не рехнулась?

– Ну, Катька твоя... Вроде как любовница у него.

– Чтоб у тебя язык отсох! А ну, убирайся отсюда со своими яйцами! – закричала хозяйка.

– Правда глаза колет? С чего ты стала наряжаться по будням? Всё село про это говорит. Погоди, вот наши придут... Баронесса сраная. Они тебе покажут, где раки зимуют.

– А я тебе сейчас покажу! – Вера Степановна схватила кочергу, и Нюрка пулей выскочила из дома.

– Потаскуха! Ты всегда такой была! За это и в бухгалтерях держали! – орала на всю улицу соседка.

На улице никого не было, но из окон прямо уши торчали. Скандал получился отменный. После такого – хоть в прорубь головой.

Когда Катя заявилась домой, мать набросилась на неё:

– Я тебе говорила? Я тебя предупреждала? Ты где шляешься целыми днями?

– А то ты не знаешь! На зерноскладе зерно просушиваем. Дай лучше поесть. Голодная, как собака.

Катя присела к столу. Лицо у неё было бледное, по виску стекала капля пота.

Перестав кричать, Вера Степановна обеспокоено спросила:

– Ты чего это? – и недобрая догадка полоснула в груди.

– Тяжёлая я, – тихо призналась дочь.

– Доигралась, сучка, – только и смогла вымолвить Вера Степановна.

Она обречённо опустила руки на колени. – И что прикажешь теперь делать?

– Аборт...

– Где?! Кто сделает?

– Ну, тогда я с ним уеду...

– С кем?

– С Куртом.

– В Неметчину? Так он и взял тебя, дуру деревенскую.

– Они отступают.

– Драпают. Слава Богу. И ты, значит, драпанёшь с ним, а я тут останусь для позора?

– А чего позорного? Любить человека – это позор?

– Так немец же. Оккупант. Фашист.

– А я виновата, что он мне понравился?

Мать с удивлением смотрела на дочь. Её ли кормила она своей грудью, качала на коленях? Когда она просмотрела её?..

К вечеру объявился барон. Молча прошёл на свою половину, снял шинель, а уж затем предстал перед хозяйкой:

– Фрау Вера Степановна! Я честный немецкий офицер. И не оставлю Катрин в таком положении. Завтра мы уезжаем. Соберите ей вещи. Самое необходимое...

И скрылся за дверью. Он не просил, не виноватился, он оставался бароном и оккупантом – он приказывал...

Сгущались сумерки. Вера Степановна зажгла керосиновую лампу (керосин тоже добывал постоялец), стала налаживать печку. Дрова были сухие, разгорались быстро и весело потрескивали.

Катя демонстративно прошла в комнаты немца. Зачем теперь скрывать свои отношения? Слышались приглушённые голоса. Скрипнула кровать. Потом наступила мёртвая тишина.

Вера Степановна вышла во двор. В ясном небе висела большая яркая луна. К ней тянулись редкие дымы, остро пахло палёным навозом. Где-то тихонько скулила голодная собака. Прислушавшись, женщина уловила глухие удары, тоскливо подумала: «Наши идут». Ещё недавно это вызвало бы в её душе радость, а теперь тревога заставляла сердце учащённо биться.

Посмотрев на село, Вера Степановна перекрестилась и вернулась в дом. Подбросила дровишек в печку, подождала, пока они хорошо разгорятся. А когда от них остались только уголья и по ним забегали зелёные язычки, она широко распахнула дверцу печки, а вьюшку задвинула до упора. Села к столу, положила голову на руки и уснула...

* * *

Отгремела война. Погожим летним днём в село вошёл безрукий солдат, весело поглядывая по сторонам. Встречные здоровались с ним, но солдат чувствовал в их взглядах не любопытство и радость, а какую-то тревогу и сочувствие. Причину он понял сразу, как только подошёл к своему дому с заколоченными окнами. Он сел на ступеньку крыльца и опустил голову. К нему подошла соседка Бастрыкина, горестно посмотрела, поджав сухие тонкие губы.

– Ты, что ли, Витёк?

– Он самый.

– А я смотрю...

– Где мои?

– Так ты ничего не знаешь? Батя твой под Курском... А маманя с Катькой газом отравились...

Тут соседку прорвало, горестное выражение лица исчезло, она с азартом стала рассказывать о событиях последних дней оккупации.

– Иди, – сказал Виктор, выслушав её информацию. – Знаю я твой брехливый нрав. Иди, а то прибью.

Угроза прозвучала тихо, но так, что соседка поспешила убраться восвояси... Виктор провёл рукой по стриженным волосам. Выходит, зря воевал? Ни дома, ни семьи. Дом, конечно, вот он, стоит целёхонький, да как же в нём жить?..

К вечеру, забросив на плечо тощий солдатский вещмешок, он покинул село. За его спиной полыхал их дом, но он ни разу не обернулся. Надолго они с отцом строили его, для многих поколений. Мечтали о счастливой жизни...

... Прошли годы. Подрос Ванёк Бастрькин. Прямо сказать, парень оказался непутёвый: и попивал, и поворовывал, и хулиганил, но как-то ловко избегал отсидки.

А однажды в райцентровской столовой похвалился дружкам:

– А ведь это я обер-лейтенанта порешил. По заданию партизанского штаба. Проник в дом и закрыл выюшку.

– Врёшь, Ванёк! Тебя бы за это наградили.

– По малолетству обошли...

Выдумка эта крепко засела Бастрькину в голову. Путёвого человека из него не вышло, на одном месте долго не работал, и когда дело подошло к пенсии, тут он и стал козырять своим «подвигом». Заручился-таки двумя свидетельскими показаниями, что действительно помогал партизанам, приносил ценные сведения. А поди, докажи, что это не так, если в живых осталось-то всего – ничего. Признали Бастрькина ветераном войны, стал он перед молодёжью выступать, а потом и ветеранскую пенсию получать. На посещение «Рябинки» хватало. Тут он фраерился:

– Дают, значит, мне задание: взорвать вражеский эшелон...

– Да хватит заливать, Ванёк!

– Для кого Ванёк, а для кого – Иван Степанович! Сейчас как врежу по-партизански...

С ним не хотели связываться. Ну, приведут в милицию, там пожурят ветерана и домой отвезут. Свои же все...

После того, как уехала сестра обер-лейтенанта, Бастрькин сидел с дружками в кафе и саркастически улыбался.

– Ты что такой загадочный, Ванёк? – спросили у него. Несмотря на почтенный возраст, «ветерана» так никто по отчеству и не величал.

– Да как же... Эта баронесса-то... Цветочки на могилку. Слёзки пустила. А знаете, кто там покоится?

– Ну?

– Я своего пса Дружка там зарыл. Года три назад издох. Мне жалко было его в овраг выбрасывать. Славный был пёс. Вот я его там и зарыл.

– Зря ты так, Ванёк... Как-то нехорошо...

– Ага, а вешать людей – хорошо?

– Ну, тебя же не повесили? А ведь это ты склад обчистил...

– Мне было такое задание. Сейчас как врежу!..

Такая вот история приключилась в селе Верхотурье. Кто хочет подробнее – расспросите Ванька Бастрыкина. А найти его просто: кафе «Рябинка», в центре села.

Эхо рассказ

Женился Санёк Зубарев. Стоя на крыльце и наблюдая за подъезжающими машинами, из которых выпрыгивали молодцеватые дружки жениха и юные подружки невесты, я думал о том, как же неумолимо быстро бежит время. Ну, вот же, кажется, ещё вчера Санёк ходил своей валкой, бездельной походкой, держа за руку свою невесту, ещё вчера только закончил он десять классов, а сегодня уже – жених. Да какой там жених – муж! Мужчина. В скором времени – глава семейства, потому что, как сообщили всезнающие бабушки, постоянно несущие вахту на крыльце нашего большого дома, невеста-то уж на сносях.

Санька я знал с малых лет. Он относился к числу тех мальчишек, которые лезут во все дырки, но нигде не преуспевают. И на хоккейной площадке он торчит, и возле мопедов, с которыми возятся старшие ребята, и курить начинает где-нибудь за гаражом, но ничего у него толком не получается, ребята его затирают. Вот только в курение втягивается крепко, и остаётся это за ним на всю жизнь. Так и Санёк. Был он толстеньким, крепеньким, то ли маменьким сынком, то ли дедушкиным внуком. Говорю это потому, что лет с двенадцати Санёк остался жить с дедом, а родители его ушли в новую квартиру. Я, понятно, не вникал в суть такого явления, своих забот – невпроворот. Просто видел почему-то Санька чаще других подростков и обращал, естественно, внимание на то, что больше он общается с дедом, чем с родителями.

Незаметно как-то сформировался он в плотного, валкого юношу, стали пробиваться усики, сигарету он уже не прятал в рукав при встрече и здоровался небрежно, чуть фамильярно, не преступая, однако, определённых границ. После десятилетки он куда-то пробовал поступать, потом работал в одном месте, в другом – уходил, не нравилось, и я видел его в основном с девочкой, которую Санёк держал всегда за руку, словно боясь, что она убежит.

Я неплохо знал его отца – Ивана Егоровича, работавшего директором крупного завода. Нам иногда приходилось встречаться на сессиях горсовета, пленумах горкома партии, и мы разговаривали с ним как добрые соседи. Но, встречаясь во дворе дома, на лестничной площадке, мы лишь раскланивались, словно и не знали, как зовут друг друга по имени-отчеству.

В последние годы, замечал я, Иван Егорович стал замкнут, хмур, с работы возвращался на машине, хотя раньше всегда ходил пешком. А потом,

когда он получил для своей семьи квартиру и съехал с нашего двора, я видел его редко, он не замечал меня, и я ничем не мог объяснить такую перемену.

Егор Павлович, дед Санька, старик лет шестидесяти пяти, получал пенсию и работал где-то вахтёром. Был он сух, подвижен и очень уж неразговорчив, что я считал признаком нелюдимости, даже неуважением к окружающим. Сколько я помню, жены у него не было, и просто приходилось поражаться, как уживаются эти двое – бездельник Санька и всегда озабоченный его дед. И, тем не менее, жили они мирно, без скандалов. А когда Санька женился, привёл в дом свою худенькую жену и у них вскоре появился ребёнок, Егор Павлович стал появляться возле дома с коляской, прогуливая своего правнука.

Никогда не приходилось видеть мне Егора Павловича с наградами, с разными ветеранскими значками, которыми любят украшать выходные костюмы иные старички. У меня даже складывалось впечатление, что Егор Павлович и не воевал, отсиделся где-нибудь в тылу, а то и вовсе избежал военной службы. Сколько было таких, кто и не по своей воле отсиделся на «броне», натерпелся у замерзающих станков на скудном тыловом пайке. Что мы знаем об окружающих нас людях? Судим о них по внешним приметам да по тем немногим словам, которыми удаётся иногда перекинуться на ходу.

Тянуло меня почему-то к Егору Павловичу. Особенно интересен стал он мне после того, как увидел я его с детской коляской. И не то чтобы это не вязалось с обликом старика, совсем наоборот, возле коляски он стал другим: глаза наполнились жизненным блеском, и казалось, что за коляской идёт человек, воодушевлённый грандиозной идеей.

Однажды, когда Егор Павлович присел на скамейку возле песочницы, я подошёл к нему, поздоровался и услышат то, что так хотел услышать:

– Присаживайтесь.

Стоял прекрасный осенний вечер, листва на деревьях только начинала желтеть, воздух был свеж, но не было в нём стылости, присущей осени, а светлое, чистое небо обещало тёплую погоду.

– Как вы управляетесь? – спросил я, кивая на коляску.

– А что поделаешь? Молодым хочется развлечься... А мне не привыкать. Я на всё годный. Прошёл огни, воды и медные трубы... Вот вспомнилась мне эта поговорка и никак не пойму: а медные трубы причём здесь? Огни и воды – это понятно. А медные трубы? Вы не знаете?

– Нет, – засмеявшись, ответил я.

– А мне вот подумалось, что медные трубы – это те, в которые мы трубили многие годы... Трубили о наших достижениях. Выдавали желаемое за действительное.

Я с удивлением глядел на собеседника. Всё же вошло в привычку слышать от ветеранов именно о достижениях, о том, как они в поте лица своего добывали для нас светлое будущее, а мы не умеем держать счастья в руках.

– Не смотрите на меня так, – продолжал Егор Павлович. – Я не отношусь ни к злопыхателям, ни к очернителям. Так ведь ещё совсем недавно называли мы людей, которые реально смотрели на нашу жизнь? Одного моего товарища исключили из партии за то, что он писал письмо в Москву... Хотел кое-кому глаза раскрыть... Часто приходилось читать о том, что все мы заблуждались. Всеобщее затмение в мозгах было. Неправда это! Просто народ терпел и приспособлялся. Сопротивляться не было сил. Машина подавления свободомыслия была очень мощной, а народ обессилел. Посудите сами: гражданская война, коллективизация, чума тридцать седьмого года, Великая Отечественная... Сколько миллионов людей погибло! Лучших людей... Я вот, например, прозрел давно. Ещё в войну. Хотя, скрывать не стану, был до того самым ярым сталинистом. Хотите, расскажу? А вы напишите об этом. Только без моей фамилии.

Я промолчал. Сколько раз приходилось мне слышать: напишите! И каждый человек считает, что его жизнь или случай, рассказанный им, может служить основой для целого романа. А начнёт рассказывать – обычная банальная история, иногда попросту придуманная.

– Впрочем, – продолжал Егор Павлович, – можете и фамилию указывать. Она у меня не настоящая. Да-да, вот уже более сорока лет я живу под другой фамилией. И вам первому говорю об этом открыто. Без страха. Первый раз в жизни, – вздохнул облегчённо Егор Павлович. Уловив удивление на моём лице, удовлетворённо воскликнул: – Ну, вот, наконец-то, вы и заинтересовались! Пока дитя грядущего века спит, я вам расскажу. Да... С чего же начать? Гм... Не сразу и сообразишь. В общем, был я в таком же возрасте, как Санёк, мой внук. И строил я коммунизм. Ни больше, ни меньше! Даёшь коммунизм – и никаких гвоздей! Работал на заводе, учился в вечерней школе. Да не как-нибудь учился, а по-настоящему. У нас если кто двойку получал, то его на бригадном собрании разбирали. Не то что теперь: лишь бы ты числился в списках вечерников, а уж за тебя учителя постараются, перетянут в следующий класс. Впрочем, не буду осуждать я это время. Может быть, я многого уже не понимаю... Ну, учился я в вечерней школе. Хотел поступить в военное училище. Шла война в Испании. Вместе с другими ребятами обивал порог военкомата. Военком как-то сказал нам: «Погодите, парни, скоро всем работа найдётся». И мы понимали, что предстоит война с фашизмом, с Германией. Я налегал на немецкий язык. Учительница у нас была слабенькая, сама еле «шпрыхала», а я её донимал вопросами, она даже жаловалась на меня директору. А мне же всё нужно было знать: как по-немецки автомат, пистолет, сколько в роте человек и так далее. Я же собирался на практике применять свои знания. А кроме школы я ещё ходил в политкружок. И там тоже подмывало меня вопросы задавать. Кружком у нас на заводе руководил инженер из выдвиженцев. Образования, значит, у него не было, а выдвинули как пролетарски сознательного человека. Он газеты прочитает и шпарит нам по газетам. А мне хотелось в суть вещей вникнуть. Однажды я возьми да и спроси: «Прошу рассказать об

экономическом потенциале фашистской Германии. Насколько она отстаёт от нас». Нахвтался ведь слов – потенциал! Вот этот потенциал и подвёл меня. На второй день прямо с работы взяли меня в НКВД. Допрашивал молодой, лет тридцати, капитан. Это даже на допрос не похоже, а так – издевался надо мною. Играл, как молодая кошка с мышкой. Не доводилось видеть? Первую свою мышку кошка не съедает. Она мнёт её в зубах, отпускает, снова ловит, изворачивается вся возле этой мышки, так ей хорошо... Вот и капитану было хорошо. «Ну, выкладывай, когда тебя завербовали», – спросил он, весело скаля зубы. Канищев была его фамилия. Вовек не забуду: Герасим Сергеевич Канищев. Чёрт знает как бывает в жизни... Из русских же, из крестьян, с самым кондовым именем – Герасим. И на вид весь русский: нос рязанский, вздёрнутый, скулы широкие, волосы прямые, светлые. Коренастый, крепкий... Ему бы за плугом ходить, а не с наганом на боку. Задал он мне вопрос, а я молчу, на него гляжу. «Ну, чего зенки вылупил? Признавайся сразу: кто, где и когда тебя завербовал в германскую разведку? Признаешься – скостим срок. А иначе...».

Об арестах, врагах народа, шпионах – обо всём этом я уже слышал. И даже приходилось слышать, что берут людей, почём зря, совсем невиновных. Я этому не верил. Как это невиновного посадить? Государство же у нас народное, социалистическое, не какая-нибудь фашистская Германия, которая является тюрьмой народов. Ну, и пытаюсь объяснить следователю, что я рабочий парень, родители мои – тоже рабочие. С чего бы это я продался? «Да знаю я, – говорит мне следователь. – Кому ты нужен? Ни *а*, ни *б* не смыслишь ты в шпионаже. Но вопросы провокационные задавал? Задавал. Немецкий язык изучаешь? Изучаешь. Для чего? А для того, чтобы перейти границу...».

Тут я прямо закричал от возмущения. Во всех же школах изучают немецкий! А что до провокационных вопросов, так я понятия не имею. Когда я их задавал? И кому? Это клевета. «Как не задавал? – с насмешкой удивляется капитан. – А кто спрашивал об экономическом потенциале Германии? И насколько мы опережаем её! Это же прямая насмешка. Это ты, со своим суконным рылом, опережаешь Германию? Над чем вздумал смеяться? Над нашей любимой Родиной?!»... И понёс. Я ему говорю, что все наши газеты об этом пишут. «Ты дурачком не прикидывайся, – отвечает мне следователь. – Газеты пишут не для нас, а для заграницы. Чтобы немцам и разным англичанам мозги пудрить. А ты, парень, коль попал к нам, то уж так просто не выйдешь. Не в хороший момент ты попал. У нас затишье. Понимаешь? Давно никакого дела не случилось, и там, кто наверху, уже начинают на нас коситься. Дескать, даром хлеб едим. Так что и ты меня пойми. Я знаю, что ты пентюх, губошлёп и наивный патриот. Знаю всё это, но выпустить из капкана не могу. Так что мой тебе совет: признавайся. Называй две-три фамилии, с кем ты общался, и мы тебя по-хорошему посадим на десять лет. А иначе пытаться будем. Тогда потянешь на двадцать пять».

Я просто потерял дар речи, насколько всё было неправдоподобным. Потом я подумал, что меня разыгрывают. Вот сейчас капитан расхохочется и отпустит меня восвояси. Но капитан вызвал конвой, и отвели меня в камеру... Не стану рассказывать я всего, что довелось мне испытать, какие пытки перенёс я. Но никаких фамилий я не называл и ни в чём себя не оговорил. Собралась «тройка», дали мне восемь лет и отправили по этапу. Там, на этапе, мужичок один, из крестьян, рассказывал мне об этом Канищеве. Он ещё молоденьким лейтенантом кулаков на Соловки отправлял. Ну, в юности он за девушкой ухаживал, хотел даже на ней жениться, а она ему – от ворот поворот. А когда раскулачивание началось, он и объявился в районе уже начальником – с ромбиками в петлицах, в ремнях, с пистолетом. Ремни скрипят, сапоги скрипят, нос кренделем – не подступись! Девушка его замуж вышла, уж двое ребятишек. А он к ней прицепился, при живом-то муже, склоняет её к сожительству. А когда увидел, что добром не получается, то записал её мужа в кулаки, пришёл сам за ним, загнал его на печку, угрожая наганом, и с женой его такое сотворил... Мужик с горя повесился, жена – в прорубь головой, а дети неизвестно, куда и подевались. Вот такой он был, Канищев. Да... Ну, мотал я срок, как началась война. Все политические, такие, как я, стали проситься на фронт. И когда немцы подошли к Москве, то начали из нас формировать штрафные батальоны. Ты знаешь, что это такое? Нет, ты не знаешь, ты представления не имеешь. Мы поднимались в атаку без оружия в руках. Без ничего! Оружие ты должен добыть в бою сам.

В первом же бою меня ранило, я потерял сознание, а очнулся в плену. Хрен редьки не слаще! Но это ещё был не лагерь, нас держали в пакгаузе на железнодорожной станции. Рану мою затянуло быстро. А ранило в голову, ходить я мог и стал подбивать пленных на побег. Чего ждать? Нужно бежать. Мне говорят: дурной, тебя же свои и расстреляют. Ты не имел права сдаваться, ты же штрафник, из политических заключённых... И всё же я подбил несколько человек. Ночью, во время артобстрела, мы через крышу выбрались из нашей тюрьмы и бежали в лес. Полураздетые, разутые, голодные... А на дворе – под сорок градусов. Стали ребята меня проклинать. Лучше бы, говорят, мы сидели в тюрьме, может, живы остались бы, чем перемёрзнем тут все... На наше счастье, набрали мы на место недавнего боя. И наших там полегло немало, и немцев. Сняли мы с трупов одежду, даже кое-каким оружием обзавелись, зажигалку нашли, костёр развели – ожили, стали думать, как дальше быть... В общем, на своих мы набрали недели через две – обовшивевшие, измождённые, истощённые. И сразу нас – пред светлые очи «особого отдела»: откуда, кто, с какой целью? И попробуй ведь что-нибудь доказать! Бесполезно. Мне вообще никакой веры не было. Осуждён за шпионаж. Так? Значит, добровольно сдался в плен, перешёл на сторону своих, то есть немцев, значит – расстрелять! Запирают меня в какой-то камерке. Штаб и «особый отдел» находились в здании сельской школы. Жить мне осталось до рассвета. Почему это заведено – казнить на рассвете?

Чтобы человек так и не увидел солнца? Чтобы щебет птиц растравил его душу? Гибель моя была неминуема... Но шальной снаряд угодил в школу, разворотил её и дал мне свободу. Отбежав от села километра два, я опомнился и с ужасом понял, что обратного пути нет. Останься я на месте, мои судьи ещё могли что-то усмотреть в этом, но после побега... И снова лес. Я один теперь в этом лесу. Беззащитен против зверя и человека. Впрочем, думаю, попадись мне на ту пору зверь, он сам бы испугался меня... Коченеющего, на последнем издыхании, подобрали меня партизаны. Выходили, отмыли, побрили – и к уполномоченному «особого отдела»! Отвечай, кто такой и почему замерзал в лесу. И тут я понял, что нужно врать, что моё прошлое – и далёкое, и близкое – никакой веры ко мне не вызывает. Я назвался Зубаревым, присвоил фамилию бежавшего со мною из пакгауза военнопленного. Я знал номера его дивизии, полка, роты, фамилии командиров и кое-что из биографии. Зубарев погиб. Полк его был разбит, штаб уничтожен – никаких документов не осталось. «Особист» делал многозначительный вид, на несколько дней прерывал допрос: вроде бы он посылает запрос на большую землю, а затем начинал снова задавать мне казуистические вопросы... Но тут немцы прижали нас, приходилось выходить из окружения. Мне выдали оружие, и стал я партизаном...

Весной сорок второго, в результате глубокого рейда, оказались мы в белорусском Полесье. И там, под местечком Хойники, напоролась мы на засаду. Отбивались до последнего. Меня ранило в руку, видите, правая рука у меня и теперь не совсем действует – сухожилие повреждено, и в левое плечо. Снова плен! Утром привели на допрос. И кого я вижу за столом следователя? Не поверите! Канищева. Никакого сомнения: передо мною в гестаповской форме – Герасим Канищев. Человек с таким русским именем, с такой русской физиономией – и в гестаповском мундире. Уму непостижимо. Он меня тоже узнал сразу. Улыбочка на лице – прежняя, но что-то дрогнуло, это я сразу заметил. «Вот и свиделись, – весело сказал он, поднимаясь со стула. Прошёл вокруг меня, рассматривая, как экспонат. – Только не ожидал я увидеть тебя здесь. С какой стати тебе за большевиков бороться? Ты ведь жертва! Тебя же несправедливо обвинили, без суда закатали на восемь лет. И ты что – добровольно пошёл на фронт?». Я отвечал, что именно всё так и есть. И что пострадал я безвинно, но не от советской власти, а оттого, что есть ещё такие сволочи, канищевы, которым – что поп, то и батька, им всё равно кому служить, лишь бы получать объедки с барского стола. Он выслушал с улыбкой, не перебивая, и ответил: «Это ты объедками пользовался, недоносок, а я жил припеваючи. И буду жить. Потому что такие люди любой власти нужны. Власть – это насилие. Понимаешь? И осуществлять это насилие могут далеко не все. Идейных борцов за власть мало. Большевики были идейными. Только где они все? За «можаем», как говорится. И Гитлер освободился от своих сподвижников. Чтобы ему глаза не кололи своей идейностью. У нас было НКВД, у них – гестапо. Какая разница? Скажи мне, какая для коня разница, какую на него уздечку

набрасывают? Уздечка – это уже власть, насилие. Хочешь узнать, что такое власть? Возьму тебя к себе. С твоей биографией сразу поверят. Безвинно репрессированный!». Канищев засмеялся и снова сел за стол. Тут я кое-что смекнул и спросил: как же это гитлеровцы его сразу не расстреляли? У них же приказ был – энкавэдэвцев в плен не брать, расстреливать на месте. «Это не твоего ума дело, – отвечал Канищев, но уже без улыбки. Озадаченным стало его лицо. – А хотя бы и скрыл? Переоделся в другую форму. Хочешь заявить? Я в деле проверен. Теперь мне плевать. Да и кто тебе поверит? А чтобы не вздумал воду мутить, я тебя к утру шлёпну. Собственноручно. Выбирай: или идёшь служить к нам или смерть. Третьего не дано».

Снова смерть перед рассветом! В который раз! Я уже не владелец собственной жизни, ею распоряжается каждый, у кого власть в руках. Чувствуешь себя какой-то вошью. И такое зло меня взяло, что обругал я матерно Канищева и говорю ему, что незачем утра ждать, пусть он милосердие проявит и шлёпнет меня, не сходя с места. «Шлёпнуть тебя – не проблема, – сказал Канищев с какой-то даже тоской в голосе. – Перетянуть тебя на мою сторону – куда важнее. Мне легче бы стало жить. Подумай, а? Ты молодой, тебе жить да жить. Неужели ты того не понимаешь, что впереди – тьма?». Отчего же, отвечаю ему, не понимаю? Странно, конечно, и огорчительно, что не увижу победу над немцами, не увижу, как его, фашистского прислужника, вешать будут. «Да зачем же тебе эта жизнь нужна?! – закричал Канищев. – Вас расстреливают, в Сибирь ссылают, жён ваших насилуют, дети под заборами гибнут! Зачем вам такая жизнь нужна? В тридцать третьем голод был. Миллионы людей на кладбище свезли. Живых ещё в могилы кидали! А хлеб за границу отвозили. Вас же за людей не считают в собственной стране!». Я и отвечаю ему спокойно, что такие, как он, нас за людей не считают. Фашисты не считают. А мы сами себя считаем людьми. И Родину свою я люблю не за что-то там, не за какие-то блага. Сам не знаю, за что люблю. А может, и не люблю вовсе. Только изменять ей не собираюсь. Не могу представить, что в памяти людской предателем останусь. «Какая тебе разница на том свете, что люди о тебе скажут здесь, на земле?». Тогда я и отвечаю, что для меня разницы не будет, это точно. А для родни моей, для детей? «Нет у тебя детей!» – закричал Канищев. Я поясняю, что речь идёт не только обо мне. Миллионы людей остаются верны своей Родине вот по этой причине... И тогда он стих, осунулся на стуле, долго молчал, а потом кликнул часового, и меня увели. Снова сижу взаперти и жду рассвета. Наспех перевязанные раны кровоточат, голова кружится, чувствую, что теряю силы. И так страшно вдруг захотелось увидеть рассвет! Не жизни хотелось, а именно увидеть, как начинается утро и всходит солнце. И тогда, думалось мне, я легко приму смерть. Единственное, о чём я жалел в тот момент, так это о том, что после меня не останется детей. И брат останется, и сестра, и мать с отцом, а вот детей не заимел. Не успел жениться по прихоти Канищева. А свадьба намечалась. Ну, не совсем, чтобы... Просто я мечтал жениться на Ленке Полетаевой. Работали в одной бригаде и в вечерку вместе

ходили. В кино я её приглашал, ну, и так, вообще... Короче говоря, очень она мне нравилась, но боялся я предложить ей пожениться. Вдруг, думаю, откажется. Тогда, значит, хоть из города беги. А она могла, своенравная была. Где теперь, что с нею? Так и не знаю. Да что Ленка! Я про своих брата с сестрой ничего не знаю. Отец с матерью померли в пятидесятых. Ездил я на родину, стороной узнал. Хотел перед ними открыться, да не успел – поздно бериевщина кончилась. А брат с сестрой съехали с родных мест. Может, уже и их нет, они старше меня. Так вот жизнь сложилась...

Так вот, значит, сижу я и постепенно вроде бы засыпаю. И слышатся мне тихие шаги, засов отодвигается, входит человек. А темно, вижу только вроде тень. «Идём», – говорит он тихо. Почему тихо? Думаю, что это мне снится, и продолжаю сидеть, прислонившись к стене. Тогда он подходит, берёт меня под мышки и тащит к выходу. На морозе я окончательно пришёл в себя, пробую ногами идти. «Давай, давай, – подбадривает он и торопит меня. Хватятся – каюк нам обоим». Долго мы, наверное, шли. А может, мне так показалось. И снова – лес, лес, без конца и края. Солнце всходит над верхушками сосен. Снег нетронутый, чистый, розовый от солнечных лучей... Присели мы передохнуть, достал он из кармана хлеб, кусок сала, солёный огурец. «Я, – говорит, – под дверью стоял, когда ты с Канищевым разговаривал. Дети у меня есть. Я их жалею. Поэтому одумался. Идём к партизанам. Дорогу я знаю. Заодно и предупредим их, что готовится облава».

Привели нас партизанские дозорные в штаб. И что ты думаешь, сделали первым делом? Перевязали меня? Как бы не так! Первым делом «особист» устроил допрос: кто такие, где и при каких обстоятельствах попали в плен? Но основное недоверие вызвал наш побег. Считали, что нас направили как шпионов. Я у этого «особиста» спросил, работал ли он до войны в НКВД. Тот отвечал, что да, служил в органах. Ну, говорю ему, тогда поймай Канищева, будет вам что повспоминать. Чуть было не пристрелил меня этот энкавэдэшник. На моё счастье, командир отряда вбежал, весь от бешенства белый: «Так твою разэтак! Ты что антимионию разводишь? Хочешь, чтобы нас окружили?»... «Это провокация! – кричит «особист». – Не верь им, они подсланы! Посмотри у этого татуировку. Видишь буквы? Е.Х. А он как назвал свою фамилию? Зубарев!». Тут и командир притих, смотрит на меня. В юности, мальчишками, баловались мы и делали татуировки. Некоторые, чёрт знает что, вырисовывали себе на руках, на плечах, на груди. А я скромненько только инициалы вывел. И надо же! Забыл я про эти буквы, совсем растерялся, и сказать мне нечего. «Сиди, гад, до полного опознания. Бой закончится – в расход пустим». С этими словами «особист» с командиром покинули землянку. У входа часовой остался. Опять я на положении вши! Раз – и к ногтю меня. Не властен человек над собой. С самого рождения берут над ним опеку, и так – до конца жизни. Человек – раб. Везде и всегда. Даже если он на вершине власти и славы, он всё равно раб времени и обстоятельств. Но и на этот раз обстоятельства сложились так, что я, стоявший снова у края могилы, остался жив. В том бою погиб

«особист». Командиру отряда я всё рассказал о себе, всё без утайки. Он был из учителей, человек интеллигентный, слушал меня внимательно, а когда я закончил, сказал: «Верю. Зачисляем тебя в отряд под фамилией Зубарев. И даётся она тебе отныне навечно. А если что случится, то ответственность я разделю с тобой поровну. Учти это и не подведи меня». Тогда я взял у него из рук самокрутку и огнём приложил к своей татуировке. Видишь, след остался? Стёр свою отцовскую фамилию. Но ведь ничего бесследно не проходит, верно? Вот шрам и напоминает мне о былом. Ну, фамилия – это не суть человека. Иногда такой фамилией наградят, что и произнести стыдно. А ведь живут люди и уважением пользуются. Правда, у нас паспортный режим самый строгий в мире. Шпиономания до сих пор мучит нас. Всё нам диверсанты мерещатся, а потому и честные люди как бы на подозрении. Ну, это я к слову. Эхо прошлых лет отдаётся ещё в нашей жизни...

Так на чём я остановился? Ах, да... Стёр я, значит, свою фамилию. А дальше что? А дальше во что бы то ни стало нужно мне было взять Канищева. Живым или мёртвым. Но лучше живым. Я представлял в своём сознании самые лютые казни. Но главное, мне хотелось ещё раз с ним поговорить. Что-то осталось промеж нас недосказанное, до конца не прояснённое...

Стал я отчаянным партизаном. Ходил в разведку, на самые рискованные операции. Постепенно узнавал подробности из жизни Канищева, и зрел у меня план его захвата. У каждого человека есть своя страстишка. Была она и у Канищева – охота. Даже война, постоянная опасность со стороны партизан не могли остановить этой страсти. Зная его как охотника, к нему съезжалось высокое начальство даже из Москвы и Гомеля. И вот в один из солнечных, безветренных дней, когда даже зверь находит умиротворение в окружающей природе, выехали немцы с Канищевым на охоту. Дело происходило в лесах под Брагиным, где особенно много водилось лисиц. Славная, скажу тебе, вышла охота! Места те считались тихими, немцы не взяли с собой охраны. Их было человек двенадцать. И нас столько же. Это был честный поединок. Даже, скажу тебе, было определённое преимущество у немцев, потому что у них были винчестеры с оптическим прицелом, а мы вышли с тем, что добыли в боях. Мы потеряли четверых. Немцы все полегли. А Канищева я просил не трогать и бился с ним уже после того, как весь его отряд был перебит. Ранил он меня. Я его дважды. Он хотел застрелиться, но пульей я рассадил его винчестер... Сидим мы с ним на снегу, окроплённом кровью, и я говорю ему, что пришёл его последний час. Рассвета ждать не будем. Что он теперь скажет? «Пощады просить не буду, – сказал Канищев. – Во-первых, это бесполезно, а во-вторых, презираю я вас всех. За скотство презираю. Все вы – бессловесные твари, которые не могут постоять за себя». Но вот же, говорю, я постоял за себя. И жив остался, и его сейчас раздавлю как вошь. «Это, – отвечает, – случайность. Потому что война, и ты смог оружие взять. Но вот кончится всё это, и ты снова будешь гнидой, кто бы ни взял верх». Тогда я и спрашиваю у

него: а сын твой будет гнидой? И как он жить будет с клеймом предателя? «Если ваша возьмёт, убей его, – с мольбой обратился ко мне Канищев. – Убей, слышишь? Потому что уж своих-то сослуживцев я знаю. А ты тоже гад: по больному месту ударил. Откуда про сына узнал?». Всё, говорю, про тебя знаю.

Осталась в Хойниках девочка одна, без отца, без матери, было ей, может, всего восемнадцать лет. Вот и принудил он её жить с ним. Даже свадьбу, паразит, сыграл и брак оформил в церкви. Каков, а?.. Ну, порешили мы его. Согнули две берёзы, привязали его за ноги и отпустили верхушки. А что ж ты думал? Он людей катовал, а мы будем чикаться с ним? Как было, так и рассказываю...

Вскорости меня снова ранило, пуля угодила в печень, и я едва не отдал Богу душу. На моё счастье, немцы уже отступали, и меня смогли переправить в госпиталь. Оттуда вышел комиссованным, документы все, честь по чести, на Зубарева оформлены... Поехал я в Хойники. Зачем? А сразу я и сам не знал. Нашёл ту женщину, которая жила с Канищевым. Вернее, не её нашёл, а дом, в котором она жила. Сказали мне, что умерла она, а может, отравилась. Кто бы стал тогда выяснять? А ребёнок жил то у одних соседей, то у других. Нашёл я его, назвался дядей, мне с охотой и отдали маленького оборвыша. Я даже имени не спросил. То ли забыл, то ли специально. Теперь не знаю. Сам назвал Иваном, чтобы пополнилось племя русских Иванов! Уехал куда глаза глядят с Иванушкой. Судьба привела вот в этот город. И жил тихо, не высывался, чтобы не обращать на себя внимания. Я не женился! Я не посмел бы идти в совместную жизнь с обманом. Но где гарантия, что женщина не проболтается? Да и поймёт ли она меня? Я не знал, на что обрекаю своего приёмного сына. У Вани не оказалось ни дедушек, ни бабушек, ни двоюродных братьев и сестёр, ни тёток! Никого! Я врал, говорил, что всех унесли голод, война, послевоенная неразбериха. Все мои душевные силы ушли на то, чтобы восполнить этот пробел. У меня были хорошие друзья, я сводил Ваню с их детьми, я все каникулы проводил с ним вместе. Нет, я не баловал его, не потакал капризам, и он вырос хорошим человеком. Правда, немного замкнутым. А потом... Несколько лет назад Иван Егорович должен был ехать за границу, в Англию. Стали оформлять документы. Коснулись бабушек с дедушками. Вызвали меня. «Не сходятся концы с концами, – говорят мне. – Потрудитесь объяснить»... Вот оно где аукнулось-то! Дали мне бумагу, ручку, сел я за стол и всё написал. И слёзно просил: не открывайте Ивану Егоровичу всей горькой правды. Как ему жить-то будет? Времена, видать, и впрямь к лучшему меняются. Хорошие люди теперь работают там, отзывчивые. И ни одного в форме я не видел. Все в костюмах, при галстуках. Ничего не сказали они сыну, но за границу не пустили. Вроде бы задержались с оформлением документов, а делегация тем временем и уехала. Иван Егорович почувал неладное, стал приставать ко мне с вопросами. Я ему и наплёл на себя, что состоял в троцкистско-зиновьевском блоке, замыслил заговор, был за это осужден. Вот, дескать, из-за этого и ты,

сын, терпишь теперь. Уж извини меня за старые грехи. И вижу после этого, что сын стал ко мне сдержаннее относиться, как чужой стал. Получил новую квартиру, он раньше всё откладывал, и съехал с облегчением. Я тоже вроде бы вздохнул. Да вот – новая беда: реабилитировали Зиновьева. Не было никакого блока. А значит, и заговора не могло быть! Сын молчит, новых вопросов мне не задаёт. И я молчу. Что я могу ему сказать? Знаю только, что стал он раздражительным, скорым на расправу, и рабочие им уже недовольны. Скоро выборы генерального директора. А ну, как не выберут?..

Я попытался уверить старика, что при таком авторитете Ивану Егоровичу нечего бояться. Он много сделал для объединения и в целом для города... Однако не прошло и двух месяцев, как генеральным директором избрали другого человека. Выставляли на голосование и кандидатуру Зубарева, но он сделал самоотвод. А ещё через некоторое время узнал я, что Санёк развёлся с женой. Со слезами на глазах рассказывал мне об этом сам Егор Павлович.

– Из-за чего же? – поинтересовался я.

– А, поди, разбери их! Не сошлись, говорят, характерами. Разные интересы. Это каково, а? Так хотелось правнучка воспитать! Корни же у него пущены здесь, настоящие корни. Сколько родства. Жить бы да радоваться. Что ж это получается? Ради чего мы такие страдания приняли? Эх!..

Вздохнул горько старик и пошёл к подъезду. Враз он сгорбился, подрыхлел. Сумка с молочными бутылками оттягивала книзу его плечо. Тяжело ему было, очень тяжело...

КУДРИН ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ (1940 – 2010)

Прозаик, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 15 августа 1940 года в Тамбове. Окончил историко-филологический факультет Ярославского педагогического института. Работал учителем в Ярославской области и в Сухотинской школе Знаменского района Тамбовской области.

С 1966 г. Валерий Кудрин проживал в р.п. Знаменка. Работал в райкоме КПСС, затем – журналистом районной газеты «Сельская новь», которую впоследствии редактировал несколько лет. Почётный гражданин Знаменского района.

Литературным творчеством Валерий Анатольевич занимался с детства. Публиковался в газетах, журналах, сборниках. В 2006 г. его рассказ «Уроки преддипломной практики» вошёл в хрестоматию «Литературное краеведение». В 2007 г. рассказ «Новые обои» был включён в третий выпуск «Тамбовского альманаха». Валерий Кудрин – автор нескольких книг прозы, лауреат Тамбовской областной литературной премии имени Георгия Ремизова. Скончался писатель 02 октября 2010 года.

Сочинения:

Кудрин В. Отпуск в октябре. – Воронеж, 1983.

Кудрин В. Перед свиданием. – Москва, 1984.

Кудрин В. И время вспоминать... – Тамбов, 1995.

Кудрин В. Крутой вариант. – Тамбов, 2005.

Кудрин В. И время вспоминать. – Тамбов, 2010.

Литература:

Алёшин, О. С пониманием жизни и времени / Олег Алёшин // Тамб. жизнь. – 2005. – 17 авг.

Дорожкина, В.Т. Кудрин Валерий Анатольевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова //

Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т.

Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 95.

Дорожкина, В.Т. Прозаики и критики [Текст] : Кудрин Валерий Анатольевич / Валентина

Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. –

С. 426–434.

Наседкин, Н. Арамис // Наседкин, Н. Литературные мушкетёры / Николай Наседкин. – Тамбов, 1996. – С. 106–119.

Полякова, Л.В. Выбор / Л.В. Полякова. – Тамбов: Кн. лавка писателя, 1996. – 77 с. – Из содерж.: П. Алёшкин о В. Кудрине. – С. 72.

«Дорогому сыночку»

рассказ

Было раннее майское утро, когда молодой инструктор райисполкома Горячев вышел из дома.

День предстоял необычный. В райцентре открывали памятник погибшим воинам-землякам, и хоть вчера на совещании, чтобы не случилось ни заминки, ни сбоя, ещё раз проверили и уточнили всё, Горячев беспокоился, тем более, что впервые участвовал в таком торжестве и был ответственным за возложение цветов.

Он шёл по пустынным улицам посёлка и во всём – и в строгой яркости вывешенных на фасадах флагов, и во влажной зелени только что начинавших распускаться деревьев, и в ясных глазах только что начинающих

просыпаться окон – видел приметы праздника. И эта безмолвная пока атмосфера предстоящего события наполняла его чувством сопричастности к высокому, важному, и он сам подтягивался, шагал всё быстрее и чётче, чуть не выбивая по гулкому асфальту парадный шаг, словно опять, как и год назад, призванный после окончания института в армию, маршировал со своим взводом на гарнизонном плацу, сливаясь в одно целое и дыханием, и движением, и самым биением сердца с общим, овладевающим всем существом ритмом. Так он прошел ещё половину квартала, повернул за угол, на центральную улицу, и вдруг заметил у невысокой райисполкомовской оградки сухонькую старушку, которая, услышав шаги, тотчас же обратила к нему бледное в чёрном охвате платка лицо и смотрела теперь напряжённо, словно угадывая – он ли это.

Горячев опомнился, сбился с шага, затормозил, пошёл медленнее, умиряя себя. На старушку он не смотрел, со стыдом представляя, как глупо выглядел, должно быть, только что, маршируя в одиночестве по пустой улице. Сконфуженно отворачиваясь в сторону, будто увидев там что занятное, пересёк дорогу, приблизился к райисполкомовской калитке и шагнул уже было в неё, как неожиданно был окликнут:

– Сынок!

Горячев вздрогнул, машинально обернулся.

– Что, бабушка?

– Это ты по памятнику главный? – Спросила она.

– Я? – Удивлённо откинул голову Горячев. – Да нет. Кто это вам сказал?

– Дочка, – пояснила старушка. – Она тут у вас в больнице работает. Акушеркой. А я к ней из Саратова в гости приехала. Саратовские мы. Говорит, там молодой высокий мужчина.

Горячев понял, за кого приняла его старая женщина.

– Так это она вам про зампредрика говорила. Он действительно за открытие ответственный. Вам к нему тогда и надо.

Но старушка вроде не слышала его.

– Сын у меня на войне пропал, – продолжала она. – Володенька. А у вас, слышала, список погибших составляют, чтоб в памятнике замуровать. Так я к тому, чтоб и моего Володеньку в список внести.

Горячев ошеломлённо молчал. Его поразила эта странная просьба, которую не только он или зампредрика, но и никто другой не мог бы выполнить теперь, потому что список, о котором говорила старушка, уже утвердили вчера на совещании, отпечатали на лощёной бумаге и заложили в специальную металлическую капсулу. Он стоял и не знал, что сказать старой женщине, чтобы не обидеть её, как вдруг вспомнил, что в список вносили только тех, кто родился в посёлке, жил здесь или отсюда на фронт уходил. И вспомнив это, сказал с облегчением: – Нельзя этого, бабушка. Понимаете? Памятник-то воинам-землякам. Здешним. А вы, сами говорите, саратовская. Так что...

И с сознанием своей правоты развёл руками и зашагал к высокому райисполкомовскому крыльцу.

Через три часа Горячев стоял у памятника, чуть в стороне от группы ветеранов войны, чтобы отсюда, с возвышения, лучше видеть всё происходящее.

Торжество шло, как и было намечено. Уже спало белое полотнище, закрывавшее скульптуру, и теперь над площадью тесной заполненной людьми, высоко возносился гранитный солдат в плащ-палатке и с автоматом в правой руке. И выступали участники войны. Они говорили взволнованно и трогательно. И замуровали в подножие памятника металлическую капсулу со списком погибших.

Пионеры в парадных формах застыли по сторонам памятника. Тихо звучала скорбная музыка. Но вот председатель райисполкома объявил, что желающие могут возложить цветы, и толпа дрогнула, задвигалась, и, рассекая её, в трёх местах словно цветочные ручейки потекли, сливаясь воедино на свободном пространстве перед памятником.

Горячев замер при этом и с гордостью подумал, что правильным всё-таки было его предложение собрать всех пришедших с цветами в три специальные колонны.

Со своего места он видела, как торжественно-сдержанны лица людей, несущих цветы, как вытирают слёзы женщины. Украдкой глянул на председателя райисполкома – одобряет ли тот его выдумку, но председатель, пожилой и грузный мужчина с орденскими планками на светлом пиджаке, стоял, склонив седую голову, и, казалось, не видел ничего. Тогда Горячев снова посмотрел на площадь и вдруг вытянулся, наткнувшись взглядом на знакомый чёрный платок в толпе.

Это была давешняя старушка. Она медленно, чуть отстав от идущих с цветами, пробиралась вперёд, и было заметно, как оборачиваются и расступаются перед ней люди. Обеспокоенный этим продвижением, Горячев уже искал в многолюдье чёрный платок, почему-то ожидая от старушки опять чего-нибудь странного, вроде утренней просьбы, но увидел её, только когда возлагавшие цветы уже возвращались назад.

Старушка была теперь совсем близко, в передних рядах, и вот уже вышла на опустевшую к этому времени часть площади между памятником и людьми, но продолжала двигаться вперёд так же медленно, хотя ей никто теперь не загораживал дорогу. А в руках у неё был простенький жестяной веночек.

– «Ну, зачем это? – С досадой подумал Горячев. – Всё дело испортит!».

И быстро спустился вниз, пошёл влево, приближаясь к старушке по ровно обрезанному краю толпы.

– «Говорили же – никаких веночков! Только живые цветы. Не могила ведь, памятник. Так нет...».

Он уже был недалеко от старой женщины, чтобы успеть задержать её – не положено же, чтобы венки, – но она всё шла, не обращая на него никакого внимания, глядя вверх, в суровое лицо гранитного солдата, и впалые губы её шептали что-то, и Горячев, подойдя совсем близко, на расстояние вытянутой руки, когда уже можно было остановить старушку, вдруг заметил на венке маленькую чёрную ленту с неровно написанными буквами и скорее догадался, чем прочитал надпись: «Дорогому сыночку...».

Он прочитал эти два слова и замер, будто на преграду какую наткнулся, и остался на месте.

А старая женщина уже поднялась по ступенькам, у памятника помедлила чуть, а потом опустилась на колени и стала совсем маленькой. И всё вокруг замерло вдруг, умолкло, застыло.

Колебалось в воздухе сдержанное дыхание сотен людей, стоящих на площади, подрагивала согнутая спина старой солдатской матери, и Горячев неожиданно почувствовал, как у него перехватило горло.

НАСЕДКИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (род. в 1953 г.)

Писатель, литературовед, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 13 апреля 1953 года в Читинской области. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького.

С 1982 Николай Наседкин живёт в Тамбове. Писатель работал в газете «Комсомольское знамя», редактором в издательстве Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Первая книжная публикация Николая Наседкина состоялась в воронежском сборнике 1989 «Молодая проза Черноземья». Николай Николаевич – автор книг рассказов, повестей, пьес, романов, вышедших в московских и тамбовских издательствах. В 2007 он стал дипломантом премии «Хрустальная роза Виктора Розова». К 150-летию А.П. Чехова Николай Наседкин опубликовал в 10-м «Тамбовском альманахе» (Тамбов, 2010) новеллу и рассказ из цикла «Чеховские мотивы».

Много лет Николай Николаевич исследовал творчество Ф.М. Достоевского, в результате он стал автором книг «Достоевский: портрет через авторский текст» (2001), «Самоубийство Достоевского» (2002), «Достоевский: энциклопедия» (2003, 2007).

Книги Николая Наседкина издаются в Польше и в Черногории. Писатель публиковался в коллективных сборниках, в столичных журналах.

С 2003 по 2013 год Николай Николаевич возглавлял Тамбовское региональное отделение Союза писателей России. Он является инициатором издания и главным редактором «Тамбовского альманаха».

Сочинения:

ПРОЗА:

Наседкин Н. Осада: Повести и рассказы. – М.: Голос, 1993.

Наседкин Н. Криминал-шоу: Повести. – М.: Голос, 1997.

Наседкин Н. Алкаш: Роман. – М.: АСТ, Астрель, 2000.

Наседкин Н. Наша прекрасная страшная жизнь: Рассказы. – Тамбов, 2003.

Наседкин Н. Меня любит Джулия Робертс: Виртуальный роман. – М.: Сова, 2005.

Она же: Гданьск (Польша) / На польск. яз., 2005.

Наседкин Н. Люпофь: Email-роман. – М.: Голос-Пресс, 2006.

Наседкин Н. Гуд бай, май... : Роман-ностальжи. – М.: Голос-Пресс, 2010.

Наседкин Н. Сладкий недуг: Романы-love. – Германия, 2012.

Наседкин Н. Рано иль поздно: Рассказы и повести. – Тамбов, 2012.

НОН-ФИКШН:

Наседкин Н. От Державина до... Очерк истории тамбовской литературы. – Тамбов, 1993.

Наседкин Н. Литературные мушкетёры. (Четыре портрета). – Тамбов, 1996.

Наседкин Н. Достоевский: портрет через авторский текст. – Тамбов, 2001.

Наседкин Н. Самоубийство Достоевского. Тема суицида в жизни и творчестве писателя. – М.: Алгоритм, 2002.

Наседкин Н. ДОСТОЕВСКИЙ: Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003.

Она же: Подгорица (Черногория) / На сербск. яз., 2004.

Она же: М.: Эксмо, 2008.

Белояр И. (псевдоним). Как исцелить душу и тело. Полезные советы знахаря. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.

Литература:

Алёшкин, П. Николаю Наседкину – 50 / Пётр Алёшкин // Наседкин, Н. Наша прекрасная страшная жизнь / Николай Наседкин. – Тамбов, 2004. – С. 3–4.

Группа 17: рус. писатели-реалисты начала XX в. – М. : Голос-Пресс, 2005. – 270 с. – Из содержания: О Н.Н. Наседкине. – С. 210–227.
Дорожкина, В.Т. Наседкин Николай Николаевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 106.
Земляной, С. Хроническая мечта Достоевского: филос. романистика как упражнение в смерти // Независимая газ. – 2002. – 5 дек. – С. 4 (НГ EXLibris).
Наседкин Николай Николаевич// Кто есть кто в Тамбове и Тамбовской области в 2008 году. V.I.P. Персона. – Тамбов, 2008. – С. 132–134 : фот.
Славина, М. Путеводитель по миру Достоевского / Маргарита Славина // Тамб. жизнь. – 2008. – 24 мая.
Три мнения об одном романе // Тамбовский альманах. – Тамбов, 2007. – Вып. 3. – С. 202–214.

Фронтвики

очерк

Вот несколько зарисовок об участниках Великой Отечественной войны, с которыми сводила меня судьба в разные годы. Из этих отдельных фронтowych биографий лично для меня сложилась некая общая биография, общий портрет фронтownika, вынесшего на своих плечах великие тяготы жесточайшей войны.

Их, непосредственных участников той войны, остаётся всё меньше и меньше. Их воспоминания воспринимаются всё обострённее...

Небо войны

Восьмое мая 1945 года. Вечер. Во дворе помещичьей усадьбы, слегка разрушенной снарядом, в 40 километрах от Кенигсберга строится взвод советских солдат. Командир осматривает шеренгу.

– Сегодня в наряд идут Гребенчук, Поликарпов, Федоренко и Носов.

Младший сержант Носов первым заступает на дежурство. Быстро темнеет. Из красивого, бывшего помещичьего дома ещё доносится смех товарищей, чуть слышно вздыхает в темноте гармонь, изредка громяют отдалённые взрывы.

Война близится к концу. Это ясно уже всем. Зверь обложен в своём логове. Он обречён.

Николай Носов смотрит на небо. Оно именно такое, какое должно быть в майский парной вечер. Звёзды огромны, и их так много, словно небосвод сшит из генеральских погон.

Такое же красивое бархатное небо было каждую ночь, пока Николай находился дома, в отпуске. А может, это просто казалось?

В 1942 году в конце лета, когда фашисты поганили уже всю европейскую часть страны, отпуск фронтownikам предоставляли только при самых чрезвычайных обстоятельствах. У рядового Носова таким обстоятельством была чудом уцелевшая рука. Больше всего боялся солдат,

пока лежал в госпитале, что врачи, издёрганные, уставшие, равнодушные к крови, военные врачи откромсают руку. Сделают его инвалидом. После каждой операции, когда выискивали очередной осколок, с надеждой смотрел он в глаза хирургов, боялся увидеть в них приговор.

Страхи оказались, к счастью, напрасными. Ему почти заново сотворили руку, слепили из отдельных кусочков. Но до окончательного исцеления было ещё – ой, как далеко! Шесть месяцев – госпиталь и полуторамесячный отпуск на родину, в Хакасию.

Вот когда фронтовик Носов, как мог, помогал убирать урожай, от зари до зари находился в степи, тогда и видел он каждую ночь такое великолепное, далёкое от земли, от войны, от нелепости смерти звёздное небо.

Автомат «папаша» оттянул плечо. Правая рука ещё не хотела работать стопроцентно, от чрезмерной нагрузки защищалась болью, ныла. Николай пристроил «ППШ» на левое плечо и медленно пошёл в черноту сада.

Неожиданно вспомнилось небо над Белгородом. Жуткое было небо. Мрачное от бесконечной массы серых туч. Они низко-низко ползли над землёй, даже, казалось, было слышно их шуршание, словно они тёрлись друг о друга. Вот-вот, ещё немного и заденут они стволы закопанных по самые башни «тридцатьчетвёрок». Танковый корпус держал глухую оборону. Отчётливо помнится, как в узкую щель между чёрной землёй и серым небом вползали, втискивались грязные «тигры». Взрывы. Взрывы! Взрывы!! Взрывы!!! Можно оглохнуть от бесчисленных взрывов. Всё чернее и чернее становилось небо, и это радовало душу. Небо темнело от копоти горящих танков с пауками свастика на боках.

За тот бой и за многие другие, такие же тяжёлые, изнурительные, но победные, танковому корпусу, в котором воевал Николай Носов, было присвоено звание – гвардейский.

Носов не сразу заметил, что разрывы стали чаще и ближе. Послышались автоматные очереди, винтовочная стрельба. Что такое? Бой? Не может быть! Уже с тылу, с флангов, со всех сторон загромыхали беспорядочные залпы. Всё чаще и чаще... Трассирующие пули исчеркали узорами небо. Звёзды бледнее стали, потерявшись среди бесчисленных светящихся нитей.

– По-бе-да!!! Победа, бра-а-а-тцы!!! – закричал из окна телефонист.

Победа! Её ждали тысяча четыреста пятнадцать безмерно растянутых дней и ночей... Целую вечность!

До войны Николай Семёнович Носов был земледельцем, заведовал ремонтными мастерскими в совхозе. И частенько, когда решалась судьба урожая, с надеждой вглядывался каждое утро в небо: будет ли дождь?

И в лето после победы он точно так же смотрел в небо Германии, тоже ждал дождя. Они, победители, засеяли немецкие земли, чтобы у немцев, уставших от гитлеровской чумы, был хлеб.

Бездушное, казалось бы, небо словно понимало, что начиналась жизнь, что истёрзанной земле нужна влага, что ей нужно зеленеть. И небо дарило дождь. Небо Победы.

Он был артиллеристом

Дом Гавриленко. На стене что-то невнятно бубнит радио. В печи надрывается в весёлой ярости огонь. Чёрный котик развалился прямо посреди кухни и мурлычет песню блаженства. Во дворе, в загородке, изредка взвизгнет сытно накормленный поросёнок, или шумно завозится бурёнка, устраиваясь на ночь.

Звякает тихонько посуда. Мария Петровна убирает со стола. Всё облито мягким светом лампочки. Уют и покой...

– Александр... так, и Анна... – шепчет Мария Петровна, протирая чашки, потом задумывается. – Григорий, – окликает она сидящего на диване мужа, – Леночка-то поздравила тебя с праздником?

Муж не слышит.

– Гриша, я спрашиваю, внучка-то вспомнила о празднике?

Но Григорий Степанович что-то бурчит в ответ и снова склоняется к объёмистой книге на коленях. Это – «История Великой Отечественной войны 1941-1945 гг».

Всё чаще и чаще по вечерам, после дневных забот и волнений открывает Григорий Степанович эту книгу и заново переживает всю войну: год за годом, день за днём, час за часом.

День первый. Он был потом. Сначала учитель из деревни Дмитриевка получил повестку в армию. На календаре 1939 год. Усиленно постигают военную науку красноармейцы. В Европе – пожар. Пожар только разгорался. Идёт служба: марш-броски, учебные тревоги, учебная стрельба...

Какое тихое утро. Для многих людей на долгие годы, на всю жизнь запомнилась акварельность последнего мирного утра – первого утра войны.

Спит старший сержант Гавриленко, зная, – что оружие, которым он командует, всегда готово встретить незваного гостя. Не верилось, что фашистский сапог посмеет ступить на российскую землю.

Тишина, мирный сон солдата – всё вмиг разрушилось надсадным плачем сирены. В-о-й-н-а! В нашем небе чужие, вражеские самолёты. Непривычная, зловещая картина.

– Ого-о-онь! Ого-онь! Огонь!

Сколько раз за войну будет Гавриленко выполнять эту команду и сам подавать её. Не сосчитать!..

Всё чаще рывкает оружие, жгучие «подарки» летят навстречу врагу. Справа, слева – мимо! Но вот батарея делает залповый удар. Есть!!! Одного вражину достали: самолёт закоптил, словно нечищенный керогаз, и резко устремился к земле. К твёрдой земле. Первая смерть на войне – смерть врага. Так для сибиряка Григория Степановича Гавриленко началась Великая

Отечественная война – на границе с Германией, в 4 часа утра 22 июня 1941 года.

А кончилась... Можно было сказать, что кончилась в 1943 году на Курской дуге. Здесь, где, казалось, бьются не люди, а плавают, в дребезги разносят друг друга танки и самоходки. (Только на участке батареи старшего лейтенанта Гавриленко скопилось до трёхсот «тигров», «пантер» и «фердинандов» противника!). Здесь Григорий Степанович получил третье, самое тяжёлое ранение. После госпиталя медики дали заключение: в запас.

Но война не кончилась для офицера, нет. Гвардеец, командир батареи Гавриленко становится инструктором запасного полка. Он учил молодых ребят, только что сменивших спецовки трактористов и комбинезоны слесарей на солдатские гимнастёрки, как пробить броню «тигра», как вести прицельный огонь по мчавшимся широким фронтом стальным машинам...

А в перерывах между занятиями собирал фронтовик своих курсантов в кружок и рассказывал. Мальчики слушали о битвах на Волоколамском шоссе, о героических переломных боях под Крюково... Для инструктора это была недавняя жизнь, для них это была уже история. Особенно любил старший лейтенант рассказывать о том, как на знаменитом русской славой Бородинском поле, только что очищенном от врага, бригаде, в которой он воевал, вручалось гвардейское знамя. И умалчивал обычно Григорий Степанович, что на этом историческом поле он сам стал не только гвардейцем, но и офицером, и кавалером ордена Боевого Красного Знамени.

Сколько обучил старший лейтенант за полтора года! Многие из этих курсантов, конечно, стали гвардейцами, офицерами, орденосносцами и, получая награды, не могли они не вспомнить своего инструктора, который учил их профессии солдата-освободителя.

Сами они, те, кто остался в живых, рассказывали, да и сейчас рассказывают детям и внукам о прошлом. Рассказывают Историю Войны.

Послевоенная жизнь Григория Степановича, это целая жизнь. Офицер-артиллерист сменил форму снова на классный журнал, мелок, конспекты уроков, на любознательные глаза и души своих учеников. Был учителем математики, директором школы, заведующим районо...

Вечер. Григорий Степанович за листом лист переворачивает «Историю Великой Отечественной войны». На календаре, что висит на стене, под числом 19 ноября краснеют слова: **ДЕНЬ РАКЕТНЫХ ВОЙСК И АРТИЛЛЕРИИ.**

Григорий Степанович сейчас в прошлом. На нём выгоревшая гимнастёрка, он – гвардии старший лейтенант, командир батареи противотанковых орудий. Артиллерист.

«Работал командиром орудия...»

Мы сидим с Иваном Петровичем Силантьевым в чабанской избушке у окна и тихо разговариваем. Вернее, говорит почти всё время один Иван Петрович. Он рассказывает о войне. Я слушаю,

Я слушаю внимательно, с интересом (разве могут быть не интересны воспоминания фронтовиков?), но ловлю себя на мысли, что всё же ни на минуту не забываю, где я нахожусь. Я вижу чистоту комнатки, чувствую тепло на щеке лучей февральского полуденного солнца, слышу возню барашков за окнами. Я всё время нахожусь в нашем, мирном, времени.

И вдруг Иван Петрович говорит:

– Под конец уж войны-то я командиром орудия РАБОТАЛ...

Может, оговорился? Но, нет – он снова и снова вместо «воевал», «сражался», «командовал» произносит слово – «работал». И нет уже мирной тишины, уюта, мне кажется, я сам ощущаю, что это такое: почти восемь лет жить в солдатской шинели, быть не землепашцем, не строителем, не учителем, а – солдатом.

В ноябре 1940 года в родную Монастырку, отслужив действительную, прибыл с Дальнего Востока бравый пехотинец Иван Силантьев. Молодая жена повесила шинельку мужа в чулан – авось в хозяйстве пригодится. Радовалось сердце Ивана: сколько дел! Так соскучились руки по любимому крестьянскому труду! И даже не подозревал он в ту пору, что менее чем через год жена, заливаясь слезами, поможет ему надеть шинель, проводит за околицу деревни.

Сколько их тогда сразу ушло на фронт из Монастырки и молодых парней, и мужчин. Иван Петрович погибает пальцы:

– Никита Марченко... так... Иван Кухта, живы они и посейчас. А вот Рубан Николай, и Иван Рубан, и Николай, сын Ивана так и остались лежать в той земле... Ещё Гуц Семён, помню, с нами уходил...

А дальше Иван Петрович не может загнуть палец. Изуродован.

Он считает, что ему повезло: за всю войну ранило всего раз. В руку, осколком прямо в кисть. Госпитальных полтора месяца – вот единственный отдых Ивана Петровича на войне. Потом опять фронтовая работа. Теперь пехотинец старший сержант Силантьев попал в гвардейский противотанковый дивизион, где и работал командиром орудия.

Рассказывает Иван Петрович спокойно, не торопясь. С улыбкой и как бы с удивлением вспоминает, что он – коренной сибиряк, а вот поди ж ты, пришлось и Польшу, и Австрию, и Венгрию – всю Европу повидать. Только жалеет солдат, что Берлин без него брали, его дивизион в Польше победу встретил.

Столько лет минуло, а отчётливо помнит, что крик: «Победа!» и салютный гром выстрелов он услышал 9 мая в 14 часов 00 минут.

Ещё один день из войны поминутно запомнил Иван Петрович, это когда он, опытный солдат, первый и последний раз в жизни нарушил приказ.

Было это так. Тяжёлые бои под Смоленском. Батарея, в которой было орудие старшего сержанта Силантьева, окопалась в глухую оборону. Категорический приказ командования: стрелять только по танкам. Танков пока не было. И видит старший сержант, как через поле тащится за тягачом пушка врага. Видимо, враги подозревали о советской противотанковой батарее и спешили на позицию. Не выдержало сердце, враг ускользает: «Огонь!» – неожиданно для самого себя скомандовал Силантьев. Прямое попадание! Но и себя наши артиллеристы выдали.

Только благодаря тому, что это не имело последствий для наших, и что командир орудия Силантьев за подвиги уже был награждён орденом Славы III степени и медалью «За отвагу», его простили. Не простили только он сам себя, до сих пор казнится.

Снова снял пропахшую порохом шинель Иван Петрович уже в июне 1946 года. Только дома узнал он, что братьев Александра и Илью не увидит больше никогда, так же как и многих друзей.

Много профессий было у Ивана Петровича Силантьева. Он работал немало лет кузнецом, кормоприготовителем, чабаном...

И почти восемь лет своей жизни Иван Петрович работал солдатом. Солдатом-освободителем!

Командир «тридцатьчетвёрки»

Александр Юрьевич Завадский – бывший фронтовик, танкист, кавалер орденов Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени и других боевых наград. Уже десятилетия прошли со дня окончания самой великой и самой ужасной в истории человечества войны, а для фронтовиков всё это было, словно вчера. В воспоминаниях танкиста воскрешаются страницы опалённой юности.

Начало войны застало его в военном училище, но он собирался быть не танкистом, а связистом. Училище закончить не удалось. Фашисты подошли к Москве, и курсантов многих военных училищ, в том числе этого, направили на фронт. В октябре 1941 года 14-я курсантская бригада, в которой воевал Завадский, защищала столицу. Бои были тяжёлыми. Погибло много товарищей Александра. Ему же, как говорится, везло. Но до поры до времени – в начале 1942 года он был тяжело ранен и несколько месяцев лечился в госпитале.

А когда «подштопали», попал в танковую часть. Воевал в знаменитом Уральском добровольческом танковом корпусе. Сначала был в экипаже радистом-пулемётчиком, а потом его взял на свой танк командир бригады подполковник Фомичёв. Когда поднабрался опыта, присвоили офицерское звание и назначили командиром танка. И уже в этой должности Александр Завадский участвовал в освобождении Польши, в штурме Берлина...

Но штурм Берлина не стал для него последним боем. Столица фашистской Германии пала, но предстояла ещё одна операция. Уральский

корпус в составе 3-й и 4-й гвардейских танковых армий совершил марш на юг и освободил столицу Чехословакии – Прагу. Фашистская группировка фельдмаршала Шернера, отступая из Чехословакии на запад, хотела уйти к американцам и сдаться им в плен. А перед этим гитлеровцы намеревались варварски уничтожить красавицу Прагу. Ночью, точнее – на рассвете 9 мая 1945 года, танк Александр Завадского в числе первых ворвался в Прагу. А к 12 часам дня город был свободен от фашистской нечисти.

Сейчас в Праге есть постамент, на который водружён советский танк, первым ворвавшийся в город. На борту его номер – 23. Этим танком командовал друг Завадского лейтенант Гончаренко. Он погиб в том бою...

Спрашиваю:

– Он тоже был тамбовчанином?

– Нет, моих земляков, к сожалению, у нас было мало, ибо наш корпус формировался на Урале. Но несколько имён я помню. Мотострелковой бригадой командовал полковник Ефимов, уроженец города Кирсанова, начальником боепитания нашей 63-й танковой бригады был капитан Иванков из Тамбова, из Котовска воевал у нас военный фельдшер Руденко... Сейчас они все живы, но живут в разных местах, встречаться нам приходится в Москве, на Урале...

На таких встречах фронтовики-однополчане вспоминают, конечно же, и самые тяжёлые бои. Одним из самых кровопролитных был – бой на Курской дуге 23 июля 1943 года. Наши атаковали хорошо укреплённую немцами деревню. На глазах Александра был подбит танк его друга – лейтенанта Павла Бучковского. Фашисты хотели взять танкистов в плен, но наши ребята предпочли сгореть в танке, сражаясь до последнего снаряда и патрона, чем сдаться.

И самому Александру Завадскому не раз приходилось испытывать смертельную опасность. Как же без этого на фронте! Как у кавалеристов погибают лошади, так и у танкистов «гибнут» их машины. Он за войну сменил четыре танка. Три раза его ранило. Особенно тяжёлый случай был на той же Курской дуге. Его танк подорвался на фашистском фугасе. Три его товарища из экипажа погибли. Он же чудом остался жив: автоматчики из сопровождения, зная, что машина может в любую секунду взорваться, вытащили его...

– Александр Юрьевич, – задаю невольный вопрос, – потеряв второй, третий танк, не усомнились ли вы в силе и мощи своего бронированного «коня»?

– Даже и сейчас не создано такой военной техники, которую нельзя было бы уничтожить. Наша же «тридцатьчетвёрка» в годы Второй мировой войны была самой совершенной машиной. Помню, за Вислой впервые столкнулись с «тиграми», мощными, сверхтяжёлыми фашистскими танками. И что же? В этом бою мы уничтожили десятки хваленых – «королевских тигров».

Довелось Александру Юрьевичу видеть однажды и танковый таран. Было это в феврале сорок пятого. Брели наши сильно укрепленную деревню на Оudere. На краю её стоял «тигр». Он выстрелил и поджог одну «тридцатьчетвёрку». Экипаж, если танк оказался в безнадёжном положении, имеет право открыть люки и выбраться. Этот же экипаж остался в танке, машина устремилась на «тигра», таранила, развернула его боком и вывела полностью из строя. Наша «тридцатьчетвёрка» всё могла!

Многие годы Александр Юрьевич Завадский после войны отдал школе, работал директором тамбовской средней школы № 21. Конечно же, в этой школе военно-патриотическому воспитанию отводилось немало времени и внимания. Недаром многие выпускники 21-й поступали в военные училища, становились профессиональными защитниками Родины. Особенно директора и бывшего командира «тридцатьчетвёрки» радовало, когда его подопечные выбирали армейскую профессию танкиста.

И он всегда желал им при встречах побед в боях – только учебных...

В дни боёв умножали мы славу

Николай Георгиевич Мамонтов – коренной тамбовчанин. В юности работал учителем, агрономом, возглавлял Ржаксинский райком комсомола, заведовал перед войной отделом крестьянской молодёжи обкома ВЛКСМ. В 1960-е годы Николай Мамонтов был членом областного народного суда, потом – членом коллегии адвокатов. А потом, будучи уже на пенсии, он продолжает трудовую деятельность юристом в объединении «Овощепром».

Но был в судьбе Николая Георгиевича период в целых двадцать лет, когда он жил вдали от Тамбовщины и носил военную форму. Вот об этом отрезке жизненной биографии мы и беседовали в канун Дня Победы с ветераном войны и труда Николаем Георгиевичем Мамонтовым.

– Николай Георгиевич, как началась лично для Вас Великая Отечественная?

– В апреле 41-го года, когда я работал в обкоме комсомола, меня направили на очередные военные сборы в город Пушкин, что находится под Ленинградом. Там меня и застала война. Вначале нас, курсантов сбора, перебросили на границу с Финляндией, где мы и приняли свой первый бой 28 июня 41-го года. Силы врага превосходили в те дни наши силы, и пришлось отступать. Подчеркну, что отходили мы, если можно так выразиться, с достоинством: фашистам буквально за каждой метр советской земли приходилось платить большой кровью. Так, с тяжёлыми боями мы отошли до Ленинграда и под его стенами встали насмерть.

– И наступили тяжёлые дни Ленинградской блокады...

– Да, все девятьсот дней и ночей блокады я участвовал в защите Ленинграда. Сначала был заместителем политрука роты, а потом меня назначили комиссаром противотанковой батареи. Фашисты рвались к городу

Ленина, их танковые атаки были мощными, но сквозь артиллерийский заслон наших войск им, как известно, прорваться не удалось.

– Все мы знаем, что перенесли ленинградцы в дни блокады, знаем о страшном голоде, который уносил сотни человеческих жизней. Было ли в этом отношении хотя бы чуть-чуть легче защитникам города?

– Мы получали паёк в 250 граммов хлеба и, в сущности, больше ничего. Витаминами нас «снабжала» сосновая хвоя, из которой мы готовили настойку. Мы сами её варили и пили целыми кружками. Хвойный «чай» не только оберегал нас от цинги, но и как бы заглушал чувство голода.

– Из бесед с ветеранами я знаю, что они во время войны почти совсем не болели обычными недугами, но вот специфической фронтовой «болезни» – ранений – удалось избежать немногим. Вы сколько раз были ранены?

– Было несколько пустячных, я их и за ранения не считаю. Зато контужен был трижды и особенно тяжело – во второй раз. Был без сознания ровно сутки и очнулся уже в госпитале, А случилось это так. Наш дивизион стоял под Пулковскими высотами. Я находился в землянке командира дивизиона, где несколько человек, в том числе и представители штаба армии, разрабатывали план операции. Все мы сгрудились вокруг стола с картой, когда в противоположный угол землянки ударил снаряд. На нас посыпались брёвна наката... И больше ничего не помню. Уже потом, в госпитале, узнал, что из всех, кто находился в блиндаже, только трое отделались контузиями, а остальных убило наповал,

– Вы, Николай Георгиевич, испытали в тот раз, можно сказать, случайную смертельную опасность. Но, наверное, были и моменты, когда Вы знали, что «смотрите смерти в лицо»?

– Ещё бы! Десятки, сотни раз... В каждом бою. Особенно памятен такой эпизод. Это было в первые дни войны, под Выборгом, Наш батальон контратаковал и выбил фашистов с занимаемой высоты. Мы удерживали её несколько суток. Враг нас окружил. Ряды батальона таяли. Погиб комбат, а замполит батальона был тяжело ранен. Решили вынести его из окружения. Ночью с одним бойцом мы волоком на плащ-палатке вытаскивали замполита. Откровенно говоря, надежды на успех было мало, и, естественно, в голове вертелись мысли о неизбежной смерти. Однако каким-то чудом мы проскользнули полосу окружения, и немцы нас не заметили. Правда, и ночь, помню, была непроглядная. Отлежались до утра в болоте, а утром заметили на дороге нашу полуторку. Замполита мы спасли, а сами уже ночью, опять рискуя жизнью, пробрались к оставшимся товарищам и потом ещё двое суток сражались, пока не подоспело подкрепление.

– Это были первые бои. А последние когда, в мае 45-го?

– Нет, мой фронтовой путь закончился раньше, в декабре 1944 года. Я уже был в звании капитана, и политуправление Ленинградского фронта решило направить меня на учёбу в военную академию. Вот так и получилось, что я после войны ещё более пятнадцати лет не снимал военную форму.

– И последний вопрос, Николай Георгиевич: как Вы встретили День Победы в 1945-м году?

– 9-е мая 1945 года – незабываемый день для всех фронтовиков, всех советских людей. Мне, можно сказать, повезло: я находился в самом сердце праздника на Красной площади в Москве. Мы, слушатели военной академии, потом участвовали в параде Победы.

Фронтовые километры

Как-то один из соседей с шутливой интонацией сказал Николаю Пекшеву:

– Слушай, видел на днях я хронику перед кино. Там парад на Красной площади предвоенный показывали. Один мотоциклист уж больно на тебя похож. Может, и правда ты?

– Может, и я, – серьёзно ответил Николай Васильевич. – В том параде участвовал...

Потом он сам посмотрел этот киножурнал, увидел себя, молодого, счастливого, на неуклюжем с точки зрения сегодняшнего дня, но мощном мотоцикле АМ-600. Смотрел на экран и вспоминал...

Вообще-то Николаю Пекшеву посчастливилось стать участником двух военных парадов на главной площади страны. 7 ноября 1939 года он представлял с товарищами необычный род войск – мотоциклистов-пулемётчиков, а 1 мая 1946 года провёз по Красной площади на своей машине воинов-десантников, – таких же, как и он, вчерашних фронтовиков. Между этими двумя парадами вместились для Николая Пекшева две войны.

Его призвали в армию в сентябре 1939-го. Вторая мировая уже занялась заревом над Европой, от тихой Тамбовщины она была ещё так далека, что Николай уверенно обещал родным: два года отслужу и вернусь. А пришлось носить военную форму почти семь лет.

Парень из тамбовского села попал в часть, где формировали отдельный мотобатальон и начали готовить его личный состав к ноябрьскому параду. Дело было новое. Времени мало. Тренировались, практиковались и репетировали мотоциклисты с утра до вечера, внимание на дожди и всё усиливающийся холод старались не обращать...

Парад прошёл без сучка, без задоринки.

– Николай Васильевич, – спрашиваю, – не каждый видел этот парад наяву или кинохронику о нём. Как же выглядел мотоциклист-пулемётчик Красной Армии?

– Необычно. Мотоцикл был двухколёсный, тяжёлый, без коляски. Пулемёт крепился на руле. Гашетка, мы называли её «монеткой», была выведена на руль, под правую руку. Так что в боевой обстановке я мог ехать и одновременно стрелять. Зрелище довольно грозное...

Вскоре началась война с белофиннами, и мотоциклисты, которых из Москвы сразу перебросили на Север, на деле доказали, чего они стоят. Сам

Пекшев попал во взвод разведки и регулировки. В его задачу входило: ехать впереди колонны автомобилей или танков и предупреждать внезапность столкновения с противником.

Забегая вперед, надо сказать, что Николаю Васильевичу, как говорится, везло и на финской войне, и потом, в пекле Великой Отечественной – ни разу даже не был ранен. Бывало, буквально в сантиметрах от него пролетала свинцовая смерть. Вот и тогда, на холодных дорогах Финляндии, смерть подстерегала Пекшева в каждом марш-броске, в каждой операции. Белофинские снайперы («кукушки», как называли их наши солдаты) не раз выцеливали с придорожных деревьев мотоциклиста-разведчика, но их пули, по счастью, летели мимо. Правда, раз, Пекшев упал с мотоцикла и выбил себе плечо...

Уже потом, после мая 45-го, в воспоминаниях фронтовика опасности финской кампании невольно потускнеют перед ужасами, сквозь которые прошёл солдат на фронтах Великой Отечественной.

Кавказ. Тбилиси. 41-й год. Механик взвода автороты Николай Пекшев (здесь он сменил мотоцикл на грузовик), загораая в редкие свободные минуты под южным благодатным солнцем, в мечтах был уже дома. Ещё несколько месяцев и – в дорогу. В субботу 21 июня поступил приказ от командира автороты до утра всю технику взвода тщательно осмотреть, привести в полную готовность. Механик с водителями засучили рукава гимнастёрки. Лишь только забрезжил на востоке светлый клинышек нового, с прекрасной погодой, дня, как бойцы закончили дела.

– Молодец, Пекшев! – похвалил командир и в шутку или всерьёз добавил: – Придётся тебя досрочно домой отпускать...

Через час началась война.

И понеслись под колёса его машины фронтовые тракты, шоссейки и просёлки. Это именно о таких, как Пекшев, появилась потом песня: «Эх, путь-дорожка фронтовая, не страшна нам бомбёжка любая!..». Приходилось ему сидеть за баранками американских «фордов» и «интеров», наших «полуторок» и трофейных немецких машин.

Возил в кузове бомбы и мины, снаряды и патроны, продовольствие и медикаменты, раненых наших солдат и пленных фрицев. А в кабине иногда подвозил Николай Пекшев удивительных людей. Однажды, например, это были артисты фронтовой концертной бригады, и среди них тогда уже знаменитая Рина Зелёная. Другой раз подбросил до передовой маршала, у которого личную машину повредило осколком.

Можно представить только, что видел и испытал фронтовой шофёр Пекшев во время сотен и тысяч рейсов по дорогам войны. Сколько артобстрелов и бомбёжек пережил, сколько мин объехал...

Цел и невредим остался солдат. Прошёл две войны рядовым. Делал честно и храбро, без показухи своё дело – добывал победу над ненавистным врагом. А когда с чувством исполненного долга сдал в мае 46-го боевой

грузовик новобранцу и вернулся домой в родное село, то снова сел за баранку. И повёл машину по мирным дорогам.

Хрупкая женщина на жестокой войне

Постовой милиционер на станции метро «Бауманская» повелительно свистнул в свисток. Она, удивлённая, обернулась – кому это, ей, что ли?

– Ну-ка, пойдём со мной!

Строгий милиционер привёл её комнату дежурного:

– Полюбуйтесь, товарищ лейтенант, какая геройская девчонка – вся грудь в орденах! Где, взяла?..

И потом, когда недоразумение выяснилось, служители правопорядка не могли скрыть своего удивлённого восхищения: эта юная девушка, похожая скорее на девчонку-школьницу, за четыре года войны прошла от Москвы до Кенигсберга, недавно вернулась в Москву с Дальнего Востока, где участвовала в разгроме милитаристской Японии. Девушка по праву прикрепила на кофточку орден Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, орден Славы III степени, медаль «За отвагу», другие медали. Это была, как узнали милиционеры, та самая героическая советская разведчица Марина Парфёнова, о которой они читали в газетах...

Ей невероятно трудно было в 1941 году убедить строгих военкоматовских офицеров, что она может стать бойцом, сможет выдержать тяготы и ужасы фронта. Марина закончила третий курс Московского механико-элеваторного техникума, когда началась война. Они всей учебной группой – а было их четыре девчонки и двадцать восемь ребят, всем по 17-18 лет – сразу пошли в военкомат: хотим в армию! Но там их вежливо завернули: надо будет – вызовем. А ждать терпения не было – фашисты вскоре уже начали бомбить Москву. Тогда Марина обратилась в свой райком комсомола: прошу зачислить в ряды защитников столицы. Так она стала бойцом сандружины – гасила «зажигалки», перевязывала раненых, а потом удалось прорваться непосредственно на фронт.

Фашистов она начала ненавидеть ещё до войны. Рядом с её домом в районе Белорусского вокзала находился интернат, где жили и учились испанские дети, спасённые от фашистов. Потрясали и ужасали их рассказы о зверствах фашистских выродков. Позже советские люди узнавали всё новые и новые подробности о победных кровавых маршах гитлеровцев по захваченным странам. Марина и её друзья знали, что война неизбежна, готовились к ней.

Её в то время все называли Малышкой, потому что ростом не вышла и одежду даже покупала в «Детском мире», но слабой и беззащитной она себя не считала: имела значки ГТО и «Ворошиловский стрелок», на «отлично» училась по начальной военной подготовке в техникуме. Кстати сказать,

комплекс ГТО в то время очень серьёзный был: в него входило и плавание, и прыжки с парашютом, и кросс, и стрельба...

Марина начала воевать санинструктором, потом стала разведчицей, встретила День Победы в должности командира взвода отдельной дивизионной разведроты. Ей довелось участвовать в сотнях боевых операций, испытать бесчисленное множество раз смертельную опасность – её два раза считали погибшей и оформляли похоронки. Четыре раза она была ранена...

Принято считать, что женщины не переносят вида крови, не в состоянии терпеть острую физическую боль. Почему же во время войны этот «закон» на Марину не действовал? Как ей удавалось подавлять страх перед пулями, страх смерти?

Сама она объясняет так:

– Было очень страшно. Было очень больно, когда пуля или осколок впивались в тело. Но в горячке боя или в напряжённой обстановке рейда в тыл врага об этом как-то не думалось. Уже потом, в госпитале, когда операции, перевязки, пришлось испытать, казалось бы, невыносимую боль, но всё же я стискивала зубы и старалась не кричать. Боль помогало преодолевать то, что будучи медсестрой, я успела уже насмотреться на такие страшные раны, почувствовать такую ужасную боль других людей, что своя боль казалась не такой большой, что ли, раны не такими страшными. Смерти я в общем-то не боялась. Я боялась попасть в плен. Помню, когда прочитала очерк Лидова «Таня» о Зое Космодемьянской, была потрясена её подвигом. И думала: будь я на её месте – выдержала бы? Мне самой приходилось немало видеть следов зверств фашистов – останки замученных наших солдат, женщин, стариков, детей...

Говорить и вспоминать об этом тяжело. Марину Васильевну до сих пор мучают ночные кошмары, снятся фронтовые эпизоды. Но она твёрдо убеждена, что помнить об этом и передавать память об этом новым поколениям они, участники войны, обязаны.

Иногда смотришь фильмы о войне, там вроде бы всё это есть: и смерть, и кровь, и взрывы, и чёрный дым над полем боя. Однако героиня (речь идёт о фильмах, где показывают женщин на войне) – с аккуратной причёской, в отглаженной форме, с подкрашенными глазами...

Спрашиваю:

– У Вас, Марина Васильевна, подобный «реализм» на экране не вызывает ли недоумение?

– Когда это смотрится чересчур неправдоподобно – конечно. А вообще: намерения у авторов таких фильмов, как правило, благие: показать, что женщина в любых условиях должна оставаться женщиной. Казалось бы, смерть кругом тебя, а красивой выглядеть хотелось. Помню, бойцы мои даже в шутку обижались на меня: бумаги на самокрутки не хватает, а я её на папилютки переводила. Бывало, накручу перед сном волосы, а ночью вдруг вспыхивает бой. Закроюсь косынкой наглухо, пригибаюсь от пуль, сама

стреляю, а в голове одна мысль: вот убьют меня, потом увидят на голове накрутки – позор!

Марина Васильевна показывает мне фотографии военной поры. Она совсем юная, маленькая, тоненькая... А фронтовые разведчики, как известно, были воинами храбрыми, геройскими, в большинстве своем богатыри. Как же они подчинялись приказам юной девушки?

Оказывается, один раз в самом начале случился, так сказать, эксцесс: новый боец её взвода наотрез отказался воевать под её началом. Бросился к командиру роты: лучше под расстрел пойду, но бабе ни в жизнь подчиняться не буду! Оказывается, это оказался разжалованный лейтенант, лётчик. Но потом он служил отлично, дисциплину не нарушал – понял, что такие глупые амбиции на фронте ни к чему. В целом же, подчинённые всегда выказывали Марине уважение, старались чем могли облегчить для неё тяготы войны.

День Победы – одно из самых ярких воспоминаний фронтовиков. Майская ночь. Тишина вдруг взорвалась выстрелами. Марина вскочила, оделась, схватила автомат и – наружу из вагона, как ей представлялось, – в бой. Слышит: «Победа»! Побе-е-еда-а-а!...». И только тогда поняла, что они стоят на маленькой станции за Новосибирском по пути на Дальний Восток. Было смешение чувства необъятной радости от Победы и чувства вполне понятной горечи, что они едут, в сущности, на новую войну. Марина и её товарищи ещё не знали – останутся ли они живы...

Марина Васильевна осталась жива. После войны вышла замуж за кадрового офицера, родила троих сыновей, с 1973 года живёт в Тамбове...

И главным остаётся для неё праздник Победы, которую она добывала в дни своей хрупкой юности на жестокой тяжёлой войне.

РАССТЕГАЕВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ (род. в 1949г.)

Прозаик. Член Союза писателей России.

Родился 28 мая 1949 года в посёлке Новая Ляда Тамбовского района Тамбовской области. Окончил Московский энергетический институт. Был инженером на тамбовских заводах «Октябрь», «Ревтруд», первым секретарём Советского райкома комсомола Тамбова. С 1981 г. Юрий Расстегаев работал в милиции, являлся пресс-секретарём Тамбовской областной Думы. Юрий Николаевич – участник боевых действий на Северном Кавказе.

Первая публикация Юрия Расстегаева появилась в смоленской областной газете «Рабочий путь» в начале 1970-х годов. Юрий Николаевич был редактором газеты «Доверие» Тамбовского областного управления внутренних дел. В 2002 г. он был награждён поощрительной грамотой Министерства внутренних дел России за лучшее произведение литературы и искусства о деятельности органов, подразделений и служб МВД.

Юрий Расстегаев публикуется на страницах областных и многотиражных газет, в столичной газете «Щит и меч», в коллективных сборниках, в журнале «Подъём». Писатель – лауреат областных премий им. А.К. Воронского и Г.Д. Ремизова. Юрий Николаевич продолжает наставническую деятельность в «Литературных пятницах им. А.М. Акулинина». В 2009 г. вышла его книга «Избранное».

Юрий Расстегаев награждён медалями «За безупречную службу», «200 лет МВД», знаком «За отличную службу в МВД», Почётной грамотой Тамбовской областной Думы.

Сочинения:

Расстегаев Ю. Большая прогулка. – Тамбов, 2002.

Расстегаев Ю. Во фронтовых делах не участвовал. – Тамбов, 2003.

Расстегаев Ю. Террористы. – Тамбов, 2006.

Расстегаев Ю. Пасечные истории. – Тамбов, 2008.

Расстегаев Ю. Избранное. – Тамбов, 2009.

Расстегаев Ю. Зона ЧП. – Тамбов, 2014.

Литература:

Голошумов, Е. «Жизнь милицейская на детектив не похожа» / Евгений Голошумов // Тамб. жизнь. – 2002. – 11 дек.

Голошумов, Е. Мозаика характеров и ситуаций / Евгений Голошумов // Тамб. жизнь. – 2008. – 10 окт.

Городкова, Т. Милиционер, журналист, писатель... / Татьяна Городкова // Мир информации. – 2006. – 8 нояб.

Дорожкина, В.Т. Расстегаев Юрий Николаевич / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 120.

Ермаков, В. Пасечные истории Юрия Расстегаева / Владимир Ермаков // Наедине. – 2008. – 12 нояб. – С. 11.

Исаев, Д. О прозе Юрия Расстегаева / Денис Исаев // Рассказ-газета. – 2005. – № 6.

Ишин, А. «Во фронтовых делах не участвовал» / Алексей Ишин // Наедине. – 2003. – 2–8 июня.

Расстегаев Юрий Николаевич // Кто есть кто в Тамбове и Тамбовской области в 2008 году. V.I.P. Персона. – Тамбов, 2008. – С. 171–172: фот.

Во фронтовых делах не участвовал *документальная повесть*

Скромная, ухоженная могила с надписью: «Акатышев Гаврила Иванович» ничем не выделяется на фоне поселкового кладбища. Ежегодно, в канун Дня милиции, ноябрьским холодным днём и таким же холодным, заснеженно-слякотным мартовским, накануне женского праздника она украшается живыми цветами. Пятого марта 1943 года он погиб на боевом посту. Скупые строки приказа навечно исключили его из списков личного состава, не пролив при этом ни капли ясности на обстоятельства жизни и смерти этого человека. Лишь музейная фотография напоминает о том, что в те далекие времена прозвучал предательски преступный выстрел дезертира, оборвавший жизнь сотрудника милиции.

Но, несмотря на годы, память об Акатышеве не умерла. Она лишь несколько потускнела от многолетних наслоений. И стоило лишь удалить этот слой, как обстоятельства подвига и его биография дошли до нас из документов и рассказов очевидцев.

Раскулачиванию не подвергался, избирательных прав не лишался

Крестьянская жизнь научила Гаврилу трудолюбию и практической сметке. Кусок хлеба доставался в семье нелегко. Отец и мать с утра до ночи пахали, сеяли, убирали урожай, ходили за скотиной. И сына приучали не бить баклуши. С раннего детства вставал он с первыми петухами и неокрепшими руками хватался за соху, таскал в снопы скошенную пшеницу, присматривал за лошадьми. Хозяйство Акатышевых, по старым меркам, было справным. А после революции стало именоваться середняцким. Его отец, Иван Семёнович, и дед, Семён Астафьевич, в селе Рудовка Рудовской волости Кирсановского уезда арендовали землю, имели на семью по паре голов лошадей и коров, 20 овец, испола пользовались ческой, владели четвёртой частью просорушки и были единоличными хозяевами конной молотилки.

С таким имуществом можно было угодить и в кулаки, как его дед по матери Фёдор Бадин. Местные власти конфисковали у него пятистенный, крытый железом, дом, трёх коров, столько же лошадей и овец.

В революцию Гаврила разменял шестой годик. Возраст вполне подходящий, чтобы выпустить из рук материнскую юбку и взглянуть на жизнь самостоятельными глазами, но слишком юный для того, чтобы понять суть происходящего. Словно вихрь, или буравчатый смерч, закрутили эти события русских мужиков, оторвали от сохи, заставив взяться за винтовки, и превратив трудовых коней – в боевых.

Свой стрелял в своего, брат шёл на брата, отец на сына. И Кирсановский район был в самом эпицентре событий, именуемых как антоновский мятеж и расцениваемый ныне историками как крестьянское

восстание, некая тамбовская Вендея. В этой мясорубке под селом Осино-Гай погиб его дядька Яков Бадин, занесённый волей судьбы-злодейки в бандитский стан.

В 1921 году семья Акатышевых переселилась на вольные земли на Тена-Графские выселки, впоследствии переименованные в поселок Советский Бондарского района. Здесь и прошло детство и юность Гаврилы. Вместе с родителями в 1930 году вступил он в колхоз, приведя на поводу всю имеющуюся живность и сдав на мехдвор молотилку. В 19 лет прошёл ликбез, преодолев 5 классов начальной школы и получив «низшее» образование.

Зимой 1932 года заседало правление местного колхоза имени Сталина. На повестке дня стоял вопрос: посылать или нет учиться на счетовода колхозника Гаврилу Акатышева. С арифметикой у него дела ладились, а вот с русским языком – дело труба. Но всё же большинством голосов решили послать. Как-никак, а пять классов по тем временам – это тебе не шутка. Главное для счетовода – счёт, а уж записать, сколько посеяно, сколько убрано, небось, сумеет.

Трёхмесячные курсы в райцентре ума-разума не прибавили, но понять нехитрую механику учёта помогли. И рядовой колхозник вырос до уважаемого на селе человека – счетовода!

За честность, принципиальность, умение организовать дело Гаврилу Ивановича вскоре избрали бригадиром, а затем перевели председателем колхоза с патриотическим названием «Подарок Октябрю». А председателю ещё не исполнилось и двадцати.

За два года хозяйствования Акатышев понял, что ему, как воздух, нужны специальные знания по агрономии, зоотехнике, экономике. И он всерьёз подумывал об учёбе, но в двадцать один год председателя «забрили» в армию. Служить он попал во второй конно-артиллерийский полк, расквартированный в городе Старо-Константиново. Окончив полковую школу младшего командного состава, остался здесь же командиром орудия, а затем помощником командира взвода.

В конце зимы 1936 года статный, подтянутый командир вновь появился в родной деревне. Многие местные красавицы не скрывали своего восхищения, засматривались на бывшего председателя. За время его службы «Подарок Октябрю» заметно подразвалился и был далеко не подарок. Пришлось Акатышеву, засучив рукава, вновь принимать хозяйство.

Через год, когда дела пошли на поправку, решил председатель и свою семейную проблему. Посватался, вопреки всяким ожиданиям, к молодой симпатичной вдове, воспитывающей двоих детей. Сыграли свадьбу, пятилетнюю Тамару и трёхлетнего Арнольда он усыновил.

В самый разгар уборки, знойным августовским днем, председателя неожиданно вызвали в райком комсомола. По какому вопросу не сказали: на месте узнаешь.

– Вот что, Акатышев, – без обиняков начал первый секретарь. –

Обстановка требует, понимаешь, нет ли, чтобы ты пошёл служить в органы. Ты парень надёжный. Вот, познакомься с решением бюро РК ВЛКСМ. Акатышев взял протянутую ему рекомендацию, прочитал: «Направляется в милицию, как лучший комсомолец, работающий председателем колхоза, премированный самими колхозниками».

Ответив на пять десятков вопросов специальной анкеты, оформив необходимые бумаги и передав хозяйство своему преемнику, Гаврила Акатышев переквалифицировался в участкового инспектора Бондарского райотдела милиции.

Неимоверно трудно жила деревня. Выращивая хлеб, колхозники, порой, дома не имели его сколько необходимо. Нечистые на руку крали без зазрения совести, честные – голодали. Участковый Акатышев с утра до ночи мотался по району в поисках злоумышленников. Обслуживая два смежных участка, едва успевал побывать в каждом населенном пункте. Он внимательно присматривался к людям, они, в свою очередь, обращались за помощью. Дела шли неплохо, начальник райотдела сержант милиции Остапчук и начальник РОНКВД лейтенант Долженко его работой оставались довольны, ставили в пример.

Зато его жене приходилось туго, ведь в сентябре 1938 года в семье появилась дочь Людмила. И так совпало, что Гаврилу Ивановича выдвинули на оперативную работу, направили для повышения профессионального мастерства в Саратов на специальные курсы рабоче-крестьянской милиции.

Но больших юридических познаний получить не удалось. В связи с ликвидацией курсов учёба была недолгой, каких-то четыре месяца. Получив по русскому стабильное «плохо», а по основам марксизма-ленинизма «отлично», новоиспечённый юрист-оперативник прибыл в Бондари и занял должность помощника оперативного уполномоченного.

Враги народа или трусы?

Война докатилась до центра России. Наполовину был захвачен Воронеж, шли упорные бои на Сталинградском направлении. Железнодорожные составы один за другим шли и шли в сторону фронта, поставляя в ненасытное брюхо военного Молоха всё новое и новое пополнение. По сути, Тамбовщина стала прифронтной областью. Всё чаще и чаще делались налёты фашистской авиации на узловую станцию Кочетовка. Бомбы сыпались на номерной завод в Котовске, снабжавший фронт артиллерийским порохом. В городах, а особенно в Тамбове, во многих школах были развернуты военные госпитали. В лесах под поселками Трегуляй, Новая Ляда и на станции Рада проходило формирование новых частей, получали долгожданный отдых и пополнялись новобранцами побывавшие в боях подразделения.

Призванные по мобилизации, размещались в Тамбове, Мичуринске, других населённых пунктах, где проходила железная дорога. В

срочном порядке обмундировывались, разбивались по командам и отправлялись на фронт.

Но до места назначения добирались далеко не всё. И на общем фоне патриотического подъёма, нацеленного на борьбу с фашизмом, под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы», зародилось новое движение, управляемое и направляемое не средствами массовой пропаганды и агитации, а чувством глубинным, мелочным, трусливым, запрятанном где-то в глубине человеческого подсознания. Большинство, преодолев его, перестав ради святого дела опасаться за собственную шкуру, уходили навстречу своей судьбе. Те же, кто не смог уйти от страха, подавались в дезертиры.

Явление это не было массовым. И, тем не менее, становилось довольно-таки ощутимым для сильно поредевших рядов милиции, большинство сотрудников которой было призвано в армию. Дезертиров «отлавливали», как диких зверей, возбуждали уголовные дела, проводили расследование. Как правило, они получали по десять лет лишения свободы, которые, ввиду военного положения, заменялись отправкой на фронт в штрафные роты. В Мичуринск на специальный пересыльный пункт свозились дезертиры со всей области.

Во фронтовых делах не участвовал

Бондарские сёла: Пахотный Угол, Казывань, Городище, Хмелина, расположенные в лесной местности по берегам рек Керша и Хмелина, стали приютом для многих местных, бондарских, да и пришлых дезертиров. Осенью 1941 года в здешних местах сформировалась устойчивая бандитская группа, насчитывающая полтора десятка «лесных братьев». Дезертиры были связаны с местным населением, снабжавшим их продовольствием и нужными сведениями. Возглавляли банду казыванские крестьяне Белоусов и Дронов. Вооружение у дезертиров было неплохим. Многие имели укороченные, многозарядные кавалерийские карабины, добытые в войсковых частях, отведённых для переформирования, а также охотничьи ружья и обрезы. Имелась и своя разведка. Поэтому Акатышеву и его милиционерам, сотрудникам районного отдела НКВД нелегко было окружить и уничтожить преступную группу.

Весной 1942 года, в самый разлив, бандиты наведались на колхозную овцеферму в село Заметчино. Председатель колхоза, заглянувший к животноводам, нашёл связанного сторожа, возле которого валялся его, более древний, чем он сам, дробовик. Насмерть перепуганные женщины рассказали о нашествии вооруженных до зубов дезертиров. Колхозная отара «похудела» на двенадцать жирных баранов. Их бандиты на плечах, как волки, уволокли в тёмный Бондарский лес.

Начальник РОНКВД Б. Попов вызвал в кабинет Гаврилу Акатышева.

– Езжайте на ферму, разберитесь, что к чему. Пора бы покончить с бандой!

На другой день на операцию по задержанию дезертиров задействовали девять сотрудников. Больше «наскрести» не удалось. Гаврила Акатышев, руководивший операцией, знал примерно место расположения банды.

Лесная глухомань скрывала солнечные лучи. В чаще, даже днем, было сумрачно и сыро. Серый в яблоках жеребец Акатышева неожиданно упёрся в завал из почерневших, безжизненных, полусгнивших деревьев, переплетённых кустарником и невысоким подлеском. Лесная дорога кончилась, пришлось спешиться и оставить лошадей. Где-то здесь в непроходимой чаще и прятались дезертиры. Шли вперёд цепочкой, один за одним, скрадывая шаги и стараясь не наступить на трескучие, гнилые ветки.

Вскоре вышли к поляне, посреди которой горел костер. Ядовитый дым от него стелился по земле, медленно полз в сторону огромной, хорошо замаскированной от посторонних глаз землянки. И если бы не этот дымок, да развешенные на деревьях только что освежеванные овечьи туши, найти укрытие было бы нелегко. Возле костра сновали кашевары, остальные бандиты грелись на теплом мартовском солнце, расположились под деревьями.

Оперативники стали медленно рассредоточиваться, стараясь взять дезертиров в кольцо. По сигналу руководителя операции все одновременно, со всех сторон должны приступить к захвату.

Но случилось непредвиденное. Оставленные неподалеку лошади, заметив отсутствие хозяев, громко призывно заржали. Словно скрытая пружина подбросила лесных разбойников. Схватив оружие, они изготовились к стрельбе, заняли оборону. Завязалась ожесточённая перестрелка, фактор внезапности был утерян. «Зелёные», теснимые милиционерами, бросили обжитую базу и скрылись в лесу.

Операция прошла комом. Прибывший на место Б. Попов, не скрывал своего неудовольствия. Но больше всех был расстроен Гаврила Акатышев, и не снимал с себя вины за происшедшее.

И всё же, положительным моментом было то, что дезертиры лишились обжитой базы, оставшись один на один с холодным, неуютным лесом. При обыске наткнулись на непочатые бутылки с молоком, заткнутые плотно скрученными пробками из ученических тетрадей. На некоторых листах удалось разобрать фамилии учеников.

В этих домах и решили устроить засаду. В засаду пошли четверо: оперуполномоченные Поляков и Кирюхин, участковый Ионкин, милиционер Шураев. Рано утром, едва забрезжил рассвет, сотрудники благополучно переправились по полузатонувшим, плывущим льдинам на другой берег Керши и вошли в село Казывань. Они опоздали. Человек пять дезертиров вместе с главарем уже переправились на лодке на тот берег, с которого только что пришли оперативники, и были вне всякой досягаемости. Другая группа, заметив милиционеров, поспешила к

лодке, припрятанной в прибрежных кустах. Поляков с товарищами бросился к ним наперерез.

Двоих схватили, положили на землю. Шураев и Кирюхин остались с задержанными, Поляков и Ионкин погнались за тремя беглецами, пустившимися наутек вниз по течению. Бандиты бежали метрах в трёхстах впереди, нисколько не реагируя на пистолетные выстрелы милиционеров.

Уже всю рассвело, весеннее солнце пригревало не на шутку, день обещал быть чудесным. Разбуженные стрельбой местные жители, с интересом наблюдали за перестрелкой.

Дезертиры, добежав до брода, прямо в одежде перешли реку и скрылись в лесу. Вслед за ними, раздевшись, полез в ледяную воду Поляков.

«Не догнать бы мне их ни за что, – рассказывал Николай Михайлович, – да видно, есть Бог на свете. На моё счастье по лесной дороге ехал на телеге колхозный бригадир. Фронтвик, подчистую списанный из армии по ранению. Он услышал выстрелы, свернул в чащу и притаился, прихватив с телеги увесистый валец для стирки белья. Когда ничего не подозревавший дезертир, бежавший впереди, поравнялся с крестьянином, тот хватил его со всего маха по голове. Беглец рухнул, как подкошенный. С округлёнными от удивления глазами, второй дезертир пытался было застопорить бег, но по инерции неумолимо приближался к бригадиру с увесистой битой в руках. Третий, сообразив, в чём дело, свернул с дороги и во всю прыть, ломая кусты, словно лось, понёсся, не разбирая дороги, в лесные дебри.

Когда я, запыхавшийся, почти в чем мать родила, добежал до крестьянина, тот, как ни в чем не бывало, сидел на телеге и смолил «козью ножку». Рядом на земле тихо-мирно лежали два оглушенных бандита.

– Ну, чего растерялся начальник? – подмигнул он мне. – Принимай своих клиентов. Надоели до смерти! Всю зиму округу в страхе держали».

Обложенные со всех сторон милиционерами, остатки банды продолжали скрываться в лесах. Дронов со своим ординарцем Заподобниковым далеко от родной деревни, похоже, уходить не собирался. Хитрый, дерзкий и далеко не глупый, он успешно избегал ловушек, подстроенных ему оперативниками. Напрасно милиционеры дежурили у его дома, возле комбайнов с бункерами полными зерна, специально оставленными на близлежащих к лесу полях.

И всё же в августе удалось проникнуть непосредственно в банду и узнать её местонахождение. Дезертиров застали врасплох. Дронов спал, не выпуская из рук неразлучный кавалерийский карабин. Неподалеку «кемарил» верный Заподобников. Схватка была недолгой. Главаря связали, а пытавшийся убежать помощник был остановлен винтовочной пулей.

Не раз и не два Гаврила Акатышев и его товарищи шли на риск, чтобы задержать вооруженных дезертиров. Это была смертельная схватка, жестокая борьба, ни в чём не уступающая военным баталиям.

В своей автобиографии Акатышев, тем не менее, скромно указывал: «во фронтовых делах не участвовал».

Генерал в поезде, главарь – на свадьбе, тит – под кошёлкой

Пригородный поезд Обловка-Тамбов подходил к станции Сампур. В бестолковой суете гражданского и военного люда, толпящегося на станционной площадке, выделялась фигура высокого, молодцеватого военного в плащ-накидке. Громкий гомон непроизвольно стихал, когда он подходил к той или иной группе отъезжающих и провожающих. Кто такой? Что за птица? По всему, видать, шишка, втихаря делились они между собой. Подошёл поезд. Схватив холщовые мешки, пассажиры приступили к штурму вагонов. И только статный военный спокойно и уверенно прошёл внутрь. Его безропотно пропустили.

Каким-то шестым чувством фронтовики определили в нём строгого командира. Когда же он снял накидку, все ахнули: перед ними сидел генерал!

Даже в войну, когда звания растут не по дням, а по часам, встретить двадцатипятилетнего парня с такими звёздами – большая редкость.

И всё же было что-то неестественное, странное в поведении военачальника. Во-первых, он ехал без адъютанта, неперменного атрибута военной генеральской жизни. Во вторых, в разговоре отпускал, порой, такие «перлы» – хоть стой, хоть падай. И уж очень бросались в глаза длинные, нечёсанные, как у Гавроша, лохмы.

О странном генерале сообщили в областное управление НКВД. На первый взгляд, документы оказались у него в порядке, и, тем не менее, сотрудники отделения по борьбе с бандитизмом решили досконально установить его личность. В кабинет начальника отделения ББ майора А. Амелина была вызвана начальник паспортного стола Сампурского РОНКВД А. Шуткова, которая и опознала в задержанном «генерале» местного тракториста Алексея Воробьёва.

– Александра Владимировна, а вы-то зачем сюда попали? – удивился тот.

– Да на тебя полюбоваться. Ишь вырядился, словно павлин!

Воробьёв, как выяснилось, дезертировал с фронта и, нацепив на ремень кобуру с пистолетом ТТ, покорял сердца местных красавиц молодостью, нахальством и высоким званием. Помимо прочего, вместе со своими друзьями он совершил несколько серьёзных преступлений.

Для сотрудников ОББ этот сампурский «павлин» был не в диковинку. В здешних краях водились птицы и покрупнее. Например, банда капитана Еленкина. Этот дезертир сколотил хорошо организованную группу, действующую не только в Сампурском районе, но и распространившую свои шупальца на Знаменский и Жердевский районы. На её счету был целый набор преступлений, в том числе и убийства. Обезвредить бандитов

длительное время не удавалось ещё и потому, что им потворствовал кое-кто из местных власть придержащих лиц.

Группу взяли на свадьбе сестры главара в селе Александровские Верхи. По сути, это была тщательно спланированная операция. Ни дать, ни взять – настоящая «свадьба в Малиновке».

Допекали и дезертиры-одиночки, всеми правдами и неправдами уклоняющиеся от мобилизации. Среди подобных Тит Селиванов из Верхоценья являлся настоящим уникамом. Несколько раз он убежал по пути на фронт, его отыскивали, снова направляли, но он дезертировал с упорством, достойным лошади, отовсюду возвращающейся в собственную конюшню.

В очередной раз милиционеры наведались в ставший уже знакомым дом Тита. Обыск ничего не дал. Оперативная группа, совсем уж было собралась уходить не солоно хлебавши, когда с полатей слез младший сын дезертира, карапуз лет четырех-пяти.

– Ну, что, не нашли батьку? Нипочем не найдёте.

– Всё равно найдём, – как бы про себя проговорил один из милиционеров.

– А вот и не найдёте.

– Найдём. Спорим? – в шутку предложил оперативник.

– А на что?

– Да хоть на кусок сахара.

Порывшись в кармане, милиционер вытащил из шинели большую, слегка обсыпанную махоркой, колотую пирамидку рафинада. Мальчонка облизнул губы. Для вида милиционер пошарил по углам и вложил в тёплую, хрупкую детскую ладошку сладкий камешек.

– Держи выигрыш, твоя взяла. Запропастился куда-то твой батька-дезертир.

– Эх, вы, – обрадовался пацан, – искать не можете! Да вон он под кошёлкой сидит!

Сотрудники не поверили, но на всякий случай пнули ногой здоровенную корзину для раздачи сена. Она, вопреки их ожиданиям, не слетела с места. Изнутри донеслись смачные ругательства:

– Мать вашу... Распинались! Прямо по башке ногой, дурачком сделаете!

За одного битого – двух небитых дают

Осенью 1941 года оперативная обстановка в Сампурском районе заметно осложнилась. Требовалось серьёзное, кардинальное решение. Поэтому, помимо помощи силами областного аппарата, решено было укрепить руководство отдела милиции.

На главную должность рассматривалось несколько кандидатур. На стол начальника областного управления НКВД полковника Митряшова легла кипа личных дел. Среди них – личное дело заместителя начальника

Бондарского РОНКВД Гаврилы Акатышева. Именно на него, как на наиболее опытного и перспективного сотрудника, пал выбор.

Руководитель управления вызвал начальника отдела кадров подполковника Назарова:

– Думаю, будем назначать в Сампур Акатышева. Как Вы считаете?

– Характер у него уж больно несговорчивый, горячий. Выдержки не хватает: что думает, то и говорит. Прямо в глаза, независимо начальник ли, подчиненный.

– Так ведь, мы его не на дипломатическую работу направляем, отдел поднимать, с дезертирами бороться...

– И ещё. У него тут в личном деле за три года службы три взыскания, – начальник отдела кадров открыл личное дело на нужной странице.

– Вот, пожалуйста: выговор за пререкания с начальством, предупреждение за отправку арестованных в тюрьму без санобработки и строгий выговор за оплошности при поимке дезертиров.

– Помню, помню. Сам лично «строгача» ему объявил. Но, как говорится: кто не работает, тот и взысканий не получает. Помните, что по этому поводу говорил Суворов? За одного битого – двух небитых дают. А Акатышев – битый-перебитый, опытный. Так что будем переводить его в Сампур.

25 сентября 1942 года личному составу был представлен новый начальник Сампурского райотдела милиции. Он же одновременно являлся и заместителем начальника районного отдела НКВД, который возглавлял капитан госбезопасности Ушаков.

Сотрудники отдела встретили начальника настороженно: известно, новая метла метёт по-новому. Но вскоре зауважали за прямолинейность, требовательность и трудолюбие. На фронте шли жестокие бои, но и здесь, в тылу, было непросто. Каждый человек в отделе был на вес золота. Достаточно сказать, что на весь район было три милиционера, четыре участковых, два оперуполномоченных уголовного розыска, начальник бюро исправительных работ, пожарный да начальник паспортного стола.

На дежурства заступали по два раза в неделю на сутки. Отдежурив, домой на отдых не уходили, и с утра, как обычно, приступали к работе. Из транспорта имели две гривастые вороние кобылы, за которыми присматривал пожилой конюх.

На места преступлений, в большинстве своём, не выезжали, а выходили пешком. Пешком конвоировали и арестованных. И только иногда, если нужно было добираться в дальнюю деревню, усаживались в просторную служебную пролётку. На ней же отвозили до Котовска пойманных дезертиров. Отсюда их в дальнейшем доставляли этапом в город Мичуринск.

Побег

24 августа 1941 года в дом Ивана Есикова, налогового агента районного финансового отдела, почтальон принесла повестку из военкомата. Предчувствуя её содержание, жена дрожащими руками, сдерживая волнение, расписалась в разносном журнале.

Когда вечером Есиков появился на пороге дома, на лавке уже стоял приготовленный вещмешок, лежали тёплые вещи, пара буханок ржаного, только что испечённого хлеба. Он сразу понял, что к чему. Ведь из Александро-Павловки, его родной деревни, на войну ушёл не один десяток мужиков. Дошла, видно, очередь и до него.

Из Сампура мобилизованных привезли на станцию Рада, где в здешних лесах с новобранцами проводились недолгие учения. Занятия по тактике сводились к рытью траншей, окопов и капониров для артиллерии. По боевой подготовке – к стрельбе из «трёхлинейки». Политзанятия – к клеймению мирового империализма и мракобеса Гитлера.

О положении дел на фронтах знали скупое. Из уст в уста передавали втихаря услышанное от солдат, вернувшихся с фронта на переформирование. Самые различные слухи и домыслы ползли среди новобранцев с быстротой молнии. Говорили, что немцы не сегодня завтра возьмут Москву, а оттуда прямой дорогой на Тамбовщину. Есиков в разговоры не вступал, слушал молча. Служа «срочную» в войсках НКВД, он хорошо представлял, чем могут окончиться подобные разговоры.

Чувство неуверенности, малодушия, страха всё больше и больше овладевало им. В такие минуты он думал только о том, как самому не сгинуть в огненном смерче войны, любой ценой избежать гибели. Даже ценой предательства и измены. Если придут немцы, тогда можно и объявиться перед новыми хозяевами. Он гнал от себя эти мысли, старался думать о трёх оставленных дома ребятишках, младшему из которых едва исполнился годик. Кто их-то защитит, коли не он? Уклонись он от фронта – что будет с женой, без разгибу, с темна до темна зарабатывающей в колхозе трудодни на пропитание семьи?

Вспомнилось прежнее довоенное житье. Вначале, когда девятилетним пацаном пас кулацкий скот, было трудно. Не легче было и в Оренбурге, где добывал кусок хлеба учеником плотника. Но когда стали создаваться коллективные хозяйства, и он, как пролетарий сельского труда из многодетной семьи, устроился работать в родном совхозе «Ярославский» весовщиком, жить стало намного легче. А вскоре нашлась для него и вовсе не пыльная работёнка в райцентре – налоговым агентом. Нет, что ни говори, а жизнь у него складывалась неплохо, было что вспомнить, о чём жалеть. Теперь – всё в прошлом. Будь она проклята, эта война!

Два чувства страха боролись в нём. Одно – за собственную «шкуру», за вероятную возможность умереть на поле брани. Другое, точно такое же

чувство, но за последствия побега с фронта. Тут уж на милосердие рассчитывать нечего. Коль не шлепнут, как предателя, врага народа, то отправят точно в том же направлении – на фронт.

В лесных военных лагерях под Радой жил и мучился бывший финагент Есиков, так и не придя ни к какому кардинальному решению. Вскоре военный эшелон, в который погрузили технику и новобранцев, взял курс на Москву. Однако Иван Есиков не увидел столицу даже из окна теплушки. Не заезжая в будущий город-герой, состав повернул на Ленинградское направление.

Москва осталась позади, а невеселые мысли не покидали. Трое бойцов вслух рассуждали о войне:

– Говорят, Гитлер вооружен до зубов, техника у него отличная.

– Это точно, – поддакивал молодой рыжий солдатик, отхлёбывая из кружки крепкий чай. – Раз отступаем, то немец толк в войне знает. Почитай, всю Европу в своих руках держит.

– А я всё же думаю, братцы, – встрял третий, – наша броня крепче ихней будет. Не зря же в песне поётся: «танки наши быстры».

– Помолчал бы, знахарь, – перебил его пожилой усатый пехотинец. – Немец он всю жизнь воюет, опыт у него, понял? Сколько наших в плен попало? – Тыщи!

На этот раз Есиков твердо надумал бежать. Сделать это было не так уж и сложно. Многие солдаты выбегали на станции с котелками и вещмешками из вагонов, чтобы выменять у горластых торговков махорки, соли, чая, набрать кипятку. Стоило только сделать вид, что отстал от поезда. Километрах в ста от Москвы военный эшелон сделал остановку.

В середине сентября Иван Есиков добрался до родной деревни. Глубокой ночью, как вор, боясь переполошить соседей, он постучал в окно своего дома. На стук никто не отозвался. Дверь была закрыта на замок. Ключи лежали в условном месте. Он открыл замок и вошёл внутрь. Дохнуло холодным, отвыкшим от людей жилищем.

Дня через два заглянула жена, проживавшая с детьми у матери. Замка не было, дверь закрыта изнутри. Она подошла к окну, прижалась к стеклу и заглянула внутрь. Из дома на неё смотрела физиономия Ивана. От неожиданности она застыла, думая, что ей померещилось.

– Ну, чего уставилась, входи.

Аксинья бросилась в дом.

– От поезда я отстал, потому и вернулся, – начал Есиков с объяснений.

– А как же дальше-то, Иван?

– Почему я знаю, – невесело ответил Есиков. – Толкач муку покажет. Лучше б принесла чего-нибудь поесть, – со злостью произнес он.

Вначале он думал пойти в военкомат. Мало ли что бывает, ну, отстал от поезда, ну, домой вернулся. Но ведь честно, добровольно заявил о себе. В глубине же души, сам не согласился со своими доводами. Отстал?

Так почему не заявил об этом сразу военному коменданту станции?

Ещё день-другой мысль о военкомате витала в мозгу, так и не найдя своего практического воплощения. Затем он смирился со своим положением дезертира.

Земляные черви

Жена несколько раз приносила продукты, кое-какую утварь, тёплые вещи. Делала это, потаясь, боясь вызвать подозрение родных и соседей. Есиков предположил, что больше недели в доме оставаться опасно. За это время, пожалуй, сообщение о его побеге успеет дойти и до сампурской милиции. Тогда жди в гости участкового или оперуполномоченного. Попрощавшись с женой и прихватив запас съестного, Иван подался в окрестные поля, в летний лагерь свиноводческого совхоза.

Зима 1941-1942 годов по всем приметам обещала быть лютой. Октябрь только-только начался, а ночной холод пробирал Есикова до мозга костей. Не помогала согреться и печь для комбикормов, возле которой он ночевал. Слишком уж огромным и дырявым было помещение свинарника. Топи – не натопишь. А ведь где-то нужно искать приют на зиму.

В Александро-Павловку и Ярославку, где проживали родственники, путь ему был заказан. Да и в других селах знакомые вряд ли согласятся приютить дезертира. Жена лишь могла посочувствовать Есикову, но помочь...

В двух километрах от Ярославки, в овраге, построил себе землянку Степан Дженабаев, приبلудный казах. В начале тридцатых приехал он в село из Уральской области, устроился сторожем в совхоз «Ярославский». Но жить с людьми не захотел. По какой причине он покинул родные места, никто не знал. Поговаривали, что сбежал от раскулачивания.

С Дженабаевым Есиков познакомился ещё в 39-м. Когда пришёл собирать налоги, понял: с него взятки гладки, – всё равно что с голой мухи тулуп требовать. Беспроглядная нищета царила в доме, если так можно назвать жилище, наполовину врытое в землю, с глиняным полом и обшитыми досками стенами. На четырнадцати метрах ютилось пятеро! Зарплаты сторожа едва хватало на хлеб. Выручала скотина, обитавшая через стенку с хозяевами, да огород.

Один идти к Дженабаеву Есиков не решился, взял с собой жену. Степан сделал вид, что ни о чём не догадывается, поставил на стол картошку, достал для гостей початую бутылку самогона. Когда дошли до сути визита, казах неожиданно быстро согласился принять на шею ещё одного нахлебника, причём опасного. То ли добром вспомнил снисходительного агента, то ли почувствовал родственную мытарскую душу, а может попросту испугался мести дезертира.

Спал Есиков на холодном глиняном полу, подстелив солому, а сверху старый отцовский армяк. От чужих глаз хоронился в тесной, два на полтора, яме, точь-в-точь похожей на могилу. От неё, снаружи дощатых стен, была

вырыта трёхметровая щель. Лаз в убежище располагался за печкой. Отверстие, в которое мог свободно пролезть человек, закрывалось квадратной дверцей. Найти укрытие постороннему человеку было трудно. Петли и щели люка обмазывались глиной, а сверху навешивался большой железный таз.

По ночам, словно сыч, выходил Иван Есиков на «белый свет», наблюдая яркие, мерцающие в морозном воздухе, звёзды, тоскливо по-волчьи вглядывался в знакомые с детства окрестности. С наступлением тепла он подался в поля.

Со старшим братом Фёдором Иван встретился в самый разгар лета. Надёжно укрытые густыми зарослями подсолнечника, рядки которого густо заросли лебедой и другими сорняками, они, не опасаясь, выпили самогона, как следует закусили, немного помолчали и рассказали друг другу о своих немудрёных похождениях. Фёдор, также как и Иван, был призван в армию, и сбежал 20 января 1942 года со сборного пункта в Тамбове.

Вдвоём коротать время было веселее. Вот только, сколько придётся скрываться от своих: месяц, год, десятилетие? Об этом братья-дезертиры старались не думать. Днём отлеживались в густой ниве, в высоких посевах кукурузы и подсолнечника. Ночью по проселочной дороге выбирались к водоёму, чтобы искупаться или порыбачить, наведывались на картофельные грядки. Иногда тоска гнала их к человеческому жилью. Притаившись, они жадно, с интересом наблюдали за картиной деревенской жизни.

К осени братья вновь подались на зимние квартиры. Иван к Дженабаеву, Фёдор к себе домой. У заднего окна, что вплотную подходило к печи, чтобы светлее было стряпать, Фёдор Есиков аккуратно выдолбил в деревянной стене дома нишу, закидал её снаружи навозом. Получилось что-то вроде склепа, в который он, отодвинув подоконник, укладывался на день и точно таким же манером выползал в сумерки наружу.

В октябре 1942 года с фронта вернулся Дмитрий Есиков, младший из братьев. Вернулся насовсем, встал на учёт в райвоенкомате. Несмотря на инвалидность, пошёл устраиваться на работу в совхоз. Узнав новость от жён, братья-дезертиры испытывали к больному, но всё же свободному, вольному в своих делах и поступках человеку какую-то потаённую зависть. К чему оно, здоровье, коль некуда его тратить. От безделья, темноты и постоянного чувства боязни можно сойти с ума!

Голодно, неуютно было в деревне. Даже здешние, тучные сампурские чернозёмы едва-едва позволяли сводить концы с концами. Дмитрий, сызмальства имевший страсть к охоте, приобрёл у одной вдовы мужнино ружьё. Но поохотиться и пополнить запасы дичью ему не пришлось. Спустя несколько дней боеприпасы и двустволка странным образом исчезли.

Выстрелы у оврага

Права пословица: шила в мешке не утаишь. В деревне, где всё друг про друга знают, не укрылись, да и не могли укрыться, непонятные визиты Аксиньи в сторону летних свиноводческих лагерей. За каким лядом в лютую стужу она попёрлась в гости к казаху? Да и в доме Фёдора не случайно окна стали плотно завешивать тяжёлыми суконными шторами, слишком уж усердно соблюдая светомаскировку.

Односельчане, встречаясь с женами Ивана и Фёдора, замечали в их поведении какую-то неуловимую, на первый взгляд, перемену. Нет-нет, при разговоре о войне вдруг появится на лице у той или другой смущение, а то и едва заметное подобие испуга. Не было в этих молодых женщинах того неутешного, глубокого горя, которое замечалось в других солдатках, получивших на мужей похоронки или сообщения о пропаже без вести. Своими сомнениями кто-то поделился с милицией.

Промозглым днём 4 марта 1943 года сотрудники Сампурского РОНКВД и военкомата выехали на двух повозках на операцию по задержанию дезертиров. Шёл мокрый снег, и когда в три часа добрались до места, все продрогли и промокли до нитки. В правлении совхоза «Ярославский» отыскивали директора Петра Скребнева. Начальник районного отдела НКВД капитан Ушаков, руководящий операцией, попросил его подыскать для подкрепления надёжных, толковых людей из работников хозяйства. Сбор наметили в конторе на четыре утра. Здесь же расположились на ночевку.

Разделились на две группы. Первая, возглавляемая Ушаковым, осталась в Ярославке. Вторая из семи человек под руководством Гаврилы Акатышева, должна была обследовать летний свиноводческий лагерь, а также землянку казаха. По заснеженному полю на лошадях проехали километра три. Затем пошла овражная местность, лошадей пришлось оставить. Плотный наст не всегда выдерживал вес человеческого тела, и люди проваливались в снег почти по пояс. Помещения летнего лагеря были занесены снегом и едва угадывались в предрассветных сумерках.

Одиноким узким человеческим след двух-трёхдневной давности вёл под самый верх соломенной крыши. Цепочка обрывалась перед большой норой, прорытой в слежавшейся соломе, в которой свободно мог спрятаться человек.

Чтобы не терять времени, Акатышев выделил из группы трёх человек: работника райвоенкомата старшего лейтенанта Федюнина, пожарного инспектора Медведева и директора Скребнева и поручил заняться летним лагерем. Остальные четверо направились в сторону землянки Дженабаева.

В лагере явно прятался человек. Его следы, петляя, вели в сторону укатанной просёлочной дороги. Медведев поспешил догнать основную группу, а Скребнев и Федюнин, вооруженный автоматом ППШ, пошли по следу. Неожиданно в стороне оврага, где была землянка, прозвучали

выстрелы.

Навстречу, маша руками, бежал заведующий фермой Фёдор Крутоголовый и что-то громко кричал. Они поняли: случилось ЧП и поспешили навстречу.

В последний путь

Степан Дженабаев, как всегда, проснулся рано. Протёр глаза, выбрался из землянки. Сумерки рассеивались, уже светало, было около шести утра. Неожиданно до его чуткого уха донеслись приглушённые голоса, хруст снега. Вглядевшись попристальней, он рассмотрел несколько тёмных силуэтов приближающихся к землянке вооружённых людей, и узнал знакомую фигуру Крутоголового, за которым шли ещё четверо. «Зачем их сюда занесло в такую рань», – подумал казах. И в ту же секунду понял: «Неспроста. Не иначе, дезертира разыскивают!».

Никем не замеченный, Дженабаев быстро нырнул назад, растолкал спящего Есикова:

– Вставай живо, чего дрыхнешь! Ищут тебя!

Дезертир вскочил, как ошпаренный, схватил ружьё, которое для него украла у брата Дмитрия жена, одежду и кинулся к выходу.

– Да не сюда, остолоп! В яму полезай! – закричал хозяин и подтолкнул Есикова за печку. – Выскочишь, как раз, как заяц, на охотника!

Есиков с трудом протиснулся сквозь узкий лаз подземелья. Дженабаев поспешил навстречу неожиданным гостям.

Фёдор Крутоголовый напрямую спросил Дженабаева:

– Говорят, у тебя дезертир поселился? Есть кто посторонний?

– Что Вы, Фёдор Ильич, никого!

От Акатышева не укрылось его смущение. И он, глядя в глаза казаху, переспросил:

– Точно никого? Не темни, а то хуже будет.

Дженабаев поправился:

– Да есть тут один. Охотник. Забрёл недавно. Двустволка у него...

– Понятно, – проговорил Акатышев. – Сейчас проверим, что за охотник. Давай, веди в свои хоромы.

Дженабаев по узким земляным ступеням спустился к двери и вошёл внутрь. Следом за ним шёл пожарный Питирим Медведев. Но перед самым входом в землянку Акатышев остановил его:

– погоди, не лезь поперёд батьки в пекло! Мало ли что там...

Акатышев открыл дверь землянки. В полумраке убогого жилища было трудно что-либо рассмотреть.

«Свет бы зажгли что ли! Кто здесь есть, выходи!» – проговорил он, и шагнул внутрь. В ответ раздался ружейный выстрел. Акатышев рухнул на земляной пол. Медведев, находившийся на последней ступени, дважды выстрелил наугад в сизую пороховую мглу землянки.

Оперативная группа окружила землянку. Крутоголовый на

розвальнях уехал в совхоз им. Ворошилова, чтобы предупредить о случившемся Ушакова и вызвать подкрепление. К этому времени Ушаков с товарищами уже задержал дезертира Фёдора Есикова и проводил обыск в его доме. Не мешкая, он сразу же выехал на место происшествия. Спустя некоторое время туда же прибыл районный прокурор Уткин. Из Тамбова выехали сотрудники отделения по борьбе с бандитизмом.

Иван Есиков сопротивлялся отчаянно. Забаррикадировав дверь, он отстреливался из ружья и пистолета ТТ, взятого у Акатышева. И всё же, спустя почти десять часов, он вынужден был сдаться. В этом немалую помощь оказали руководителю РОНКВД Ушакову брат дезертира Дмитрий и шурин А. Матвеев, склонившие Есикова к этому единственно верному шагу.

С тяжёлым ранением головы Гаврилу Акатышева доставили на подводе в медицинский пункт села Ярославка, а оттуда в райцентр. Но врачи оказались бессильны. По мнению врача Френкеля были задеты жизненно важные центры головного мозга.

Около четырёх часов вечера арестованных братьев Есиковых и Дженабаева доставили в дежурную часть райотдела. Дежурная, начальник паспортного стола А. Шуткова, зарегистрировала в журнале учёта происшествий материалы, сложила в сейф привезённые вещественные доказательства. Оперуполномоченный Гольц и одноногий милиционер Козадаев, охранявшие Ивана Есикова, вслух возмущались: «Какого человека погубил! Вот гад! Чтоб тебе ни дна, ни покрывки!».

Узнав о гибели начальника милиции, жители поселка потянулись в библиотеку райкома партии, где стоял гроб с телом Акатышева. 8 марта односельчане и сослуживцы проводили его в последний путь.

Жене и дочери Людмиле передали его скромные подарки, заботливо купленные к Международному женскому дню.

Эпилог

Друзья тяжело переживали смерть Гаврилы Ивановича. Память о нём осталась в их сердцах навечно. Его фотография находится в экспозиции музея областного УВД, в Комнате боевой славы Сампурского райотдела милиции. Его имя – на обелиске сотрудникам милиции, погибшим при исполнении служебных обязанностей на Первомайской площади города Тамбова.

Жена Гаврилы Акатышева, Александра Ивановна, после гибели мужа уехала к дочери в Одесскую область.

Дочь, Людмила Гавриловна, более двадцати семи лет прослужила в органах внутренних дел. Награждена орденом «Знак Почёта». Ушла на заслуженный отдых с должности начальника паспортного стола Рассказовского ГРОВД.

Дезертир Иван Есиков, поднявший руку на сотрудника милиции, спустя три месяца после рокового выстрела, был расстрелян по приговору

военного трибунала.

Его приспешник Степан Дженабаев получил десять лет лагерей. Такой же срок назначили и Фёдору Есикову, но учитывая военное положение, исполнение приговора было отсрочено, и он был направлен на фронт. Но, как говорится, чёрного кобеля – не отмоешь добела. Вернувшись с войны в родные края, он был снова арестован в 1951 году за незаконное хранение оружия и осуждён на 5 лет лишения свободы. «Холодным летом 1953», после смерти Сталина, он был освобождён по амнистии.

СЕЛИВЁРСТОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (род. в 1945 г.)

Прозаик, юрист. Член Союза писателей России.

Родился 21 июня 1945 года в Котовске. Окончил Котовскую среднюю школу № 1, Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР, Академию МВД СССР. Работал начальником штаба УВД Тамбовской области. В настоящее время – Владимир Иванович – адвокат. Автор двух книг по основной специальности. Писатель публикует криминальные рассказы, исторические повести и романы в областных и районных газетах, воронежском журнале «Подъём». Его новые произведения находят отклик в областной прессе. Среди произведений о Тамбовском крае: историческое повествование «Державин – правитель тамбовский» (2006), «Хроники былого» в сборнике «Вчера и сегодня» (2007). Серия исторических романов о тамбовских губернаторах.

С 2011 г. Владимир Селивёрстов организует творческие встречи – «Трегуляевские среды» на своей даче для коллег по литературному цеху. Писатель живёт и работает в Тамбове.

Сочинения:

Селиверстов В. Многоликий Высоцкий. – Тамбов, 1997.

Селиверстов В. Тамбовский детектив. – Тамбов, 1998.

Селиверстов В. Тамбовский детектив-2. – Тамбов, 2000.

Селиверстов В. Тамбовский детектив-3. – Липецк, 2002.

Селиверстов В. Державин – правитель тамбовский. Ч. 1. – Тамбов, 2006.

Селиверстов В. Тамбовский губернатор Кошелев. – Тамбов, 2010.

Селиверстов В. Державин – правитель тамбовский. Ч. 2. – Тамбов, 2011.

Литература:

Дорожкина, В.Т. Селивёрстов Владимир Иванович / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова // Дорожкина, В.Т. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков / В.Т. Дорожкина, Л.В. Полякова. – Тамбов, 2006. – С. 124–125.

Дорожкина, В.Т. Прозаики и критики [Текст] : Селиверстов Владимир Иванович / Валентина Дорожкина // Дорожкина, В. Дорога жизни / Валентина Дорожкина. – Тамбов, 2009. – С. 446-454.

«И в сердце всех страстей волнение...»: 60 лет Владимиру Ивановичу Селивёрстову // Рассказ-газета. – 2005. – № 4. – С. [1] : фот.; 4.

Лавленцев, И. Подстёгивая сюжет интригой: размышления по поводу кн. Владимира Селивёрстова «Тамбовский детектив-1» // Тамб. жизнь. – 2001. – 13 апр.

Матюшина, М. Историческая тема / Маргарита Матюшина // Тамб. жизнь. – 2001. – 22 апр.

Наседкин, Н. Алкогольные размышления и воспоминания // Город на Цне. – 1998. – 12 авг.

Писарев, Е. Адвокат своих героев / Евгений Писарев // Рос. газ. – 2006. – С. 3.

Селивёрстов Владимир Иванович // Энциклопедия города Котовска. – Тамбов, 2007. – С. 296 : фот.

Трофимова, Е. Владимир Селивёрстов: После сорока жизнь только начинается / Елена Трофимова // deLuxeTambov. – 2011. – нояб.-дек. – С. 11-14 : фот.

Танкист рассказ

Когда боль одолевала, он стонал и орал:

– «Броня крепка и танки наши быстры...». Морфий не помогал, спасал неразведённый спирт, жалуемый жалевшими его, медсестричками. Опыание проходило и Герой Советского Союза, Пискунов Пётр Васильевич начинал ругаться на чём свет не стоит, плакать, требовать сменить резиновые пелёнки, принести утку, компоту из сухофруктов, киселя клюквенного.

Но жизнь неостановима и бинты сняли даже раньше, чем предполагали доктора.

Героям положена отдельная палата, но в госпитале таковых не было. Отгородили закуток в общей, бывшей когда-то школьным классом. Он впервые осмотрел себя после полной забинтованности. Всё, что раньше было продолжением колен и локтей, отсутствовало. Рубцеватые, говяжьи обрубки, выглядели до того дико, что Пётр на мгновение уверился: принадлежат они не ему, а другому, а может животному. Да, обкромсали его, спасая жизнь. Смерть пожирала смердящей, сочащейся зелёным гноем гангреной. Почему её называют Антоновым огнём? В честь какого Антона или Антонова назвали такую пакость?

Ни рук, ни ног не было, но чесались то пятки, то ладони, а пальцы на ногах и руках явственно и деревянно сводило судорогой, словно, лежащие где-то его кисти и ступни, подавали ему вест, тоскуя и желая снова соединиться в привычное тело. Чесанка сменилась острой дёргающей болью в правой ноге, танкист не выдержал, застонал, выругался, и стал думать о будущей жизни.

Получалось, что никакая жизнь его, самовара, не ждала. Ничего хорошего у него, лучшего тракториста колхоза «Красный пахарь», не предвиделось. Настя Устинова, из соседнего проулка, самая желанная из всех девушек, теперь за него не пойдёт, так, может, пожалеет, когда по-бабьи...

Нечем двигать рычаги из первого положения во второе, нечем нажимать на педали, чтоб в конце борозды крутануться на месте, будто, втереть папироску ногой в землю. Вспомнились ботинки на толстой свиной подошве с заклёпками и гусеничный трактор, называвшиеся одинаково ЧТЗ (Челябинский тракторный завод).

Да, что за жизнь без ног и рук? Народ про тех, у кого всё есть, а мастер никудышный и то говорят: безрукий. Мать в детстве тоже, обронит ласково, когда уронит чего,

– Ты, что безрукий?

Да, матушка моя родная, безрукий и безногий. Благо то, чем детей делают на месте. Может, и дети от такого без рук-ног родятся? Да и какая баба с постель с таким ляжет? Ни обнять, ни стреножить.

За высоким венецианским полуциркульным окном бывшей средней школы, где расположился эвакогоспиталь № 1234, синел, метелился декабрь сорок третьего года, двадцатого столетия от рождения Христова, как условились меж собой люди.

По Европе катился громадный, от моря до моря, жернов мировой войны. За мгновение под ним исчезали сотни тел человеческих, и отлетали в небо их души, пробитые пулями, осколками, штыками.

На войне нет ни хороших, ни плохих, ни добрых, ни злых, есть только ещё живые и уже мертвые. Война, великий примиритель, только она одна решает, кому жить, кому умереть, там главное, превратить живую силу в неживое бессилие.

Человека животрепещущего, животворящего, живородящего, с такой непрочной, ранимой нежной кожей, что и комару не преграда, кромсал раскалённый металл. Обожгла она и только начавшего жить парня из утопающего каждую весну в цветущей сирени, черёмухе, вишне, тамбовского села Алексеевки.

Ранним июльским утром двадцатилетний гвардии младший лейтенант Пискунов, командир среднего танка Т-34, походный номер 112, построил экипаж. Наводчик, младший сержант Сергей Малышев, водитель грузового АМО из Тулы, сердечной шутливой добротой сплывающий личный состав, поправил вечно налезавший на брови, серый от пыли пышкастый шлем и доложил,

– Товарищ лейтенант, семидесятишестимиллиметровое орудие к стрельбе прямой наводкой и с закрытых позиций готово. Боекомплект, в полная укладка в тридцать шесть снарядов, пять фугасов и пятнадцать гранат в наличии.

Механик-водитель ефрейтор Дмитрий Трофимов, рязанский токарь, умелец на все руки, нарезающий напильником на гвозде резьбу, и, прозванный на морской манер танковым коком, весело продолжил,

– Трансмиссия в полной исправности, аккумуляторы в полном вольте, бакипод завяз, возимый ЗИП в комплекте.

– Ты чего разлыбился? Сцепление в атаке сожжёшь, расстреляю на месте, как вредителя и предателя. Понял?

Заряжающий, белозубый красавец грузин Ираклий Гедеванишвили, с ласковым прозвищем Ира, мастак по части шашлыка из любого мяса, молча кивнул вороньего крыла головой.

Экипаж воевал уже пять месяцев и затаённо ждал. Всем известно, танки на войне больше полугода не живут. Они же, каким-то чудом, проехали, шлёпая траками, от Волги до Белгорода, без потерь и поломок. Сам танк, почитался пятым членом экипажа и содержался в чистоте и холе. Вопреки мнению пехоты, называвшей танки «братской могилой», для них он был «братским домом».

Шестой месяц и ни царапины у экипажа и у машины, плохая примета. Такие чудеса заканчивались прямым попаданием под погон башни, или противотанковой миной под днище, выбивающей нижний люк и кромсающей всех всмятку.

– Затишье, оно всегда перед бурей!

– Не каркай, пророк хренов! Если всем приметам верить, ложись и помирай. Вон вчера по лесу едем, две чёрные кошки, откуда ни возьмись.

– Не кошки это, а бабы Яги, переодетые. Может даже немцами засланные.

– Засранные! Баба Яга, она патриотка и к фрицам не переметнётся. У нас в разведке служит. На ступе с метлой аэрофотосъёмку позиций немецких по ночам делает. Ты чо, не знал, что ль?

– Товарищ лейтенант, за обедом пора. Наркомовские обещали. Старшина уже две пайки зажил. Во у кого жизнь! Хоть залейся, хоть обожрись! Хошь тушёнки, хошь сальца с прожилками. Всё, всё. Молчу, как рыба... эх щас-бы чебачка копчёного.

Команда «Заводи!» прозвучала в ТПУ (танковое переговорное устройство) затемно. Между деревьями только-только начала сочиться серая простокваша рассвета. Минут через двадцать, будто из воды вынырнули на опушку, развернулись в боевой порядок и полетели по полю, ухая в ухабы, пережёвывая редкий мокрый красный кустарник. Немецкие танки появились внезапно, освещённые вставшим с востока солнцем-слепящим плоским лимоном.

Началась танковая дуэль. Каким-то необъяснимым чутьём русский выбирал немца, а немец русского.

Малышев доложил:

– Есть прицел!

– Заряжай! Огонь!

Каждый делал своё дело. Заряжающий открыл, дослал снаряд, закрыл затвор. Механик-водитель, услышав команду «Огонь!» выжал сцепление, встречая откат, перевёл рычаги во второе положение.

Пётр ощутил, как танк от выстрела бросило на два трака назад и, машина, навёрстывая упущенное, присев, рванулась вперёд...

Беленькая, чистенькая, медсестичка Надя, с ещё необиженным людьми лицом и необожжённой жизнью душой, поднесла ко рту пахнущей женщиной и мазью Вишневского рукой, узкую мензурку с синеватой жидкостью. Танкист, притаив дыхание, чтоб не обжечь горло, пролил в себя огненную струйку и выдохнул вместе со словами:

– Спасибо, Надюша.

Алкоголь на пустой желудок подстегнул смелость калеки,

– Ты скажи, только честно, вышла бы за такого, как я?

Не научившаяся врать и скрывать свои чувства девушка, сунула лицо в ладошки и выбежала из палаты.

Спирт и реакция Нади вызвала у танкиста приступ острой злой жалости к себе, жизнь теряла остатки смысла, замещавшегося тягучей, тягостной смертельной тоской. Как хорошо, если всё это кончится. Прервётся! Какая всё же гнусная погань жизнь и как прекрасно просто не быть, не жить, не существовать. Ведь, если рассудить, то половина его тела

уже на том свете, валяется, гниёт где-то на мусорной свалке. Пора и оставшейся туда же.

Ещё совсем недавно так жаждал жить, ужасался, что могут убить. А тут о самоубийстве мечтает, как о манне небесной. Злоба и ненависть к этому жестокому, враждебному и беспощадному миру нахлынула на него. Отчаянным усилием он перевалился через невысокую сетку и больно шлёпнулся об пол. Упираясь культишками рук, пополз, подсакивая огромной лягушкой, к окну. Обрубки ног и рук закровянили, обильно пачкая рукава и кальсоны.

У окна танкист с трудом прислонил туловище в стене. Положил культи на широкий подоконник, ухватился зубами за старинный шпингалет, воняющий кислой медью, подтянулся и чудом удержался около стекла. Задвижка медленно поддалась, поехала вниз, освободила раму. Вторая держалась лишь на газетной бумаге, наклеенной на зиму от холодов. Морозный воздух обжёг лицо и горло. Открылся путь в избавление. В райские кущи. Пётр недолго неверно побалансировал на прогнившем жестяном козырьке и полетел, не чувствуя страха, ожидая тупой встречи с землёй.

Хватились его Надюша, прибежавшая сказать, что обязательно вышла бы за такого, как он. Увидела, пустую кровать, кровавый след. Холод, а ещё сильнее испуг, бросили её в дрожь. Сорвав косынку, с криком:

– Убился! Убился! – побежала в ординаторскую.

Спасли глубокий сугроб, спирт и оттепель. Легкораненые с завхозом принесли и, придерживая, чтобы не утонул, положили в горячую ванну. Главврач ходил по скользкому плиточному полу и причитал:

– Боже ты мой! Бедный мальчик, зачем? Почему? К чему? Жизнь прекрасна и без рук и ног. Просто жить уже счастье. У тебя есть так много, мы, земля, небо, солнце, луна. Облака ведь лучше, чем крышка гроба! Чтобы читать стихи Пушкина, наслаждаться полотнами Рубенса, не нужны никакие конечности, ни верхние, ни нижние. Наступит ещё и твой час, природой отмеренный, отмеченный. Жизнь – дар божий, бесценный и никому не дано отнимать его, даже у себя самого.

На следующее утро старый доктор собрал консилиум.

– Как вам известно, дражайшие коллеги, вчера в 11 часов дня совершил попытку самоубийства больной Пискунов. К счастью не летальную, хоть и... летательную. Слава Богу, не дошло до переохлаждения организма, и динамический удар смягчил сугроб. Нерадивость завхоза, снег не убравшего, тут пришлась, как нельзя, кстати: исполнил приказ, разбился бы Герой Советского Союза. С такой высоты травмы несовместимые с жизнью неизбежны.

Завхоз, одноногий, рыжий инвалид, пробурчал:

– У нас, товарищ военврач второго ранга, вся жизнь с жизнью несовместна.

– В то же время выздоровление Пискунова, его соматическое состояние протекает в норме, без патологий. Как вызвать у него желание жить и подавить тягу к смерти, прошу, дражайшие коллеги, вносить соображения.

Терапевт Промыслова подала мысль подавить всякие эмоции больного медикаментозной блокадой. Пусть постоянно находится в полудрёме, полузабытии безо всяких острых желаний и поступков.

Невропатолог Иосиф Борисович Цейтлин поддержал её и добавил, что нужно вызвать телеграммой мать. Она благотворно подействует на сына, убережёт его.

В консилиуме участвовала заведующая местным психоневрологическим отделением областной больницы Писарницкая Агния Моисеевна.

Её фамилия давно уже, утратив первоначальный смысл, стала символом дома сумасшедших. Горожане при любом случае говорили:

– Что, к Писарницкой захотел?

– Я, смотрю, тебе место только у Писарницкой.

Агния Моисеевна сама, как и все психиатры, была чуть тронутой. Семьи у неё не было. Никто и никогда не слышал о её мужчинах. Внешне она была типичной еврейкой, как две капли похожей на убийцу Ленина Фанни Каплан из фильма. Даже курила она только «Дукат», длинные толстые папиросы, прикуривая одну от другой.

Врачом она была от Бога, как и начальницей, строгой и беспощадной. Старинное здание кровавого кирпича с громадными окнами и такими же тяжёлыми дубовыми трехметровыми дверями, закрывающимися на чугунные литые лязгающие кандалами засовы, испускало на всё округу вечный и неизбывный запах всех советских больниц смесь карболки, квашеной капусты и мочи. Закон жизни: здоровые люди пахнут цветами, а больные дерьмом. Сумасшедшие, даже самые буйные и опасные, ходили «на цырлах», едва завидев грозную «главную».

И вот этот символ городского безумия, улыбнулась, обнаружив, ещё молодую и непротивную женщину, сказала:

– Сильнее смерти только любовь. Единственное лекарство, лечщее и душу, и тело одновременно. Назовите любое другое чувство равное ей по силе? Она великий спаситель. По-русски говоря, бабу ему надо. Простую обычную бабу со всеми причиндалами. Слава Богу, и у него всё на месте. Страсть к смерти надо заменить страстью к женщине.

Как, ни странно, но главврач предложение одобрил.

– А что, у нас в двадцать второй палате санинструктор с ампутацией правой нижней конечности и параличом левой верхней. Переселим её к Пискунову.

В другом крыле госпиталя, в женском отделении выздоравливала, если так можно сказать, девятнадцатилетняя Маша Мальцева. Васильковые её глаза, как маленькие лужицы, часто наполнялись слезами. Ногу ей

оторвало своей же миной, когда рота, попав под кинжальный огонь немецких пулемётов, бросилась спасаться на русское минное поле.

Хирурги просто обрезали лоскутья кожи и зашили рану. Второй осколок вырвал кусок нерва из левой руки, и она висела плетью.

Старый доктор на её вопрос, пожевав в раздумье губами, ответил маловразумительно:

– Нога, милочка моя, надо, конечно, надеяться, но маловероятно, чтобы выросла, а вот нерв... есть данные, растёт по миллиметру в год. Так что лет эдак через десять, может, ваша рученька и обретёт подвижность.

При очередном утреннем обходе, он попросил у Маши помощи,

– У нас тут, голубушка, сложилась напряжёнка с младшим медперсоналом. Санитарок не хватает. Не могли бы вы временно пособить, пока не наберём людей. С улицы же не возьмёшь первую встречную. Надо проверить, изучить...

Санинструктор воевала уже второй год. Невнятную неясницу главврача сразу приняла за непонятную ей пока игру. Она пошлялась по госпиталям и медсанбатам и порядки знала.

Приказ, раненых на внутренние работы не привлекать никто не отменял. Да и не слепая она. Тут сестричек и санитарок большой излишек. По штату и мужикам хватает. Слоняются с утра до ночи друг за другом. Ошиваются у пищеблока, как собаки бродячие у помойки. И «шуры-муры-амуры» с ходячими и «стоячими» легкоранеными не только ночью, но белым днём в старом заброшенном вишнёвом саду. Хотя, если уж сердцу не прикажешь, то телу тем более. Оно само тебе приказывает. На мужиков она насмотрелась, красивых и уродов, молодых и старых, живых и мёртвых.

Танкист каждый раз, проваливаясь в сон, командовал, нёсся в атаку. Во сне он был здоровым обычным парнем с ногами и руками. На этот раз танк почему-то не слушался, не двигался с места, как Пётр ни старался, педали не поддавались, рычаги поворота заклинило, и вся машина застыла каменной глыбой. Он дотронулся до брони, ощутился шершавый гранит. Сон был до того кошмарным, что Пискунов проснулся. Явь оказалась ещё ужасней. Лучше в кошмарный сон, чем в безногую и безрукую жизнь. Заснул и опять бегаешь, прыгаешь, гири тягаешь, копаешь землю, женщину обнимаешь...

Вошла она в палату к Герою, села рядом с белой койкой, обтянутой сеткой, чтоб не падал:

– А меня тоже наградили. «Красной звёздочкой», а посылали на «Боевые заслуги». Почему, а?

– Радуйся. «Звёздочка», она, поважнее будет. То медаль, а это орден. Каждый месяц по 100 рублей платить будут.

– А за «Героя» сколько дают?

– Не знаю. Ты кто такая взялась?

– Санинструктор Мария Мальцева.

Глаза танкиста часто и неотвратно натыкались те части тела санинструктора, которые отличают женщину от мужчины. Даже под застиранным, когда-то синим халатиком, набитное её тело, будто, подкачанное изнутри насосом, волновало, притягивало взгляд и мысли. А уж когда она, то перестилая простыни, то вынимая утку, касалась его грудью, прижималась круглым боком, он чувствовал, как внутри его, да и снаружи поднималось возбуждение неподвластное, неподдаваемое. Зыркал глазами исподволь на ложбинку между грудями, распирающими тесную байку халатика.

Просьбу начальника госпиталя Мария восприняла как приказ. Постепенно она чутьём женщины стала понимать, зачем она здесь. Однажды, кормя его алюминиевой ложкой с выцарапанными на ручке буквами «СВ», задала давно таимый вопрос,

– А ты с бабами-то успел побаловаться?

Герой перестал жевать, залился краской, будто мгновенно загорел на обжигающем июльском солнце, хотел было соврать, похвалиться какой он ходок по бабьей части, но почему-то отрицательно мотнул головой.

Маша давно решила не противиться желаниям, если они возникнут у «убогого», как она про себя звала Героя.

Четыре раза в день садилась к нему на кровать. Гладила жесткий бобрик волос и начинала растирать культи ног и рук.

– Ты, Алёш, не подумай чего. Массаж тебе доктор прописал, так что я тебя не, как баба глажу, а как медсестра.

Герой улыбался и молчал, думая про себя, медсестра, она всё равно женщина.

Он постоянно у докторов и сестричек клячил спирт или морфий. Успев привыкнуть к призрачному счастью, жаждал постоянно пребывать в нём, не выныривая в укороченную, безрукую и безногую жизнь. В редкие промежутки муторной трезвости его охватывал нестерпимый страх, стремясь избавиться от него, начинал ругаться, кричать, метаться по кровати.

– Товарищ военврач второго ранга, мой Герой опять затосковал. К смерти стремится, как к матери родной. Разрешите мне на круглосуточное дежурство перейти, а то и до беды недалеко. Я вчера под матрасом железку нашла, из сетки выломал, может вены вскрыть задумал иль в сердце кольнёт?

Старый врач и сам хотел ей предложить ночную вахту и облегчённо вздохнул, девка умная, сама догадалась, что к чему. Вот пень старый, любовь дело добровольное. Но всё же пробный камень бросил:

– Но ведь вы же в некотором роде особи, то есть особи противоположного рода, то есть пола.

– Да какой из него мужик? Самовар с одной конечностью, головой.

– Ну, голубушка, не скажите, есть ещё одна, чисто мужская, действующая.

Поздним вечером Маша медленно, чтобы не щелкать, провернула дважды ключ в двери, сняла с него байковую застирannую до неопределённо

серого цвета пижаму с оставшимися почему-то ярко желтыми накладными карманами, разделась сама и легла рядом. Коснувшись дынькой груди его плеча, почувствовала, как оно напряглось, задрожало, нетерпеливая эта дрожь от ожидания желанной близости передалась и ей. Тело её покрылось испариной снаружи и внутри. Алексей попытался было лечь на неё, но ничего не получалось. Тогда она села на него, как опытная наездница на необъезженного молодого жеребчика. Танкист зашёлся душой от ударившего наслаждения. Будто вошёл во врата райские, где срывать начал плоды, доселе невиданные, бархатистые, солнечные, тёплые и сочные. Внезапно накатило на него нестерпимое торжество жизни, радость сладостная, которой он щедро поделился с женщиной.

Когда танкист очнулся, санинструктор спала на своей койке, свернувшись в маленький комочек, словно дворовая собачка у забора. Только округлой горкой возвышалась бедро, теперь полностью принадлежавшее ему и только ему. До першения в горле стало её жаль, захотелось защитить от любых бед и невзгод, сделать счастливой.

Старый доктор в ординаторской, по-сократовски подняв вверх палец, изрёк:

– Тело исцелило душу. Редкий случай, чаще бывает наоборот.

Познав женщину, танкист, не знал удержу в желании постоянно обладать ею. Маша попросила начальника сделать на двери крючок, и когда бы не дергали к ним дверь, она постоянно была заперта.

Сын Алексей родился у них уже в селе Алексеевке, притулившемся к большому районному селу Покрово-Марфино, в самом крайнем доме за прудом. Во время родов Мария умерла от потери крови.

Герой продолжал выпивать, но, постепенно, освоил гончарное ремесло, благо жирная глина нашлась на берегу, прямо на задах огорода. Обжигал он кувшины, миски, горшки в небольшой норе, вырытой им у самой воды. Дров вокруг было достаточно, вековые вётлы плакали каждое лето, роняя сухие отжившие ветви. Какой-никакой, а доход.

Худо-бедно, но государство платило инвалиду пенсию. Жить на неё было и худо и бедно, Герой часто махнув из рюмки синего стекла самогона и хрустнув квашеной капусткой, повторял:

– Всё равно, жить-та, оно лутчея, чем нежить.

Сухотинский дом инвалидов расположился в бывшем женском монастыре на холме среди вековых сосен, таких старых, что ветвистые сучковатые макушки и те пооблысели, сбросив последние иголки много лет назад. В главном корпусе, двухэтажном доме красного ажурной кладки кирпича стояла невыносимая и невыносимая для свежего человека вонь – гремучая и дремучая смесь из карболки, рыбного супа и давно немытого человеческого тела.

На одной из дверей, крашеной в половую краску, висела табличка «Палата ВОВ». Обитатели индома её жильцов звали «Вовами». На койке в углу лежал Герой, которому давно уже перевалило за семьдесят. Он мучался от пролежней и несварения желудка. Директор индома Галыгин, громадный мужик с писклявым детским голоском ветеранам уделял особое внимание, потому как в бюджете учреждения они шли отдельной строкой и снабжались щедрее, чем остальные. Иногда он заставлял бухгалтера из средств этой строки покупать бутылку водки, брал в столовой хлеб, лук и солёные огурцы и шёл к старикам. Невоевавший, проработавший всю войну на соседнем пороховом заводе в Котовске, Галыгин чувствовал перед ними вину и грустно шутил:

– Я тоже, как и ты «бронью» защищённый был.

На что тот отвечал всегда одно и то же,

– Да, твоя броня покрепче моей получилась.

Что влекло в этот Богом забытый уголок, где одиночество было лучшим другом каждого «обеспечаемого», молодой майор Селиванов, начальник районного отдела внутренних дел, пожалуй, объяснить бы не смог. Он подъезжал на голубой милицейской «канарейке» и шёл прямым ходом к Герою. Брал старую табуретку с дыркой посередине, напоминавшую казарму срочной службы в танковых войсках, где он был механиком-водителем среднего танка.

Сегодня, в День Победы, он не мог не приехать к старому солдату. Герой лежал, уткнувшись лицом к стене, и плакал. Сосед, тоже участник ВОВ, с лицом, похожим на зазубренную стрелецкую секиру, поющий «под мухой», когда мутнеют глаза и яснее память, всегда одну и ту же песню «Артиллеристы, Сталин дал приказ...» – пояснил:

– Тут давеча двое ввалились и всё наше вино забрали. Вчера пенсия была, вот мы красного и купили пять бутыльцов. Как говорится, «вермутёк и наутек». Молодые ребята, но не нашенские, могёт быть залётные какие?

– Пётр Васильевич, как они выглядели, опознать сможешь?

– В куртках кожаных, молодёжь, да где их найдёшь-то? Иди, свищи. Обидно, последние в магазине у Маруси выпросил.

Начальник милиции в машине нажал на тумблер рации,

– Дежурный? Селиванов. Объявляю всему РОВД боевую тревогу. Через час весь личный состав должен быть в Сухотинском индоме. Как понял? Приём.

К вечеру оба грабителя стояли перед Героем.

– Прости отец, мы не знали, что ты воевал. Прости, если можешь. Заработаем, купим.

Селиванов невыдержал, размахнулся и отвесил обоим увесистые оплеухи. Танкист заступился,

– Товарищ майор, не надо, а то озлятся ещё хуже. Меня-то они и пальцем не тронули.

Года через полтора позвонил директор Галыгин и сообщил, что Герой Советского союза Пискунов Пётр Васильевич умер сегодня ночью в своей палате от обширного инфаркта миокарда.

На кладбище, над могилой Селиванов стоял со старым артиллеристом и директором. Сын не приехал, прислал телеграмму «Болею. Скорблю. Мысленно с вами».

На дне скопилась вода, и гроб плавал, прибываясь, то к одной глинистой стенке, то к другой.

Начальник милиции бросил горсть земли. Она гулко стукнулась, и он, невольно, оглянулся на краснеющий невдалеке корпус. Почудилось, гроб пуст, а Герой сидит на кровати и, поглаживая культёй седой затылок, говорит:

– Да, жить-то, оно, конечно, лучшее, чем не жить.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ ВОЙНЫ

ЛУКАНКИНА ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

(род. в 1981 году)

Прозаик, поэт, драматург, критик, журналист, член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родилась 15 июля 1981 года в Тамбове. В 2003 году окончила факультет журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Десять лет работает в тамбовской журналистике: пять лет – обозревателем в областном еженедельнике «Наедине», пять – в должности корреспондента 1-й категории газеты Тамбовского района «Притамбовье». Несколько лет являлась внештатным литературным сотрудником московского журнала «Российский колокол».

Елена Львовна – автор пяти книг: стихотворных сборников и романа.

В 2003 году на региональном фестивале прессы Тамбовским областным отделением Союза журналистов России Елена Луканкина признана лучшим молодым журналистом Тамбовщины. А в 2012 году – лучшим журналистом года в Тамбовской области.

В 2005 году Елена Луканкина была участником Первого слёта молодых российских писателей «Дети Солнца» и выездного семинара Союза писателей России.

Осенью 2011 года Елена Львовна была награждена литературно-общественной премией «Светить всегда» имени Владимира Маяковского с вручением диплома и ордена «В.В. Маяковский» за верное служение художественному слову, за подвижническую деятельность на ниве отечественной литературы.

В конце 2011 года Елена Луканкина стала победителем конкурса журналистских работ Центрального Черноземья «Бал прессы» в номинации «Персона года», которая присуждается работнику средств массовой информации, чья профессиональная и общественная деятельность оценивается как наиболее значимая и яркая на протяжении года.

Сочинения:

Луканкина Е. Маленькие жизни: Стихи. – Тамбов, 2002.

Луканкина Е. Полуангелы: Рассказы. – Тамбов, 2002.

Луканкина Е. Искусство крика: Стихи. – Тамбов, 2004.

Луканкина Е. P. S. (Post scriptum): Стихи. – Тамбов, 2007.

Луканкина Е. Когда мы стали животными. История болезни. – Москва, 2009.

Литература:

Замшев, М. От крика к свету / Максим Замшев // Наедине. – 2007. – 14 марта.

Искусство крика // Регион 68. – 2005. – № 3. – С. 41 : ил.

Ишин, А. Стихи, как неба точки / А. Ишин // Город на Цне. – 18–24 авг.

Наседкин, Н. Елена Луканкина / Николай Наседкин // Тамбовский альманах. – Тамбов, 2006. – № 2. – С. 182 : фот.

Полякова, Л.В. [О Е.Л. Луканкиной] // Полякова, Л.В. Современная поэзия Тамбовского края / Л.В. Полякова. – Тамбов, 2010. – С. 67–69.

Руделёв, В. «Я была в прошлой жизни дождём...»: творчество Елены Луканкиной в парадигме поэтической школы Евгения Харланова / Владимир Руделёв // Наедине. – 2008. – 5 марта.

Ароматное совпадение

рассказ

Марина не могла усидеть дома. Всё её существо рвалось на улицу. Куда-то в неведомое. Это желание побега переполняло её. И она не стала сопротивляться, решив поддаться странному чутью. Оделась, на ходу дожевала приготовленный мамой бутерброд и отправилась на поиски желаемого события, которое обязано было произойти.

Праздничный город, только остывший от Дня Победы, спокойно ждал предстоящих будней. Небо после парада тяжело дышало. Перед дождём всегда так – на надрыве.

Марина смотрела по сторонам, ожидая подсказки. Она желала того, что тянуло её из дома. «Ну, где?» – мысленно спрашивала она. Но вокруг было всё привычно, никаких особых событий не происходило. Марина решила пойти в городской парк, упорно не веря в пресность выходного дня.

Стоя на перекрёстке, на противоположной стороне возле ГУМа, она увидела дедушку с тремя связками милых ландышей. Цветы были перетянуты на скорую руку обычными нитками. На лице старика читалась безнадежная грусть, он, как будто просил каждого прохожего купить у него эти щедрые майские первоцветы. Какая-то неловкость была в его движении. Даже робость. Марина заметила, что он слегка прихрамывал, и стоять ему на этом продувном углу было совсем небезопасно.

Сердце девочки дрогнуло и сжалось от сострадания. Дедушка смотрел на проходящих мимо людей, протягивая им цветы, но никому не было дела до ландышей и старика. Надвигался дождь, усиливался ветер, и каждый спешил в своё укрытие. Марина закусила губку и, дождавшись зелёного света, устремилась к дедушке. Она подошла к старику и достала из кармана смятую пятидесятирублёвку.

– У меня больше нет. Можно я куплю все три?

Старик удивлённо посмотрел на девочку и с улыбкой протянул ей ароматные ландыши. Марина, словно актриса, принимающая от поклонника цветы, трепетно прижала к себе своих будущих молочных детей.

– Спасибо, – ласково сказала она, глядя в разлинованное морщинками лицо. Дед умилённо смотрел на радостную девчонку и совсем забыл о своём радикулите. Марина высвободила свою маленькую ручку и ловко положила её на шершавую горячую ладонь. Голубая бумажка покорно выскользнула, согласившись перейти к другому хозяину. Дед хотел было вернуть её девочке и возмутиться, но та уже юркнула за угол и догнать рыжеволосую юлу старик никак не мог.

Счастью Марины не было предела. Ей казалось, что в руках трепещет что-то живое. Прохожие трогательно смотрели на девочку в белом облаке, то и дело оглядываясь. И, вправду, Марина на фоне преддогового города выбивалась из индустриальной серости. Ландыши кротко сложили свои ажурные головки на тёплой груди девочки. Марина задышалась от радости.

Проходя мимо монумента «Танк», в её груди что-то кольнуло, и она свернула в сторону величественного памятника. Подойдя вплотную к постаменту, сердечко заколотилось ещё сильнее. Историческая каменная глыба, высотой не в один Маринин рост, давила своими масштабами и значимостью. Марина подняла голову и увидела мемориальную доску с текстом. Бегло пробежав по гравировке, она остановилась:

«...Колхозники, рабочие, служащие, интеллигенция, красноармейцы и политработники Красной Армии и Военно-Морского флота, партизаны и партизанки, следуя почину тамбовских колхозников, внесли, начиная с 9-го декабря 1942 года по 31 марта 1943 года в фонд Красной Армии семь миллиардов сорок один миллион триста двадцать рублей...».

«Вот это да», – сказала она в сердцах, и удивлённо подняла голову в небо. Облака наливались тяжёлой водой и становились устрашающе низкими. Марина положила один букет возле памятника и тихо произнесла: «Это вам».

Надо было торопиться. Небо уже не удерживало собранную влагу, и первые капли протекали через её чернеющую массу. Ландыши от ускоренной ходьбы качали своими нежными головками, как будто торопили свою спасительницу.

Ничего не отвлекало от цели. Марина шла домой. Взгляд её утопал в ландышах. Чуть было не вписавшись в клумбу, она подняла голову и увидела приближающуюся влюблённую парочку, которая шла навстречу. Девушка и юноша держались за руку и нежно ворковали. Марина зачарованно смотрела на них, мечтая, что однажды тоже будет гулять со своим любимым, держась крепко за руку, и обсуждать всякую всячину. Она широко улыбнулась, поправила рукой волосы и подбежала к ним, торжественно протягивая букет.

– Возьмите.

Молодые люди опешили, настороженно переглянувшись.

– Это нам? – удивлённо спросила зарумянившаяся девушка.

– Да. Они очень подойдут к вашей белой кофточке, – кокетливо сказала Марина. – А вам (глядя на парня), – к голубым глазам.

Марина настойчиво предлагала букет. Ландышам нельзя было отказать. Влюблённым ничего не оставалось, как принять подарок незнакомой девочки. Они поблагодарили её за приятный и ароматный сюрприз и молча пошли дальше, убыстряя ход. Теперь от дождя они должны были спасти и эти цветы.

Один букет оставался в руках у Марины, и на этот раз она знала, кому его подарит. Ветер продолжал колыхать флаги на белоснежных треножниках, расставленных по всему городу. Дождь был неизбежен.

Марина залетела в подъезд и через несколько секунд была уже у своего порога. Дверь открыла улыбчивая мама, но проснувшаяся улыбка быстро сползла с её красивого и правильного лица. Каково же было её удивление, когда она увидела эту растрёпанную копну огненных волос, белый букет ландышей и забрызганные туфли и колготки. Марина опустила

глаза и поняла, что про лужи-то она и забыла. Но, не долго думая, опередила назревающий вопрос, разрядив надвигающуюся грозу.

– Мама, всё в порядке. Антошка дома?

– Дома, – протяжно ответила растерявшаяся женщина, закрывая дверь.

Марина влетела в свою комнату и увидела брата, читающего книгу.

– Смотри, что у меня есть, – соловьиным голоском пропела Марина и показала из-за спины букет.

– Красивый, – с улыбкой ответил он и радостно обнял его маленькими ладошками.

– Это тебе!

– Мне? – в глазах Антошки играли отражения дождевых капелек, которые дрожали на листках. – Спасибо. А где ты их нашла? – Антон вдохнул пьянящий аромат и от удовольствия зажмурился.

– Это долгая история, – не желая выдавать брату свои маленькие секреты, сказала Марина, и принялась деловито искать в серванте вазу.

Несколько дней стоял на столе этот праздничный, почти что свадебный букетик, который по традиции бросает в толпу девиц невеста. Он так быстро вписался в атмосферу уюта этой детской комнаты, будто всегда стоял на этом столе и в этой вазе. Делая уроки, Марина изредка поглядывала на него, вспоминая тот день. Она знала, что ландыши скоро завянут и покинут своё место, ставшее уже родным. От этого было грустно, но в то же время она так умилялась тем, что они были её молчаливыми собеседниками.

Она иногда вспоминала те два букета, размышляя об их судьбе. Всё было тогда так внезапно. Марина любила непредсказуемость, ждала чудес, мечтала о путешествиях. В тот майский день обычная прогулка превратилась во что-то волшебное и памятное.

Девочка не знала, что купит в тот день эти цветы.

Дедушка не знал, что купит их эта девочка.

Ландыши не знали, что их сорвёт тот самый старик.

Букеты не знали, что один из них будет подарен с благодарностью, второй – просто так, а третий – с любовью.

Марина не знала, что этот самый букетик станет свидетелем важного события в жизни Ани и Алёши.

Аня и Алёша не знали до этой секунды девочки Марины.

Тем более, они не знали, что купила их эта девочка у старика.

Как и не знали они того, что Марина подарит им этот букет.

Марина не знала, что именно эти ландыши будут дрожать в руке радостной Ани, когда Алёша сделает ей в тот же вечер предложение руки и сердца.

Не знала тогда Марина, что Аня согласится.

Аня в свою очередь даже не могла и представить, что Алёша задумал тогда.

Однако Алёша догадывался, что Аня ответит ему долгожданное «Да!».

Ландыши не знали, что они услышат подобное сегодня, когда ещё росли в пригородном лесу.

Дедушка не знал, что сорвёт именно эти ландыши, а не другие.

Не знала Марина и того, что деда зовут Виктор Петрович и что это он одним из первых в мае 45-го выкрикнул священное слово: «Победа!» в багровое берлинское небо.

Не знал Виктор Петрович, что девочку, которая купит у него ландыши, зовут Марина и то, что её маленький братик – инвалид детства. Не мог он догадаться и о том, что именно ему любящая сестрёнка подарит один из ласковых букетиков.

Не знала Марина, что возле памятника (мимо которого она проходила сотню раз) её сердце будет трепетать от гордости за свою страну и историю.

Не знали тамбовские колхозники и колхозницы, собравшие в далёком декабре 42-го средства на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник», что девочка Марина, их землячка, спустя 66 лет, возложит к монументу в честь их патриотического почина, эти скромные искренние ландыши.

Не знал и дождь того, что он так и не начнётся...

Никто в тот день не знал, что произойдёт с каждым из них. Но где-то в заоблачье волшебная палочка наколдовала именно такое стечение обстоятельств. Приятное ароматное совпадение!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ

Архангельский Николай Васильевич

Лейтенант Пётр, *рассказ*

Баранов Валентин Петрович

В дни грозные, *фрагмент повести*

Жариков Андрей Дмитриевич

Дочь генерала, *рассказ*

Панов Борис Константинович

Солдат и девочка, *рассказ*

Шилин Алексей Емельянович

Колосок в конверте, *записки писателя*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Акулинин Александр Михайлович

Вечерние письма, *рассказ*

Аршанский Валерий Семёнович

Симка стреляный, *рассказ*

Герасин Виктор Иванович

Посконь, *очерк*

Гришин Михаил Анатольевич

Прощание славянина, *рассказ*

Зотов Александр Александрович

Сонет о Родине, *рассказ*

Королёва Зинаида Алексеевна

От Амура до Австрии, *очерк*

С войны путь долог, *рассказ*

Котька, *рассказ*

Косневич Анатолий Яковлевич

Пуговицы, *рассказ*

О пользе чтения, *рассказ*

Кравченко Василий Васильевич

Дым Отечества, *рассказ*

Эхо, *рассказ*

Кудрин Валерий Анатольевич

«Дорогому сыночку», *рассказ*

Наседкин Николай Николаевич

Фронтовики, *очерк*

Расстегаев Юрий Николаевич

Во фронтовых делах не участвовал, *документальная повесть*

Селивёрстов Владимир Иванович

Танкист, *рассказ*

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ ВОЙНЫ

Луканкина Елена Львовна

Ароматное совпадение, *рассказ*